

172 *ИИЗ
П. 128
✓
111

6912
12209

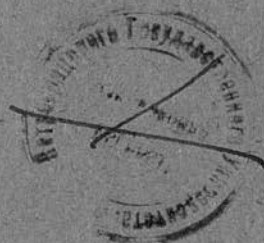
19410 чсм. 14
3234

К. А. Пажитновъ.
Директоръ Петроград. Кооперат. Института.

ИСТОРІЯ КООПЕРАТИВНОЙ МЫСЛИ.



6912



Издательское Товарищ. Кооперат. Союзовъ „КООПЕРАЦІЯ“.
Петроградъ, Литейный 49, кв. 8. Тел. 168-11.
1918 г.

Оглавленіе:

АНГЛІЯ.

	стр.
Робертъ Оуэнъ	1
Вильямъ Кингъ	11
Христіанскіе Соціалисты	31
Идеологи Потребительской Кооперациі	38

ФРАНЦІЯ.

Шарль Фурье	51
Идеологи Производительной Кооперациі—Ф. Бюше, Луи-Бланъ и Г. Фегерэ	61
Шарль Жидъ	67
Ивъ Гюйо	80

ГЕРМАНІЯ.

Шульце-Деличъ Райффейзенъ	101
Фердинандъ Лассаль, Эдуардъ Пфейфферъ и Францъ Оппенгеймеръ	111
РОССІЯ	142

ОТДѢЛЪ I. А н г л і я.

ГЛАВА I.

Робертъ Оуэнъ.

Слово *кооперация* впервые было пущено въ употребленіе въ томъ смыслѣ, какъ его теперь обычно понимаютъ—въ Англіи знаменитымъ социальнымъ реформаторомъ Оуэномъ. Правда, наши кооперативы далеко не похожи на тѣ коммуны, которыя онъ пропагандировалъ, однако между ними есть несомѣнная историческая преемственность и связь, и Р. Оуэнъ не даромъ называется отцомъ современнаго кооперативнаго движенія въ Англіи. Поэтому исторію кооперативной мысли вполне естественно начать съ изученія взглядовъ этого замѣчательнаго человѣка.

Р. Оуэнъ родился въ 1771 г. въ мѣстечкѣ Ньютоунѣ, гдѣ отецъ его совмѣщалъ обязанности почтмейстера и шорника. Уже въ дѣтствѣ Робертъ замѣтно выдѣлялся своими способностями и любознательностью: въ семь лѣтъ онъ былъ первымъ ученикомъ въ школѣ и учитель сдѣлалъ его своимъ помощникомъ, а въ десять лѣтъ онъ перечиталъ всѣ книги, какія могъ только достать. Съ пятнадцати до девятнадцати лѣтъ Оуэнъ служилъ приказчикомъ въ Стамфордѣ, Лондонѣ и наконецъ въ Манчестерѣ. Здѣсь онъ сошелся съ однимъ механикомъ Джонсомъ, который познакомилъ его съ только что сдѣланными въ то время механическими изобрѣтеніями въ области промышленности и предложилъ совмѣстно съ нимъ основать мастерскую для изготовленія прядильныхъ машинъ. Оуэнъ занялъ нужную сумму денегъ у своего брата и вошелъ компаньономъ въ предпріятіе Джонса, но вскорѣ разошелся съ нимъ и основалъ собственную бумагопрядильную мастерскую. Однако недостатокъ капитала мѣшалъ ему развивать дѣло такъ, какъ слѣдовало-бы, и въ 1791 г. онъ поступаетъ управляющимъ на одну изъ крупнѣйшихъ бумагопрядильныхъ фаб-

рикъ въ Манчестерѣ, гдѣ работало до пятисотъ человѣкъ. Здѣсь ему удалось значительно усовершенствовать постановку дѣла и онъ составилъ себѣ хорошую репутацію въ промышленномъ мірѣ. Въ 1796 г. вмѣстѣ съ нѣсколькими компаньонами Оуэнъ приобрѣтаетъ фабрику Нью-Ланаркъ въ Шотландіи и скоро становится миллионеромъ. Въ 25 лѣтъ его карьера была уже обезпечена, онъ былъ богатъ и достигъ высокаго соціального положенія. Но это не удовлетворяло его и онъ стремился къ широкой общественной дѣятельности. Послѣдняя четверть XVIII вѣка, когда именно Р. Оуэнъ выступалъ на самостоятельное поприще и складывался его характеръ, въ общественно-экономической жизни Англіи происходила глубокая перемѣна, окрещенная впослѣдствіи именемъ промышленной революціи. Въ 1770 г. Харгривсъ изобрѣлъ прилку Джени-станокъ съ нѣсколькими веретенами, на которомъ сразу прялось нѣсколько нитей вмѣсто одной, а черезъ девять лѣтъ появился прядильный станокъ Кромптона (мюль-машина), приводимый въ движеніе водяной силой и заставляющій работать сразу 12000 веретенъ. Въ 1785 г. Картрайтомъ былъ пущенъ въ ходъ механическій ткацкій станокъ, кореннымъ образомъ измѣнившій характеръ ткацкой промышленности. Подобныя же открытія въ области техники были сдѣланы затѣмъ въ цѣломъ рядѣ другихъ отраслей промышленности, а изобрѣтеніе паровой машины Джемсомъ Уатомъ поставило къ услугамъ предпринимателей новый могущественный двигатель, безконечно превосходившій всѣ прежніе. Наступила новая эпоха—пара и машиннаго производства. Благодаря этому перевороту въ области техники, крупное капиталистическое производство стало вытѣснять мелкое, и вмѣсто скромныхъ ремесленныхъ, мастерскихъ, которыя господствовали раньше, теперь главный тонъ въ промышленной жизни стали задавать уже огромныя шумныя фабрики и мануфактуры съ сотнями или даже тысячами рабочихъ. Мелкіе города на глазахъ одного поколѣнія превращались въ крупные центры, народное богатство росло съ неслыханной быстротой, но рядомъ съ этимъ скоро стали обнаруживаться и крайне отрицательныя послѣдствія: пауперизмъ, паденіе нравовъ, обостреніе отношеній между рабочими и предпринимателями, экономическіе кризисы, безработица, стачки и т. п.

Передъ общественнымъ сознаніемъ стало все болѣе и болѣе выясняться, что великія изобрѣтенія конца XVIII вѣка облагодѣтельствовали далеко не всю націю: всѣ преимущества достались на долю исключительно крупныхъ капиталистовъ, положеніе же рабочаго класса не только не улучшилось, но на первое время даже ухудшилось... Оуэнъ былъ непосредственнымъ очевидцемъ всей этой перемены и онъ былъ пораженъ тѣмъ противорѣчіемъ, которое обнаружилось между введеніемъ въ жизнь великихъ изобрѣтеній техники и ихъ послѣдствіями: вмѣсто того, чтобы облегчить трудъ рабочихъ и поднять уровень ихъ благосостоянія, машины наоборотъ повлекли за собой ухудшеніе положенія рабочаго класса, вся же выгода досталась на долю небольшой кучки предпринимателей.

Если умъ человѣческой изобрѣлъ машину, то неужели не можетъ онъ изобрѣсти и такой общественный порядокъ, при которомъ эти машины дѣйствительно стали бы благоудѣяніемъ чело-вѣчества, а не средствомъ эксплуатаціи труда капиталомъ. Вотъ вопросъ, который поставилъ себѣ Оуэнъ и размышленіе надъ которымъ привело его къ выработкѣ собственной системы разумнаго общества. Р. Оуэнъ обладалъ большимъ жизненнымъ опытомъ, но онъ былъ самоучка и не получилъ систематическаго образованія. Поэтому къ выработкѣ своей системы онъ подходилъ медленно и постепенно. Еще во время своего пребыванія въ Манчестерѣ онъ принималъ участіе въ мѣстномъ литературномъ и ученомъ обществѣ и сблизился здѣсь съ докторомъ Персивалемъ, авторомъ доклада о бытѣ фабричныхъ рабочихъ, положившаго начало общественной агитаціи въ пользу изданія законовъ по охранѣ труда. Руководя крупными фабриками въ Манчестерѣ и Нью-Ланаркѣ, Оуэнъ дѣятельно принимается за улучшеніе быта рабочихъ и за организацію воспитанія дѣтей на новыхъ началахъ. Эта дѣятельность увѣнчалась полнымъ успѣхомъ и доставила ему громадную и почетную извѣстность не только въ Англіи, но и на континентѣ Европы и даже въ отдаленной Америкѣ. И только накопивши достаточно убѣдительный, на его взглядъ, опытъ и встрѣтивъ рѣшительную оппозицію со стороны фабрикантовъ, къ которымъ онъ обратился съ призывомъ заняться во имя собственныхъ интересовъ улучшеніемъ положеній рабочихъ, Оуэнъ выступилъ наконецъ съ планомъ коренныхъ социальныхъ реформъ.

Первымъ крупнымъ литературнымъ произведеніемъ, съ которымъ онъ выступилъ передъ обществомъ, является „Опытъ образованія челоуѣческаго характера“, вышедшій въ 1812 г., когда ему было уже за сорокъ лѣтъ. Здѣсь имъ была развита мысль которую онъ съ тѣхъ поръ не уставалъ повторять до конца своей жизни—что господствующее мнѣніе о томъ, будто челоуѣкъ самъ вырабатываетъ свой характеръ, совершенно ошибочно. По его словамъ, онъ уже къ десяти годамъ пришелъ къ убѣжденію, что „въ основѣ всякой религіи есть нѣчто дурное“—это именно ученіе о личной отвѣтственности. Между тѣмъ характеръ есть продуктъ наслѣдственности и обстоятельствъ; люди не отвѣтственны поэтому за свои поступки и бесполезно ихъ наказывать. По выраженію Оуэна, „характеръ образуется не челоуѣкомъ, а для него (for him)“. Люди, совершающіе теперь преступленія, не виноваты въ нихъ; вся вина—въ системахъ, при которыхъ они были воспитаны. Устраните обстоятельства, способствующія совершенію преступленій—и преступленій больше не будетъ. Замѣните ихъ условіями, при которыхъ зарождается склонность къ порядку, воздержанности и трудолюбію—и эти качества явятся.

Такимъ образомъ, рациональное воспитаніе является самымъ главнымъ факторомъ созданія новаго разумнаго общества.

При немъ возможно образованіе такихъ характеровъ, которые „по своимъ понятіямъ и превосходнымъ качествамъ не только превосходили бы самыхъ умныхъ и ученыхъ людей настоящаго и

прошедшихъ вѣковъ, но и явили бы поколѣніе вышшихъ разумныхъ существъ“.

Но для того чтобы дѣти, выходя изъ школъ, не подвергались развращающему влиянію среды и сохранили наклонность къ добру, ихъ нужно поставить въ надлежащія условія, нужно слѣдовательно измѣнить общественную обстановку. Эта сторона дѣла была развита Оуэнъ пять лѣтъ спустя въ докладѣ о мѣрахъ борьбы съ безработицей, представленномъ имъ въ 1817 г. специальной парламентской комиссіи. Здѣсь онъ выдвигаетъ въ качествѣ наиболѣе рациональнаго средства для борьбы съ безработицей и пауперизмомъ устройство „земледѣльческихъ и мануфактурныхъ поселеній единства и взаимной коопераціи“ или—какъ онъ ихъ называетъ—кооперативныхъ коммунъ. На средства, получаемыя отъ налога въ пользу бѣдныхъ, приходы должны приобрѣтать пустующіе земельные участки отъ 1000 до 1200 акровъ (370-445 дес.) и устраивать для своихъ недостаточныхъ членовъ указанныя общины, считанныя каждая на 1200—1500 человекъ. На каждомъ участкѣ должна быть устроена ферма и рядъ мастерскихъ, гдѣ члены общины получаютъ примѣненіе своему труду и будутъ добывать все необходимое для удовлетворенія ихъ потребностей. На чертежѣ, который Оуэнъ представилъ комиссіи, постройки общины располагались въ видѣ замкнутаго четырехугольника съ большимъ внутреннимъ дворомъ. Три стороны его назначались подъ квартиры, а четвертая отводилась для дѣтей, которыя съ самаго ранняго возраста должны воспитываться отдѣльно отъ своихъ семей, вдали отъ всякихъ вредныхъ вліяній. Посреди внутреннего двора находилось огромное зданіе, въ которомъ помѣщались общественная кухня, столовая, библіотека, залъ для чтенія, школы, дѣтскіе сады и т. п.

Въ этой общинѣ не должно быть ни хозяевъ, ни наемныхъ рабочихъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ: всѣ будутъ свободными и равноправными членами и будутъ трудиться не для обогащенія отдѣльнаго лица, а ради общаго блага.

Однако парламентская комиссія отнеслась весьма сдержанно къ его предложенію—такъ же, какъ и Ахенскій конгрессъ государей, къ которому онъ обратился въ 1818 г. съ докладной запиской. Тогда Оуэнъ обратился съ возваніемъ къ рабочему классу, давая ему указанія, какъ поступать въ томъ случаѣ, когда къ нимъ на помощь придутъ—какъ онъ надѣялся—богатые люди. Однако ему не удалось собрать необходимыя для устройства коммуны средства и въ 1825 г. онъ отправился въ Америку, чтобы тамъ сдѣлать попытку осуществленія своей заветной мысли. Здѣсь, въ штатѣ Индіана, имъ была основана „Новая Гармонія“ которая просуществовала около трехъ лѣтъ, но затѣмъ распалась, поглотивъ половину всего его состоянія. Эта неудача однако не сломила его, и вернувшись въ Англію онъ весь отдался пропагандѣ своихъ идей среди рабочаго класса.

Наиболѣе полное и систематическое изложеніе взглядовъ Оуэна мы находимъ въ его „Книгѣ о новомъ нравственномъ мірѣ,

содержащей рациональную систему общества,“ которая была издана въ семи частяхъ за время съ 1842 по 1844 г.

Кромѣ того, въ 1849 г., т. е. уже незадолго до смерти, Оуэнъ выпустилъ книгу—„Революція въ понятіяхъ и дѣятельности человѣческаго рода,“ которая также имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для пониманія его взглядовъ, ибо въ ней онъ какъ бы подводитъ итоги и своимъ неутомимымъ практическимъ опытамъ, и своимъ многолѣтнимъ размышленіямъ о „нозѣмъ нравственномъ мірѣ“.

Несмотря на практическія неудачи съ устройствомъ колоній, онъ никогда не падать духомъ и не терять увѣренности въ скоромъ торжествѣ своихъ взглядовъ. „Время для введенія устойчивой разумной системы общества, основанной на признанныхъ законахъ природы и предназначенной для исправленія человѣческаго характера и для управленія населеніемъ земного шара въ единеніи, мірѣ, прогрессивномъ улучшеніи и счастіи,—говорится здѣсь, *)—быстро приближается, и никакая человѣческая сила не въ состояніи долго сопротивляться этой перемѣнѣ. Всѣ правительства міра увидятъ себя скоро позотому вынужденными ввести, въ цѣляхъ собственной защиты, эту высшую систему, чтобы не допустить страну быть вовлеченной въ состояніе анархіи, войны и разрушенія. При современныхъ политическихъ, религіозныхъ, коммерческихъ и домашнехозяйственныхъ условіяхъ 250 человѣкъ въ Великобританіи не могутъ прожить съ комфортомъ на площади земли въ одну квадратную милю. Между тѣмъ при предложенной мною системѣ съ меньшей затратой труда и капитала на ней можетъ прокормиться съ избыткомъ 500 человѣкъ; а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ введенія новаго порядка на каждой квадратной милѣ земли среднего качества могли бы получать средства къ существованію 1000, 1500 и пожалуй—безъ новыхъ изобрѣтеній—2000 человѣкъ“.

Но какимъ же образомъ можно достигнуть столь блестящихъ результатовъ? Руководствомъ для этого служить составленная Оуэномъ „универсальная конституція и сводъ законовъ“ будущаго общества, состоящая изъ тридцати шести статей, распадающихся на шесть отдѣловъ, съ комментариемъ къ нимъ. Отдѣлъ первый (ст. 1—7) посвященъ попеченію о населеніи и воспитанію его. Здѣсь указывается, что всѣ должны быть воспитываемы отъ рожденія до наступленія зрѣлаго возраста наилучшимъ образомъ, доступнымъ въ данное время, и всѣ должны пройти черезъ одно и то же воспитаніе, домашнее обученіе и получать одну и ту же практическую подготовку. Отдѣлъ второй (ст. 8—11) говоритъ о свободѣ совѣсти и убѣжденій. Каждому члену общины предоставляется полная свобода выражать свое мнѣніе по отношенію какъ религіозныхъ, такъ и всякихъ иныхъ вопросовъ. И всякое ограниченіе этой свободы есть тиранія самаго деморализующаго свойства и источникъ лжи.

*) The Revolution in the Mind and practice of the human race. London.

Отдѣлъ третій (ст. 12—21) трактуетъ о принципахъ и практикѣ рациональной религіи. Оуэнъ относился отрицательно къ существующимъ религіознымъ системамъ и считалъ религію однимъ изъ трехъ основныхъ золь, которыя являются источникомъ бѣдствій человѣчества (частная собственность, бракъ и религія). По этому его религія, которой онъ присваиваетъ названіе рациональной—и онъ любилъ, когда его называли великимъ жрецомъ разума,—носитъ совершенно иной характеръ, чѣмъ господствующія нынѣ: она лишена внѣшней, обрядовой стороны и ставитъ себѣ главной цѣлью воспитаніе въ членахъ общины чувства любви и благожелательности другъ къ другу и приученіе ихъ къ правдивости. Тогда всякія подраздѣленія людей на классы, партіи, секты, по цвѣту кожи и т. п. исчезнутъ сами собой и все сольются вмѣстѣ, образуя какъ бы одну семью.

Отдѣлъ четвертый (ст. 22—27) посвященъ внутреннему устройству общины.

При данной системѣ общественнаго устройства, послѣ того какъ дѣти получать надлежащую подготовку къ усвоенію новыхъ чувствъ и привычекъ, сообразныхъ съ законами человѣческой природы—уже не должно существовать болѣе частной собственности, являющейся нынѣ причиной столь многихъ несправедливостей, преступленій и бѣдности. „Частная собственность—поясняетъ Оуэнъ въ своемъ комментаріи—есть одна изъ главныхъ деморализующихъ и отталкивающихъ (repulsive) силъ, создаваемыхъ человѣческими законами, и причиной безчисленныхъ преступленій и великихъ несправедливостей. Она вызываетъ накопленіе огромныхъ бесполезныхъ богатствъ у небольшой части общества и вынуждаетъ массы населенія жить въ бѣдности или—что почти одно и тоже—подъ постоянной угрозой ея наступленія. Въ настоящее время она признается человѣческими законами, какъ необходимый элементъ общества. Но съ точки зрѣнія божескихъ законовъ на нее будутъ смотрѣть, какъ на одно изъ величайшихъ золь и постоянную причину раздоровъ между всеми классами во всѣхъ странах.“

Каждый городской округъ или община (township) долженъ составлять какъ бы одну семью—земледѣльческую, мануфактурную, коммерческую и воспитательную. Въ составъ общины должно входить отъ 500 до 3000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, въ ихъ обычной пропорціи; послѣдняя цифра является наибольшей, при которой осуществимо рациональное устройство ассоціаціи безъ большихъ затрудненій. По мѣрѣ того какъ число этихъ общинъ будетъ увеличиваться, между ними должны образовываться союзы на федеративныхъ началахъ, пока наконецъ онѣ не покроютъ своей сѣтью всей Европы, а затѣмъ и всего свѣта, и образуется одна великая республика съ общими для всѣхъ интересами. Каждая изъ общинъ должна располагать вокругъ себя такимъ количествомъ земли, чтобы ей могло хватить навсегда для всѣхъ членовъ, принимая въ разчетъ максимальное ихъ число.

Наиболѣе подходящей формой построекъ, предназначенныхъ для домашнихъ и воспитальныхъ цѣлей, является—по мнѣнію автора—четыреугольникъ, достаточно обширный для того, чтобы вмѣстить въ себя все население общины. Въ серединѣ каждой стороны этого четырехугольника лучше всего помѣстить публичныя залы для образованія и развлеченія взрослыхъ, а по угламъ ихъ—четыре колледжа, предназначенныхъ для четырехъ стадій воспитанія подрастающаго поколѣнія; остальное же пространство заполняется домашними аппаратами членовъ. Мануфактуры и промышленныя заведенія, необходимыя для того чтобы община могла вести независимое существованіе, должны быть устроены въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ главнаго жилого корпуса, также въ видѣ четырехугольника, съ паровымъ или какимъ либо другимъ двигателемъ по серединѣ. Машины должны получать широкое примѣненіе, такъ чтобы можно было устранить ручной трудъ во всѣхъ отрасляхъ, не исключая и домашнего хозяйства.

Вся наиболѣе отвѣтственная производительная работа въ общинѣ падаетъ на двѣ возрастныя группы—отъ 20 до 25 и отъ 25 до 30 лѣтъ, при чемъ первая группа будетъ выполнять функціи по производству всѣхъ необходимыхъ продуктовъ, а вторая—по распредѣленію ихъ. Въ этого возраста никто не будетъ призываться къ выполненію работъ, кромѣ какъ по собственному побужденію.

Въ отдѣлѣ пятomъ (ст. 28—35) говорится объ управленіи населеніемъ и обязанностяхъ совѣта. Каждая община должна управляться во внутреннихъ дѣлахъ особымъ совѣтомъ (general council), составляемымъ изъ всѣхъ членовъ въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ, а каждый отдѣлъ ея находится подъ непосредственнымъ руководствомъ комитета, образуемаго изъ членовъ вышеозначеннаго совѣта, избираемыхъ ими въ особо установленномъ на этотъ счетъ порядкѣ.

Въ управленіи же вышними дѣлами должны принимать участіе только члены въ возрастѣ отъ 40 до 60 лѣтъ. Послѣ того какъ всѣ члены получаютъ за время своего пребыванія въ общинѣ надлежащую подготовку, не должно быть уже никакихъ выборовъ при замѣщеніи должностей по управленію и всѣ могутъ считаться въ одинаковой степени способными для этой цѣли. Какъ говорится въ комментаріи, „выборы деморализуютъ и избирателей, и выбираемыхъ и приносятъ безчисленныя бѣдствія обществу. Самыя худшія страсти и всѣ виды обмана поражаются этой борьбой; никогда ничего хорошаго не можетъ произойти отъ столь нерациональной и безобразной постановки дѣла.“

Всѣ члены общины, получившіе разумное воспитаніе и поставленные въ надлежащія условія, согласно съ законами своей природы, по необходимости будутъ думать и поступать разумно, пока не заболѣютъ физически, умственно или морально. Въ этомъ случаѣ совѣтъ долженъ помѣстить ихъ въ соотвѣтственный госпиталь, гдѣ они должны оставаться и пользоваться самымъ тщательнымъ уходомъ, пока не поправятся.

Наконецъ, отдѣлъ шестой (ст. 36) трактуетъ объ улаживаніи разногласій, возникающихъ въ общинѣ. Если генеральный совѣтъ (general council) сдѣлаетъ когда либо попытку нарушить естественные законы человѣчества—что едва ли возможно,—то старѣйшины общины, уже вышедшіе изъ состава послѣдняго, должны созвать общее собраніе всѣхъ ея членовъ въ возрастѣ отъ 16 до 30 лѣтъ, которые съ дѣтства воспитывались въ общинѣ. Это собраніе должно спокойно обсудить поведеніе совѣта и если большинство рѣшитъ, что послѣдній дѣйствовалъ или пытался дѣйствовать противно основнымъ законамъ, то общее управленіе дѣлами должно перейти къ тѣмъ членамъ общины, которые вышли изъ состава совѣта, имѣя болѣе 60 лѣтъ отъ роду, совместно съ тѣми, кто еще не вступалъ въ него и насчитываетъ отъ 20 до 30 лѣтъ. Подобныя мѣропріятія носятъ конечно временный характеръ. Что же касается всѣхъ остальныхъ разногласій, то онѣ должны разрѣшаться постановленіями большинства коллегіи изъ трехъ членовъ, которые позже всѣхъ вышли изъ состава совѣта.

Въ заключеніе Оуэнъ останавливается на тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты въ переходное время—съ цѣлью подготовить наступленіе „Новаго нравственнаго міра“. Хотя обновленіе существующаго общественнаго строя въ Европѣ становится неизбѣжнымъ и необходимымъ, для того чтобы успокоить возбужденныя страсти народовъ, однако испорченность сложившихся при ненормальныхъ условіяхъ характеровъ ставитъ не мало препятствій на этомъ пути. Поэтому необходимы переходныя учрежденія, ставящія себѣ цѣлью перевоспитать и поставить въ новыя условія существованія все населеніе Европы, какъ первая практическая мѣра для улучшенія существующаго печальнаго положенія вещей.

Для того чтобы ввести эти переходныя учрежденія мирно и рационально, нужно по мнѣнію автора, чтобы они исходили отъ существующихъ правительствъ, какова бы ни была ихъ современная форма. Эти правительства должны оставаться на своемъ мѣстѣ, подобно тому какъ не подвергались разрушенію и старые пути сообщенія во время устройства желѣзныхъ дорогъ, которые ихъ потомъ замѣнили—и организовать особыя комитеты или совѣты изъ небольшого числа интеллигентныхъ и опытныхъ лицъ, поручивъ имъ созданіе новыхъ учрежденій, предусматривающихъ весь строй жизни—производство и распредѣленіе богатствъ, воспитаніе характера и управленіе. Эти комитеты должны начать съ составленія списковъ всѣхъ безработныхъ для образованія изъ нихъ гражданской арміи и поставить ихъ въ новыя условія, такъ чтобы они могли добывать все необходимое и получать надлежащее воспитаніе; вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ лежитъ обязанность защищать страну и поддерживать въ ней порядокъ. Эта гражданская армія должна быть хорошо обучена и имѣть опытныхъ руководителей и инструкторовъ, для того чтобы приступить къ созданію новыхъ учрежденій, могущихъ перестроить жизнь общества на истинныхъ началахъ и обезпечить ему всеобщее благосостояніе, образованіе и счастье. Эти переходныя учрежденія не должны

смѣшиваться съ существующими правительственными, общественными или частными организаціями, но постепенно вытѣснять ихъ, какъ напримѣръ желѣзныя дороги оттѣснили на задній планъ прежніе способы передвиженія.

Оуэнъ самъ называлъ себя социалистомъ и—какъ видно изъ вышеприведеннаго—онъ дѣйствительно былъ таковымъ.

Но социализмъ его былъ своеобразнымъ; К. Маркъ охарактеризовалъ его именемъ утопическаго. Однако это опредѣленіе является не болѣе, какъ субъективной оцѣнкой, и не содержитъ въ себѣ указанія на его внутреннюю природу и на его объективное содержаніе.

Ближе социализмъ Оуэна можно охарактеризовать словомъ *аполитическій*, ибо Оуэнъ является представителемъ того теченія общественной мысли, не исчезнувшаго еще и теперь, которое исходитъ изъ убѣжденія, что разрѣшеніе социальнаго вопроса въ смыслѣ кореннаго измѣненія отношеній между капиталомъ и трудомъ совершенно не связано съ вопросомъ о завоеваніи послѣднимъ политической власти и вліянія. Поэтому онъ съ полнымъ довѣріемъ обращался со своими планами и къ англійскому парламенту, состоящему изъ представителей поземельнаго дворянства, и къ Аахенскому конгрессу государей, и къ вдохновителю европейской реакціи Меттерниху. Этимъ же опредѣляется и та позиція, которую занялъ Оуэнъ въ позднѣйшемъ социальномъ движеніи, въ значительной мѣрѣ вызванномъ имъ самимъ. Онъ принималъ участіе въ организаціи профессиональных союзовъ, но отвергалъ стачки, такъ какъ онѣ ведутъ „опасную игру и только усиливаютъ зло, на которое жалуются союзы, ибо онѣ побуждаютъ капиталиста вводить новыя машины для того, чтобы можно было совершенно обойтись безъ ручного труда“. Принимая—далѣе—наряду съ чартистами участіе въ агитаціи за десятичасовую рабочій день, Оуэнъ однако рѣзко осуждалъ чартистическое движеніе за его политическій характеръ и горячо убѣждалъ своихъ послѣдователей воздерживаться отъ него. „Политическія права не улучшаютъ положенія рабочихъ и не избавятъ ихъ отъ страданій. По мнѣнію чартистовъ, нужно сначала добиться политическихъ правъ, а потомъ уже приниматься за устройство общинъ всеобщаго равенства, такъ какъ въ противномъ случаѣ члены ихъ не могутъ быть увѣрены ни въ прочности, ни въ продолжительности своего предпріятія... Капиталисты, обладая законодательной властью, всегда могутъ, какъ хищная птица, наброситься на эти общины и разрушить ихъ, какъ говорятъ чартисты. Но все это только одно голое предположеніе. Мы смѣемъ утверждать, что образованіе трудовыхъ общинъ нисколько не зависитъ отъ завоеванія избирательнаго права. Чартисты впадаютъ въ большую ошибку, воображая, что капиталисты обладаютъ властью помѣшать существованію этихъ общинъ: владѣніе собственностью въ трудовой общинѣ доставитъ ея членамъ ту политическую и экономическую силу, какую эта собственность придаетъ теперь отдѣльнымъ собственникамъ. Она поставитъ ихъ на равную ногу съ прочими

обладателями богатства... По отношенію къ общинамъ рѣшительно безразлично, какое въ странѣ, правительство—деспотическое или демократическое, ибо самое деспотическое правительство не можетъ помѣшать ихъ возникновенію. Чартисты сѣютъ ненависть и вражду къ богатымъ классамъ; тѣмъ самымъ они только задерживаютъ наступленіе царства социализма, ибо въ царство любви и справедливости нельзя войти путемъ вражды“...

Подобное отношеніе къ политикѣ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что Оуэнъ не признавалъ противоположности интересовъ между трудомъ и капиталомъ, а потому отрицалъ необходимость классовой борьбы, считая, что въ созданіи новаго общественнаго строя одинаково заинтересованы всѣ.

„Такъ какъ интересы предпринимателей и рабочихъ совпадаютъ—говорится въ послѣднемъ № журнала *Кризисъ* отъ 23 авг. 1834 г.,—то нужно принять мѣры къ тому, чтобы установить дружескія отношенія между собственниками земли и тѣми, кто ее обрабатываетъ, между промышленниками и всякаго рода ремесленниками, примирить предпринимателей и рабочихъ, заставить ихъ понять общность ихъ интересовъ и замѣнить индивидуалистическую конкуренцію единеніемъ и взаимопомощью“.

Но при всемъ томъ Оуэнъ не былъ ни анархистомъ, отрицающимъ самую идею государства, ни сторонникомъ манчестерской школы, отвергающей вмѣшательства государства въ экономическія отношенія, и на практикѣ придерживался политики использованія его для своихъ цѣлей,—такъ было въ вопросѣ о фабричномъ законодательствѣ и такъ же обстояло дѣло, когда рѣчь зашла объ организаціи „новаго нравственнаго міра“. По мѣткому замѣчанію Холлока, онъ „былъ скорѣе патрономъ, чѣмъ піонеромъ самопомощи“ *). И въ этомъ заключалось несомнѣнно глубокое противорѣчіе всей системы Оуэна: ибо, придерживаясь убѣжденія, что современное государство съ его дипломатическими интригами, кровопролитными войнами, дорого стоящими арміями, направленными не на созиданіе, а на истребленіе культурныхъ цѣнностей, покоится на ложномъ принципѣ, какъ и другіе основные устои общества, и являются выраженіемъ „злого“ начала, онъ тѣмъ не менѣе пытался однимъ зломъ лѣчить другое и силою заблужденія утвердить торжество истины...

Но кромѣ аполитизма социализмъ Оуэна, характеризуется еще тѣмъ, что онъ проникнутъ коммунистическимъ духомъ. Въ его общинѣ всѣ члены имѣютъ право на одинаковое воспитаніе и на одинаковое удовлетвореніе своихъ потребностей, а продукты изъ общественныхъ складовъ распределяются даромъ, безъ посредства какихъ бы то ни было денежныхъ знаковъ. Эта особенность устанавливаетъ преемственную связь его системы съ прежними социальными утопіями, которыя онъ изучалъ, обдумывая свой планъ. Въ нѣкоторыхъ номерахъ журнала „Кризисъ“ и на его обложкѣ

*) Современное кооперативное движеніе. 1915 г. 16 стр.

за 1832 г. находится планъ поселка Гармоніи съ надписью: „Община изъ 2000 лицъ, основанная на принципѣ, рекомендованномъ Платономъ, Т. Моромъ и Робертомъ Оуэномъ“. Но осуществленіе этой старой идеи онъ ставитъ въ зависимость отъ достижения человѣчествомъ высшей ступени развитія въ области наукъ и техники, которое позволитъ ему сбросить съ себя бремя матеріальныхъ заботъ и съ избыткомъ удовлетворять всѣ свои потребности.

„Приближается періодъ важныхъ измѣненій“,—говорится въ памятной запискѣ правительствамъ Европы и Америки, и непосредственными причинами, которыя дѣлаютъ эту перемѣну очевидной и неизбежной, являются поразительные результаты новыхъ научныхъ завоеваній и быстрое распространеніе знаній среди всѣхъ классовъ. Первое обстоятельство скоро приведетъ къ тому, что трудъ человѣческой будетъ играть незначительную роль при созданіи богатствъ, второе же—сдѣлаетъ очевидной для народа абсолютную необходимость дать новое направленіе своимъ силамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ научить его, какъ осуществить эту перемѣну.

....Настало время, когда выяснились средства, съ помощью которыхъ можно безъ всякаго насилія и обмана создавать богатства въ такомъ изобиліи и съ такими удобствами для всѣхъ, что потребности и желанія всего человѣчества будутъ удовлетворены съ избыткомъ (over-satisfied). Вслѣдствіе этого господство богатства и зло, проистекающее отъ желанія его приобрѣтенія и накопленія, приходятъ къ концу. Настало время, когда выяснились принципы науки, на основаніи которыхъ безъ всякаго насилія или примѣненія карательныхъ мѣръ подростающее поколѣніе можетъ быть легко и съ удобствами для всѣхъ поставлено въ условія, благоприятствующія выработкѣ у него характера, нужнаго для процвѣтанія общества.

Вслѣдствіе этого господство невѣжества, лжи и насилія также приходятъ къ концу“. *)

Г Л А В А II.

Вильямъ Кингъ.

Хотя Оуэнъ первый ввелъ въ употребленіе слово „кооперация“, однако пропагандируемые имъ промышленно-земледѣльческія колоніи или общины очень сильно отличаются отъ современныхъ кооперативовъ. Онъ былъ представителемъ утопическаго социализма; первымъ же теоретикомъ кооперативнаго движенія въ со-

*) Memorial of Robert Owen of New Lanark in Scotland to the Governments of Europe and America. 1818.

временномъ смыслѣ слова нужно считать одного изъ его послѣдователей—Вильяма Кинга.

Вильямъ Кингъ родился въ 1786 г. въ Инсвичѣ, гдѣ его отецъ былъ директоромъ мѣстной гимназіи. На пятнадцатомъ году своей жизни онъ поступилъ въ Вестминстерскую школу, по окончаніи которой сталъ посѣщать Оксфордскій и затѣмъ Кэмбриджскій университетъ, при чемъ первоначально занимался главнымъ образомъ философскими и теологическими науками. Въ Кэмбриджѣ на него большое впечатлѣніе произвели лекціи знаменитаго тогда профессора новой исторіи д-ра Смита, который также читалъ курсъ нравственной философіи и политической экономіи. Въ 1821 г. Кингъ женился и поселился въ Брайтонѣ, гдѣ въ качествѣ врача приобрѣлъ себѣ хорошую репутацію. Здѣсь, четыре года спустя онъ принялъ участіе въ основаніи промышленной школы, въ которой онъ преподавалъ.

Эта дѣятельность привела его въ тѣсное соприкосновеніе съ рабочими кругами, и когда въ Брайтонѣ возникъ въ 1827 г. одинъ изъ первыхъ кооперативовъ, то основателями его явились главнымъ образомъ именно ученики Кинга. Здѣсь же онъ познакомился съ лэди Байронъ, женой знаменитаго поэта, которая посвящала свое время и средства дѣламъ благотворительности. Когда она обратилась къ нему за совѣтомъ, какъ ей улучшить положеніе своихъ сельскихъ рабочихъ, Кингъ обратилъ ея вниманіе на кооперацію. Почерпнутыя изъ этого опыта къ разрѣшенію социальнаго вопроса практическія указанія, изученіе соответствующей литературы и собственныя размышленія привели Кинга къ выработкѣ системы, которую онъ и изложилъ въ 28 номерахъ издававшагося имъ журнала. Этотъ небольшой журналъ подъ названіемъ „Кооператоръ“ выходилъ ежемѣсячными выпусками, по четыре страницы, съ мая 1828 по августъ 1830 г.; въ заголовкѣ его помѣщались слѣдующія, проникнутыя глубокимъ оптимизмомъ слова: знаніе и объединеніе—сила. Сила, руководимая знаніемъ, ведетъ къ счастью. Счастье есть конечная цѣль творенія*.)

Журналъ „Кооператоръ“, къ ознакомленію съ которымъ мы переходимъ теперь, представляетъ собою не столько журналъ въ обычномъ смыслѣ слова, сколько рядъ отдѣльныхъ, связанныхъ внутренне между собою трактатовъ по вопросамъ коопераціи. Конечно, въ отдѣльныхъ номерахъ журнала обсуждались также темы, имѣющія очень отдаленное отношеніе къ главному вопросу, но въ общемъ и цѣломъ онъ представляетъ собою послѣдовательное развитіе цѣлой стройной системы. Сообразно съ этимъ систематическимъ характеромъ изложенія, Кингъ въ первомъ номерѣ начинаетъ съ опредѣленія сущности и цѣли коопераціи, „Кооперативъ—говоритъ онъ—подобно всѣмъ другимъ обществамъ, какъ напр. обществамъ вспомошествованія (Benefit Clubs), про-

*) См. Jahrbuch der internationalen Genossenschaftsbewegung. Zweiter Jahrgang. London 1913.

фессиональнымъ союзамъ (Trade Societies) и сберегательнымъ кассамъ, имѣетъ своей цѣлью дать людямъ возможность избѣгать нѣкоторыхъ изъ тѣхъ неудобствъ, которымъ они бы подверглись если бы дѣйствовали въ одиночку, и добиваться выгоды, которыхъ они иначе были бы лишены. Неблагопріятныя условія, которыя стремятся преодолѣть кооперація, принадлежать къ числу наиболѣе значительныхъ изъ тѣхъ, которымъ подвержены люди,—это именно серьезныя и все возрастающія затрудненія въ приобрѣтеніи средствъ къ существованію для нашихъ семействъ и соотвѣтствующая этому опасность впасть въ нищету или преступленіе⁴. Далѣе Кингъ яркимъ штрихами рисуетъ картину обнищанія значительной массы населенія въ переживаемое имъ время и освѣщаетъ то взаимоотношеніе, которое существуетъ между ростомъ преступлений (въ особенности—преступленій противъ собственности) и пауперизмомъ. Возвращаясь къ своей темѣ, Кингъ старается прежде всего убѣдить читателя, что кооперація дѣйствительно въ состояніи уничтожить бѣдность и преступленіе. „Правда, намъ могутъ сказать: конечно, положеніе наше плохо, но съ этимъ ничего нельзя подѣлать—а чегó нельзя измѣнить, то нужно выносить терпѣливо. Здѣсь мы подходимъ къ самой сути вопроса. То зло, о которомъ говорилось выше—излѣчимо, и средство для этого находится въ нашихъ собственныхъ рукахъ. Таковымъ средствомъ является кооперація, и я хочу теперь выяснить ея основные принципы и преимущества. Понимаемая въ буквальномъ смыслѣ слова, кооперація означаетъ совмѣстную работу. Совмѣстная дѣятельность во всѣхъ случаяхъ и безъ исключенія возбуждаетъ силы. При большомъ количествѣ рукъ работа спорится. За что одинъ человѣкъ не можетъ взяться, то могутъ двое; что невозможно для небольшого числа лицъ, легко для многихъ. Но для того, чтобы многіе могли работать вмѣстѣ, они должны быть едиными, должны знать свою цѣль, имѣть общій интересъ и быть связанными общими узами. Въ настоящее время наши интересы въ работѣ сталкиваются другъ съ другомъ; если одинъ изъ насъ получаетъ работу, то другой теряетъ ее, и такимъ образомъ создается впечатлѣніе, какъ будто бы мы—естественные враги другъ другу. Основаніе для этого очень простое и оно заключается въ томъ, что мы работаемъ не для себя, а для другихъ. Намъ нужно поэтому начать работать на самихъ себя. Далѣе, теперь, когда мы работаемъ на другихъ, мы получаемъ только очень незначительную (нѣкоторые утверждаютъ, что $\frac{1}{8}$, а другіе— $\frac{1}{4}$) часть продукта своего труда. Если же какимъ нибудь образомъ мы бы получили возможность работать для себя, то тогда намъ достался бы весь продуктъ цѣликомъ. Но какъ же достигнуть этого? Такъ какъ у насъ нѣтъ капитала, то мы вынуждены искать хозяина, чтобы получить работу, и соглашаться на обычную заработную плату. Такимъ образомъ, капиталъ—вотъ то, чегó не достаетъ намъ! И мы должны теперь подумать, какъ бы достать себѣ этотъ капиталъ. Мы увидимъ, что это—вовсе не невозможная вещь. Его можно со-
брать путемъ объединенія и сбереженія. Многіе отъ

насъ принадлежать къ обществамъ взаимопомощи (Friendly Societies), которыя собрали крупный капиталъ путемъ небольшихъ еженедѣльныхъ взносовъ, многіе изъ насъ скопили деньги въ сберегательныхъ кассахъ. Такимъ образомъ, задача вполне осуществима, ибо ее можно разрѣшить уже однимъ такимъ способомъ; но ее можно выполнить и другимъ путемъ. Съ этой цѣлью нужно основать особый союзъ и образовать фондъ при помощи еженедѣльныхъ взносовъ. Какъ только онъ достигнетъ достаточно значительныхъ размѣровъ, нужно закупить на него предметы первой необходимости и открыть общественную лавку, въ которой всѣ члены могли бы дѣлать необходимыя имъ покупки. Излишекъ, получаемый въ результатѣ этихъ операций, составляетъ общій капиталъ, на который снова можно закупить предметы первой необходимости. Такимъ образомъ, у насъ имѣется два источника накопленія капитала—обычные взносы и прибыль отъ продаваемыхъ продуктовъ. Допустимъ, что 200 человѣкъ объединились такимъ образомъ и что каждый изъ нихъ вноситъ по одному шиллингу въ недѣлю; прибыль отъ лавки даетъ имъ около 20 ф. с. въ недѣлю—всего такимъ образомъ они накопятъ 30 ф. с. въ недѣлю или 1,560 ф. с. въ годъ. Этотъ капиталъ если его употребить на надлежащее дѣло, будетъ возрастать еще быстрее и можетъ быть использованъ каждымъ изъ кооперативовъ для своихъ нуждъ. Теперь товарищество будетъ въ состояніи предоставить работу для нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ; вся выручка отъ этой работы будетъ общимъ достояніемъ, вмѣсто того чтобы обогащать немногихъ, о чемъ мы говорили выше. По мѣрѣ того какъ капиталъ станетъ все болѣе и болѣе увеличиваться, всѣ члены получатъ возможность имѣть работу и преимущества объединенія станутъ весьма значительными. Каждый членъ товарищества будетъ работать и никто не останется празднымъ. Вся собственность будетъ находиться въ общемъ обладаніи. Не будетъ болѣе ни бѣдности, ни преступленій. Если кто изъ членовъ заболеетъ, то ему предоставляется на общій счетъ содержаніе и врачебная помощь. Если будетъ собранъ достаточный капиталъ, то товарищество можетъ приступить къ покупкѣ земли, поселиться на ней и заняться обработкой, а затѣмъ при желаніи можетъ также производить промышленныя издѣлія и такимъ образомъ удовлетворить всѣ свои потребности въ пищѣ, одеждѣ и предметахъ домашней обстановки. Тогда товарищество можно будетъ называть уже общиной (Community). Но если члены пожелаютъ остаться въ городѣ, вмѣсто того чтобы переселиться въ общину, то они могутъ получать отъ товарищества всѣ тѣ выгоды, о которыхъ я говорилъ. Намъ нужно каждый день ходить въ лавки, чтобы пріобрѣтать пищевые продукты и другіе необходимые предметы. Почему же мы не можемъ обращаться въ наши собственные лавки? Намъ нужно посылать нашихъ дѣтей въ школу. Почему же мы не можемъ посылать въ наши собственные школы, гдѣ они могли бы научиться полезнымъ ремесламъ и откуда могли бы выходить хорошими работниками и порядочными

людьми... Если дѣла будутъ идти такъ, какъ теперь, то наше положеніе будетъ съ каждымъ годомъ становиться все хуже и хуже и мы будемъ все ближе къ нуждѣ и преступленію. Если же мы наоборотъ объединимся указаннымъ мною выше образомъ—въ товарищество или общину, то въ нѣсколько лѣтъ мы приобрѣтемъ капиталъ, благосостояніе и независимость.

Таково главное содержаніе перваго № „Кооператора“. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, Кингъ выступаетъ здѣсь въ качествѣ соціального реформатора. Кооперация должна освободить людей, прежде всего конечно рабочія массы, изъ оковъ нищеты, физическаго и моральнаго вырожденія, должна послужить орудіемъ борьбы противъ пауперизма. Не объ ограниченіи или уничтоженіи торговыхъ посредниковъ, не о повышеніи производительности труда и не объ укрѣпленіи положенія мелкихъ производителей идетъ рѣчь у Кинга—нѣтъ, онъ хочетъ посредствомъ кооперации измѣнить самыя основы всей нашей экономической жизни, освободить трудъ изъ того подчиненія, въ которомъ онъ находится нынѣ у капитала. Если это прямо и не высказывается авторомъ, то во всякомъ случаѣ это вытекаетъ изъ усвоенной имъ точки зрѣнія на противоположность интересовъ труда и капитала. Не имѣя еще понятія о капитализмѣ (этотъ терминъ появился значительно позже), Кингъ ясно представляетъ себѣ, что дальнѣйшее развитіе экономической жизни въ томъ направленіи, какое она приняла въ послѣднее время, неизбежно должно вести къ пролетаризаціи все большихъ массъ населенія. Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія принципиальнаго отрицанія существующей экономической системы, при которой рабочій, для того чтобы получить скудные средства къ существованію, вынужденъ продавать предпринимателю свою рабочую силу. Средствомъ для уничтоженія этого капиталистическаго строя съ его системой наемнаго труда и является, по мнѣнію Кинга, кооперация. Въ ней онъ надѣется приобрѣсти оружіе, съ помощью котораго неимущій рабочій можетъ освободиться отъ необходимости работать на предпринимателя. Она должна поставить рабочаго въ такое положеніе, чтобы работать на себя самаго и объединившихся съ нимъ товарищей, ибо конечная цѣль кооперативнаго движенія и заключается въ томъ, чтобы зависимаго и несамостоятельнаго работника сдѣлать самостоятельнымъ и свободнымъ. Чтобы достигнуть этого, кооперативное товарищество должно собрать капиталъ и образовать общественный фондъ для приобрѣтенія всѣхъ необходимыхъ средствъ производства, включая сюда землю. Въ качествѣ ближайшаго средства для пополненія этого фонда имъ рекомендуется устройство лавокъ, въ которыхъ члены товарищества могли бы покупать необходимые имъ предметы. Однако этимъ вовсе не имѣлось въ виду предоставить членамъ какія либо особыя выгоды въ качествѣ потребителей, а только лишь указывался путь къ накопленію капитала. Мысль же о созданіи спеціальныхъ потребительскихъ кооперативовъ, имѣющихъ цѣлью предоставленіе своимъ членамъ непосредственныхъ выгодъ въ отношеніи качества и стоимости продуктовъ, не приходила въ голову

Кингу и остается чуждой его кооперативному міровоззрѣнію. Въ основѣ его системы лежитъ мысль объ образованіи общественнаго фонда совмѣстными усиліями, и въ этомъ именно заключается особенность Кинга, рѣзко отличающая его отъ Оуэна. Въ противоположность послѣднему, который единственно цѣнной и общающей успѣхъ формой коопераціи считалъ только общину, поселеніе земледѣльческо-промышленнаго характера, для основанія которыхъ заранее необходимъ крупный капиталъ, ожидаемый обыкновенно со стороны, Кингъ стремится создать кооперативное движеніе исключительно при помощи тѣхъ средствъ, которыми располагаютъ сами рабочіе. Съ особенной рѣзкостью эта точка зрѣнія развивается имъ въ № 4 „Кооператора“. „Если рабочимъ когда либо приходилось слышать о коопераціи, говорится здѣсь,—то это происходило такимъ образомъ, что у нихъ создавалось представленіе о ней, какъ о чемъ-то неосуществимомъ. Съ коопераціей все еще связывается такое представленіе, что для того, чтобы осуществить ее, необходимы крупныя денежныя средства. Минимальная сумма, которая указывалась, какъ достаточная для данной цѣли, составляетъ 20 тыс. ф. с. Начиная съ этой суммы, защитники системы доходили до требованія милліона ф. с. Подобное изображеніе не можетъ конечно содѣйствовать тому, чтобы побудить народъ хотя бы только задуматься надъ коопераціей. Наоборотъ, оно заставляетъ его терять вѣру въ нее и отворачиваться отъ коопераціи, когда заходитъ рѣчь о ней. Однако величіе коопераціи заключается именно въ томъ, что къ осуществленію ея можно приступить безъ всякаго капитала. Чтобы начать дѣло, человѣку достаточно имѣть только заработную плату и хорошаго товарища. Если же они найдутъ третьяго, который соединится съ ними, то они могутъ сказать: тройной шнуръ не легко рвется. Для нихъ создается уже возможность производить еженедѣльные отчисленія въ общій фондъ, производить торговлю для обслуживанія другъ друга, закупать сразу большія количества товаровъ и такимъ образомъ добиваться пониженія цѣнъ, разница отъ котораго опять таки можетъ быть приобщена къ указанному фонду.

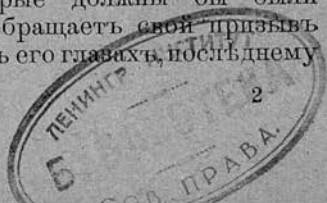
Если на основаніи этихъ принциповъ объединится болѣе или менѣе значительное число рабочихъ, то капиталъ ихъ увеличится, и они могутъ тогда приняться за болѣе крупное дѣло. По мѣрѣ того какъ дѣло будетъ развиваться, будетъ увеличиваться и прибыль, а съ нею и капиталъ. Съ возрастаніемъ же капитала для членовъ товарищества открывается возможность тѣмъ или инымъ способомъ получать работу. Если напр. публика предъявитъ хорошій спросъ на извѣстный сортъ товаровъ, то члены могутъ заняться ихъ производствомъ. Если же такого спроса не будетъ или прибыль окажется невелика, то они могутъ легко заняться производствомъ пищевыхъ продуктовъ для собственныхъ нуждъ, приобрѣта въ собственность или въ аренду земельный участокъ и превращаясь такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ частично, изъ фабричныхъ рабочихъ въ земледѣльцевъ. Таковы въ общихъ чертахъ элементарныя основы коопераціи. Изъ изложеннаго видно, что какъ ни важенъ самъ по

себѣ капиталъ, онъ все же вовсе не представляется безусловно необходимымъ для того, чтобы начать товарищеское дѣло. Основаніемъ, тайной коопераціи служить трудъ, и только онъ одинъ. Если взять изъ продукта труда то, что необходимо для содержанія рабочаго, то оставшаяся часть есть прибыль, которая, будучи сбережена и накоплена, превращается въ капиталъ, съ помощью котораго рабочіе сами могли бы доставлять себѣ занятъ и производить пищевыя продукты и другіе предметы—точно такъ же, какъ они это дѣлаютъ въ настоящее время съ помощью капитала предпринимателя...

194104161
нр

Такимъ образомъ рабочіе классы должны начать съ того, чтобы устраивать собственные лавки, которые бы принадлежали небольшому числу лицъ, образующихъ съ этой цѣлью товарищество. Члены его должны все по возможности заирать изъ своихъ лавокъ, благодаря чему товарищество получить въ свою пользу ту прибыль, которая вообще образуется изъ торговаго оборота, и это одно обогатить всѣхъ владѣльцевъ лавки и дать имъ состояніе. Мы заявляемъ, что исключительно только эта прибыль даетъ блескъ купечеству и торговымъ домамъ всего міра. Купцы Лондона и Ливерпуля, Англійскій банкъ—все они наживаютъ свои состоянія изъ этой прибыли. Но если это такъ, то рабочіе классы имѣютъ очевиднѣйшія основанія открывать лавки для самихъ себя. Сумма денегъ, которую истрачиваютъ рабочіе классы въ теченіе одного года, огромна; она составляетъ многіе милліоны. Одна уже прибыль на эту сумму была бы достаточна для того, чтобы открыть значительное количество фабрикъ. Такимъ образомъ, не недостатокъ силы, а недостатокъ знанія—вотъ что мѣшаетъ рабочимъ классамъ стать на свои ноги и начать дѣло своего освобожденія“.

Какъ видно отсюда, Кингъ уже въ то время ясно представлялъ, какое тѣсное отношеніе существуетъ между торговой прибылью и образованіемъ капитала. Источникъ капитала, богатства купцовъ, банкировъ и торговыхъ домовъ онъ видитъ въ прибыли, реализованной при продажѣ товаровъ. Болѣе того—онъ знаетъ уже, что въ значительной мѣрѣ отъ рабочаго класса зависить, будетъ ли это накопленіе капитала производиться въ интересахъ предпринимателей или его самого. Согласно взглядамъ Кинга, сила рабочаго класса заключается въ его потребительской способности. Если бы рабочіе объединились въ товарищество, для того, чтобы все необходимые имъ продукты получать изъ своихъ лавокъ, то они могли бы ежегодно накапливать очень значительныя суммы, а затѣмъ—открывать фабрики, приобретать землю и т. д., гдѣ могли бы находить себѣ занятіе. Это признаніе экономической мощи рабочаго класса позволяетъ Кингу покончить съ филантропическимъ социализмомъ Р. Оуэна. Въ то время какъ послѣдній постоянно обращался къ сильнымъ и богатымъ за средствами для производства социальныхъ экспериментовъ, которые должны бы были разрѣшить социальный вопросъ, Кингъ обращаетъ свой призывъ исключительно лишь къ рабочему классу. Въ его глазахъ, послѣднему



не хватаетъ вовсе не силы или возможности приобрѣсть средства производства, а только знанія и умѣнія, сознанія своей силы и способности использовать ее надлежащимъ образомъ въ цѣляхъ своего освобожденія отъ ига капитала. Такимъ образомъ, вопросъ объ эмансипаціи пролетаріата вообще и о развитіи коопераціи въ частности для Кинга превращается преимущественно въ вопросъ образованія и воспитанія.

„Какъ только рабочіе классы—говоритъ онъ въ № 5 кооператора—станутъ достаточно образованными, чтобы объединяться въ товарищества, то уже никакая сила въ мірѣ не можетъ ихъ удержатъ отъ того, чтобы сдѣлать это. Мы будемъ еще имѣть случай показать, что вся сила въ мірѣ покоится на рабочихъ классахъ и что сила другихъ классовъ состоитъ только въ томъ, что они могутъ направлять рабочіе классы.

Какъ только послѣдніе станутъ единодушны и сознаютъ свою силу, то они не будутъ болѣе такъ глупы, чтобы эту власть раздѣлять съ другими и позволять другимъ людямъ пользоваться ею себѣ во вредъ. Путемъ объединенія они получаютъ возможность держать эту силу въ своихъ рукахъ и такимъ образомъ обезпечить себѣ независимость и счастье“.

— Перейдемъ теперь къ ознакомленію съ теоретическими основами ученія Кинга. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ статья подъ названіемъ „три основные элемента коопераціи“, помѣщенная въ № 8 журнала. „Для того, чтобы показать, что товарищество обязательно для всѣхъ членовъ можетъ обезпечить состояніе независимости, необходимо доказать, что оно въ самомъ себѣ заключаетъ основаніе, на которомъ вообще строится независимость всего міра.

Это основаніе есть трудъ. Трудъ составляетъ корни дерева—каковы бы ни были размѣры, которыхъ можетъ въ заключеніе достигнуть послѣднее. Трудъ въ этомъ смыслѣ есть все и потому тотъ, у кого есть трудъ, имѣетъ все.

Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не станетъ конечно отрицать, что рабочіе классы содержатъ въ себѣ это основное начало. Они—единственные люди, которые обладаютъ способностью труда. Монополія на этотъ предметъ находится всецѣло въ ихъ рукахъ. Никакой законъ и никакая власть не можетъ отнять его у нихъ, потому что всякая власть есть лишь особый видъ труда и принадлежитъ только рабочимъ классамъ. Власть какого-нибудь человѣка или класса людей есть не что иное, какъ власть руководить трудомъ или рабочими классами. Мы хотѣли бы обратить вниманіе послѣднихъ на это обстоятельство, чтобы они ту власть, которою они—и только одни они—обладаютъ, использовали не для другихъ, а въ своихъ собственныхъ интересахъ. Пока же они этого не сдѣлаютъ, неизбѣжно должно существовать коопераціи существовать господство лицъ, которые руководятъ трудомъ и на это живутъ. Такъ какъ трудятся единственно только рабочіе классы, то они могутъ въ любой моментъ опредѣлить, хотятъ ли они работать на самихъ себя или на другихъ. Трудъ

есть основаніе и краеугольный камень зданія, корень дерева, неизсякаемый источникъ могущественнаго потока, сердце организма, сущность жизни. Если рабочимъ классамъ принадлежитъ этотъ трудъ, то имъ же должно принадлежать самое зданіе, дерево, потокъ, организмъ и наконецъ жизнь. Трудъ дѣйствительно принадлежитъ имъ, и потому съ того момента, когда они примутся за кооперацію— все должно перейти къ нимъ.

Рабочій классъ обладаетъ трудомъ. Если это такъ, то было бы въ высшей степени удивительно, что рабочій не обладаетъ правомъ распоряженія надъ своимъ трудомъ. И однако послѣднее обстоятельство несомнѣнно имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Причина этого проста, ясна и очевидна: рабочій не имѣетъ капитала. Пока онъ работаетъ, ему нужно ѣсть и пить. Онъ нуждается въ пищѣ, одеждѣ и квартирѣ, чтобы содержать себя въ то время, когда онъ производитъ новые предметы питанія, одежды и жилища. А это и называется въ общемъ капиталомъ; по крайней мѣрѣ такое опредѣленіе капитала достаточно для нашихъ цѣлей.

Въ то время, когда человекъ работаетъ, онъ нуждается въ капиталѣ, чтобы жить, пока не закончится его работа. Поэтому тотъ, кто обладаетъ капиталомъ, можетъ руководить трудомъ. Рабочій не обладаетъ этимъ капиталомъ; поэтому онъ долженъ продавать его тому, кто обладаетъ послѣднимъ. Но хотя рабочій не имѣетъ никакого капитала, все же онъ легко можетъ получить его, ибо всякій капиталъ проистекаетъ отъ труда. Капиталь есть не что иное, какъ сбереженный продуктъ труда. Поэтому кто владѣетъ трудомъ, тотъ можетъ приобрести и капиталъ, если пожелаетъ; для этого только нужно ему откладывать нѣкоторую часть продуктовъ своего труда, пока не накопится достаточнаго количества, чтобы существовать на этотъ счетъ въ теченіе того времени, когда онъ будетъ производить новые продукты. Тогда онъ приобрететъ бы капиталъ и сталъ бы распоряжаться своимъ трудомъ. Тотъ, кто работаетъ на другого, есть слуга. Но если слуга накопляетъ достаточный капиталъ, чтобы содержать себя въ продолженіи своего труда, то онъ становится своимъ собственнымъ господиномъ.

Нужно обратить особенное вниманіе на то, чтобы не отдѣлять труда отъ капитала, хотя до сихъ поръ ихъ обыкновенно рассматриваютъ, какъ совершенно различныя вещи. Это различіе проводится столь далеко, что капиталъ и трудъ рассматриваются, какъ несоединимыя вещи; между тѣмъ нельзя найти болѣе неосновательнаго положенія, чѣмъ это. Вѣдь если капиталъ, какъ съ этимъ каждый согласится, происходитъ изъ труда, то невозможно, чтобы они были противоположны другъ другу; наоборотъ, между ними должна существовать естественная связь. И въ дѣйствительности это такъ, только рабочіе классы слишкомъ невѣжественны, чтобы понять это.

Конечно, трудъ и капиталъ давно уже разъединены, но не всегда это было такъ. Были времена, когда для государственныхъ людей и военноподчиненныхъ не было ничего безчестнаго въ томъ,

чтобы ходить за плугомъ. Наоборотъ, величайшіе люди, которыхъ когда либо производилъ міръ, высоко цѣнили и благословляли трудъ. Сдѣлать открытіе, что трудъ—позоръ, что рабочій не достоинъ своей платы и что всѣ попытки поднять его духъ и улучшить его положеніе—несообразны и опасны,—это выпало уже на долю нашей цивилизованной и христіанской эпохи.

Въ рукахъ рабочихъ классовъ находится трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ всего капитала; пусть только они снова соединятъ трудъ и капиталъ и тогда они станутъ независимыми и счастливыми, какъ ихъ предки. Мы придерживаемся того мнѣнія, что это осуществимо, но не путемъ разрозненныхъ усилій.

„Царство, которое распадается на части, должно погибнуть“. Пока рабочіе выступаютъ какъ конкуренты другъ другу, ихъ силы растрачиваются по частямъ и должны гибнуть.

Но пусть они сдѣлаютъ сбереженіе, а затѣмъ еще и еще, чтобы составить общественный капиталъ—этотъ капиталъ будетъ господиномъ. Главное затрудненіе для развитія коопераціи заключается въ невѣжествѣ рабочихъ классовъ. Это невѣжество широко распространено; по мѣрѣ увеличенія знаній рабочіе станутъ усваивать принципы коопераціи, а усвоить ихъ—значитъ превратить въ дѣло. Къ усвоенію знаній они способны не менѣе другихъ. Почти всѣ люди науки выходятъ изъ рабочихъ классовъ, имъ нужны только досугъ и возможность учиться; капиталъ дастъ имъ и то, и другое.

Трудомъ они пріобрѣтутъ капиталъ; слѣдовательно, они все имѣютъ въ своихъ рукахъ. Если они захотятъ, они будутъ обладать трудомъ, капиталомъ и знаніемъ, а отсюда—независимостью, добродѣтелью и счастьемъ“.

Въ № 11 журнала Кингъ высказываетъ свои соображенія о томъ, что при кооперативной организаціи требуется менѣе капитала для того, чтобы занять рабочихъ, чѣмъ при частно-предпринимательской системѣ. Здѣсь онъ довольно близко подходитъ къ воззрѣнію, что капиталистическая система стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ прибылью, обнаруживая близкое знакомство съ процессомъ обращенія капитала въ его цѣломъ.

„Люди, которые живутъ на свое имущество, обыкновенно проводятъ различіе между капиталомъ и доходомъ. Они помѣщаютъ свой капиталъ въ банкъ или куда-либо еще, при чемъ получаютъ съ него проценты въ качествѣ вознагражденія за использование капитала другими. Всю эту сумму, которую кто-либо получаетъ въ видѣ процентовъ, онъ называетъ своимъ доходомъ—и съ этого дохода живетъ. Но если кто-нибудь вкладываетъ свой капиталъ въ собственное торговое или промышленное предпріятіе, то ему приходится выдавать заработную плату своимъ рабочимъ, платить за пользование машинами, накладные расходы и т. д.

За вычетомъ всѣхъ издержекъ у него останется извѣстная сумма, которую онъ называетъ своимъ доходомъ. Капиталъ частью вкладывается въ прочныя цѣнности, какъ зданія и машины, а частью—въ предметы питанія и одежды. Весь капиталъ, который идетъ

на производство предметовъ питанія и одежды, находится въ постоянной смѣнѣ потребленія и воспроизводства. Рабочіе непрерывно потребляютъ предметы питанія и одежды, но въ то время какъ они это дѣлаютъ, они воспроизводятъ цѣнность послѣднихъ съ нѣкоторымъ излишкомъ. Такимъ образомъ, въ теченіе года капиталъ предпринимателя потребляется рабочими, но въ концѣ послѣдняго онъ вновь возвращается къ нему съ нѣкоторой прибылью.

Рабочій живетъ на этотъ капиталъ, это есть его доходъ; между тѣмъ предприниматель живетъ на проценты или на предпринимательскую прибыль. Если бы предприниматель не могъ нанимать рабочихъ съ помощью своего капитала, то послѣдній принесъ бы ему мало пользы. Онъ долженъ былъ бы или потреблять свой капиталъ и затѣмъ голодать или же самому приняться за работу. Если бы капиталъ воспроизводился безъ прибыли, то предприниматель былъ бы не въ состояніи жить на него. Поскольку же ему это удается, значитъ имѣется прибыль или излишекъ, и отъ послѣдняго зависитъ его доходъ и жизненный уровень...

Мы можемъ теперь опредѣлить, какое крупное значеніе имѣетъ для рабочаго обладать собственнымъ капиталомъ. Если между нимъ и капиталистомъ стоитъ много посредниковъ, такъ что онъ получаетъ только незначительную часть изъ общей суммы производимыхъ имъ продуктовъ въ 100 ф. ст., но это происходитъ потому, что онъ ежедневно отдаетъ большіе барыши другимъ людямъ. Но съ другой стороны если бы онъ сталъ потреблять цѣликомъ всѣ 100 ф. ст., то для него было бы чрезвычайно затруднительнымъ сдѣлаться капиталистомъ или, другими словами, обезпечить свою независимость. На этомъ основаніи положеніе рабочаго при современномъ общественномъ строѣ представляется крайне безнадѣжнымъ. Если человѣкъ можетъ жить на 40 ф. ст. въ годъ (около 400 р.)—сумма, которая приблизительно соответствуетъ доходу многихъ рабочихъ,—то онъ долженъ, чтобы быть независимымъ, вложить въ дѣло капиталъ, равный 800 ф. ст., ибо проценты съ этой суммы, считая по 5 на сто, составляютъ именно 40 ф. ст. Но если человѣкъ можетъ жить на 40 ф. ст. въ годъ, то это значитъ, что онъ въ шесть мѣсяцевъ потребляетъ 20 ф. ст. Шестимѣсячный срокъ вполне достаточенъ для рабочаго, чтобы закончить изготовляемые имъ продукты и сбыть на рынкѣ. Поэтому, если бы рабочій обладалъ капиталомъ въ 20 ф. ст., то онъ могъ бы работать на себя, добывать пищевые продукты или продавать ихъ и вновь воспроизводить потребляемый имъ капиталъ. Отсюда видно, что капиталъ въ 20 ф. ст. для рабочаго означаетъ столько же, сколько 800 ф. стерл.—для празднаго человѣка, живущаго рентой.

Отдѣльный рабочій несомненно подлежитъ разнымъ случаямъ и несчастьямъ, которые могутъ повлечь за собой уменьшеніе или уничтоженіе его капитала. Каждый капиталъ постоянно увеличивается или уменьшается, онъ находится въ непрерывномъ теченіи. Допустимъ, что кто нибудь берегаетъ 20 ф. ст. и вкла-

дываютъ ихъ въ торговлю; также поступаетъ онъ съ прибылью и этимъ расширяетъ свое предпріятіе. Накопляя излишки все болѣе и болѣе, онъ такимъ образомъ становится богатымъ. Но большая часть рабочихъ, которымъ удастся сберечь нѣсколько сотъ марокъ, обычно спускаетъ ихъ съ рукъ во время безработицы или болѣзни. Удѣломъ отдѣльнаго рабочаго является нужда и нищета. Но если значительное количество рабочихъ соединится между собой, при чемъ каждый внесетъ капиталъ въ 20 ф. ст., достаточный для содержанія въ теченіе полугода, то они могутъ создать собственное дѣло и работать на себя. Каждый изъ нихъ сталъ бы тогда независимъ, т. е. имѣлъ бы постоянное занятіе и не зависѣлъ ни отъ предпринимателя, ни отъ колебаній рынка въ разное время года.

Такъ какъ 20 ф. ст. содержится сорокъ разъ въ цифрѣ 800 ф. ст., то слѣдовательно человѣку нужно въ сорокъ разъ болѣе времени для того, чтобы стать независимымъ при индивидуалистической системѣ, нежели при кооперативной. При одной системѣ требуется сорокъ лѣтъ для того, чтобы достигнуть независимаго положенія, а при другой—всего одинъ годъ...

Подобный взглядъ на дѣло имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для трудящихся классовъ, ибо онъ сокращаетъ періодъ времени, въ теченіе котораго можно добиться независимости, до очень значительныхъ размѣровъ. Каждый, кто воспользуется помощью коопераціи, получить твердую увѣренность въ томъ, что онъ до своей смерти сумѣетъ обезпечить семью. Такимъ образомъ, кооперація внушаетъ рабочему надежду на завоеваніе независимости какъ для себя самого, такъ и его семьи. Разъ сумма въ 20 ф. ст. собрана, то независимость рабочаго и его семьи можетъ быть обезпечена“.

Съ этой точки зрѣнія Кингъ критикуетъ въ слѣдующихъ трехъ номерахъ „Кооператора“ обычный способъ сбереженія, который выражался въ его время въ такъ назыв. Benefit Societies—нѣчто вродѣ сберегательныхъ кассъ взаимопомощи. Онъ видитъ въ этихъ обществахъ предшественниковъ кооперативной системы: они превосходны, поскольку ихъ дѣятельность развивается, но ихъ значеніе заключается преимущественно въ томъ, что они готовятъ введеніе еще болѣе высокой системы коопераціи, въ сравненіи съ которой они конечно не представляютъ никакой соціально-политической цѣнности. Развитіе этихъ благотворительныхъ обществъ доказываетъ, по мнѣнію Кинга, что рабочіе созрѣли для коопераціи, но ихъ главная ошибка заключается въ неправильномъ примѣненіи капитала. Капиталъ благотворительныхъ обществъ сужается капиталистамъ. „Если можно о комъ-нибудь сказать, что онъ самъ себя перерѣзываетъ горло, то это именно о союзѣ рабочихъ, которые всю свою жизнь трудятся, сберегаютъ путемъ отказа въ самомъ необходимомъ и накапливаютъ капиталъ къ выгодѣ другихъ людей“. Все же Кингъ признаетъ, что эти сберегательныя и вспомогательныя общества являются первыми, робкими предшественниками кооперативнаго принципа,

ибо они накапливают общественный капиталъ. „Это лежитъ въ природѣ всѣхъ истинныхъ принциповъ, что они развиваются ускореннымъ темпомъ. Товарищество, которое въ первый годъ медленными шагами подвигалось впередъ, въ слѣдующемъ—научается быстро бѣгать, а еще черезъ годъ будетъ подвигаться съ двойной скоростью. Каждый поэтому будетъ содѣйствовать вліянію кооперации съ усиленной энергіей. Никакое препятствіе не можетъ задержать ея хода, пока наконецъ въ своемъ побѣдоносномъ движеніи она не достигнетъ крайнихъ предѣловъ обитаемой земли“.

Таково въ общихъ чертахъ все существенное, что было высказано Кингомъ для теоретическаго обоснованія своей кооперативной системы. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, она покоится на трудѣ. По мнѣнію Кинга, социальное-экономическая основа кооперации—это организація труда въ интересахъ тѣхъ, кто эту работу исполняетъ. Интересы труда составляютъ основной организаторскій принципъ кооперации и такъ какъ эти интересы находятся въ противорѣчій съ интересами капитала, который стремится присвоить себѣ часть общественнаго продукта въ видѣ прибыли, процента и ренты, то дѣятельность кооперативовъ естественно направляется къ тому, чтобы освободить трудъ отъ той зависимости, въ которой онъ находится по отношенію къ капиталу, эмансипировать рабочихъ изъ подъ власти капиталистовъ. И такъ какъ—далее—эта эмансипація, по мнѣнію Кинга, осуществляется путемъ превращенія частной собственности на средства производства въ товарищескую собственность, то онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ защитникъ социалистической теоріи кооперации.

Для широкаго горизонта Кинга очень показателнымъ является то, что въ своемъ журналѣ (№ 15 и 16) онъ подробно останавливается на вопросѣ о взаимоотношеніи между профессиональнымъ и кооперативнымъ движеніемъ. Въ то время какъ въ широкихъ кругахъ общества самое право на стачку подвергалось сомнѣнію, а дѣятельность рабочихъ организацій встрѣчала осужденіе, Кингъ съ присущей ему ясностью и логичностью выводитъ ихъ необходимость изъ внутреннихъ условий современнаго экономического развитія. „Профессиональный союзъ есть соединеніе рабочихъ, имѣющее своей цѣлью защиту ихъ интересовъ въ отношеніи заработной платы. Какъ цѣль каждаго купца или торговца заключается въ томъ, чтобы продать свои товары возможно дороже, такъ и цѣль подобнаго союза состоитъ въ томъ, чтобы трудъ своихъ членовъ сбывать по возможно болѣе высокой цѣнѣ. Эта цѣль достигается отчасти путемъ ограниченія числа учениковъ, принимаемыхъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности, затѣмъ—установленіемъ правилъ, регулирующихъ ихъ знанія, и наконецъ—путемъ отказа работать за плату ниже извѣстнаго уровня. Этой послѣдней цѣли профессиональный союзъ стремится достигнуть путемъ соответственнаго урегулированія спроса и предложенія труда. Если заработная плата имѣетъ тенденцію къ пониженію, то нѣкоторая часть рабочихъ воздерживается отъ предложенія

своихъ услугъ, получая за это поддержку со стороны тѣхъ, кто продолжаетъ работать. Въ исключительныхъ случаяхъ, когда угрожается значительное или продолжительное сокращеніе заработной платы, профессиональный союзъ прибѣгаетъ къ стачкѣ. Если фабрикантъ имѣетъ большой запасъ товаровъ или обладаетъ крупнымъ капиталомъ, то фонды союза, на который содержатся его члены, скоро будутъ исчерпаны и они вынуждены будутъ сдаться. Если же наоборотъ предприниматель видитъ, что онъ не въ состояніи долго выдержать, то онъ съ самаго начала будетъ стремиться къ соглашенію со своими рабочими. Предприниматель недружелюбно относится къ рабочимъ союзамъ и это вполне естественно, ибо онъ имѣетъ въ виду прежде всего собственный интересъ. Эти интересы у всѣхъ предпринимателей одинаковы, и они поэтому также основываютъ свои союзы. Законодательныя учрежденія состоятъ изъ предпринимателей, и потому мы видимъ, что они издають законъ противъ профессиональныхъ союзовъ, чтобы такимъ образомъ понизить заработную плату. Однако въ концѣ концовъ выяснилось, что эти законы бесполезны, неразумны и дурны; поэтому они были затѣмъ отмѣнены. Опытъ научилъ предпринимателей признавать положеніе, что всякій продавецъ долженъ имѣть одинаковое право продавать свой товаръ наиболѣе выгоднымъ образомъ. Рабочій есть продавецъ труда и имѣетъ право продавать его, кому хочетъ. И если образуется общество рабочихъ для того, чтобы торговать своимъ трудомъ, то оно имѣетъ на это такое же право, какъ общество предпринимателей, открывающее торговлю на свои капиталы. Далѣе Кингъ старается привлечь симпатіи на сторону рабочихъ союзовъ, указывая, что въ основѣ ихъ лежитъ стремленіе къ независимости и благосостоянію, сочувствіе къ товарищамъ, извѣстная доля самопожертвованія и забота о будущемъ. „Принципъ соединенія, которому мы старались дать новое направленіе среди рабочихъ, тѣсно связанъ съ человѣческимъ благосостояніемъ и составляетъ краеугольный камень цивилизаціи. Въ прежнее время мудрые короли прилагали большія старанія къ тому, чтобы укрѣпить его значительными привилегіями. Геній искусствъ, торговли и промышленности возникъ отсюда. Въ то время цехи являлись благомъ не только для предпринимателей, но и для рабочихъ, ибо интересы ихъ были почти одни и тѣже; союзы же, которые бы возникали въ противобѣсъ организаціямъ предпринимателей, были неизвѣстны. Но они неизбежно должны были возникнуть съ тѣхъ поръ, какъ произошли измѣненія въ промышленности, повлекшія за собой ухудшеніе положенія рабочихъ. Съ рабочимъ стали обращаться—и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе—съ меньшей заботливостью и большей черствостью. Въ той мѣрѣ, какъ увеличивалась производительность труда, послѣдній сталъ цѣниться все менѣе и менѣе; на него начали смотрѣть просто какъ на машину—правда, какъ на машину изъ мяса и крови, вмѣсто колесъ и пара, но все же какъ на машину. При такихъ обстоятельствахъ рабочимъ ничего не оставалось, какъ объединяться между собою и проникаться сознаниемъ противополо-

ложности ихъ интересовъ съ интересами предпринимателей. Если рабочіе въ своемъ стремленіи найти избавленіе отъ угнетающихъ ихъ бѣдствій прибѣгли къ средству, которое пускалось въ ходъ высшими классами для достиженія какой-нибудь цѣли ихъ честолюбія, т. е. силѣ,—то это не должно насъ удивлять. Въ тѣ времена наиболѣе крѣпкій мечъ являлся наилучшимъ аргументомъ, и сила создавала право. Рабочіе послѣдовали этому примѣру, поданному высшими классами, когда борьба встала на очередь дня. Разъ было рѣшено добиваться извѣстнаго уровня платы, то естественно, что слѣдствіемъ отказа предпринимателей удовлетворить ихъ было уничтоженіе собственности. Это было естественнымъ актомъ со стороны невѣжественныхъ людей, страсти которыхъ были возбуждены и которымъ подавали дурные примѣры.

...Послѣ того какъ законы противъ коалицій, признанные партійными, несправедливыми и стѣснительными, были отмѣнены, исчезъ среди рабочихъ тотъ духъ возбужденія, который постоянно жилъ среди нихъ. Тотъ же самый прогрессъ образованія, который далъ основаніе предпринимателямъ и законодателямъ уважать права рабочихъ, побудилъ послѣднихъ къ тому, чтобы уважать права своихъ господъ. Если скептики спрашивали, на что нужны образованіе и воспитаніе трудящихся классовъ, то на это можетъ быть данъ ясный отвѣтъ: для того, чтобы сдѣлать ихъ душу доступной повелительному голосу права и внушить имъ при этомъ уваженіе къ собственности предпринимателей и капиталистовъ, независимо отъ того, каковы ихъ собственныя нужды. Значительные слои рабочихъ попадали иногда въ такое положеніе, которое граничило съ голодомъ. Въ прежнія времена такое состояніе несомнѣнно повело бы къ возстанію, но теперь страсти уступили мѣсто разсудку, невѣжество—образованію, возмущеніе—миру и терпѣнію.

Трудящіеся классы убѣждены теперь, что насиліемъ они себѣ помочь не могутъ. Допустимъ, что можно было бы уничтожить большее количество машинъ и этимъ увеличить заработную плату—черезъ нѣкоторое время машины снова займутъ свое прежнее мѣсто и вмѣстѣ съ тѣмъ вернется низкая оплата труда. Сама по себѣ машина должна быть признана крупнымъ, неоцѣнимымъ завоеваніемъ, но ея непосредственное дѣйствіе вредно для рабочаго. Но онъ уже не хочетъ болѣе разрушать ее, если можетъ обойтись безъ этого, и главная проблема, которая занимаетъ теперь его умъ, заключается въ томъ, какъ это великое завоеваніе обратить на свою собственную пользу. Онъ еще не нашелъ отвѣтъ на данный вопросъ, но скоро найдетъ его; отвѣтъ этотъ заключается въ одномъ словѣ—кооперация.

“Профессіональные союзы суть органы трудящихся классовъ. Все, что лежитъ въ предѣлахъ власти цѣлаго класса, легко можетъ быть осуществлено указанными союзами. Они имѣютъ силу и волю, и мы не сомнѣваемся въ ихъ честности. Если только они будутъ считаться съ новизною дѣла и съ условіями его осуществленія, то они могутъ дать всему организму, котораго они являются

главою, такой толчекъ, который приведетъ къ полному ихъ освобожденію. Рабочіе союзы могутъ легко и быстро стать всемогущими въ человѣческихъ дѣлахъ. Кто распоряжается трудомъ, тотъ распоряжается людьми. Но кто же можетъ такъ распоряжаться трудомъ, какъ самъ рабочій? Капиталистъ работать не можетъ. Поэтому какъ скоро рабочій становится своимъ собственнымъ капиталистомъ, всѣ тѣ, кто являются только капиталистами, превращаются въ полнѣйшее ничтожество. Рабочій-капиталистъ будетъ всемогущимъ.

Профессиональные союзы создали собственные органы управления и хорошо организованы. Они взимаютъ еженедѣльные взносы, которые составляютъ огромныя суммы, составляютъ доходы союзовъ, съ которыми послѣдніе могутъ дѣлать все, что хотятъ. Они должны продолжать работу въ этомъ направленіи и далѣе. Еженедѣльные взносы должны собираться и расходоваться наиболѣе производительнымъ образомъ. Между прочимъ въ первую линію нужно установить соглашеніе съ теперешними хозяевами и заключить продолжительный миръ; главное же вниманіе нужно обратить на новаго господина, каковымъ является ихъ собственный капиталъ и собственная производительная сила. Всѣ профессиональные союзы должны—далѣе—разослать циркуляръ по своимъ отдѣламъ съ приглашеніемъ основывать кооперативы. Кооперация есть нить, которую они могутъ прятать своими руками изъ собственной шерсти и которая достаточно крѣпка, чтобы выдержать давленіе всѣхъ интересовъ. Успѣшность результатовъ отъ подобнаго циркуляра не заставитъ себя долго ждать. Если бы настроеніе членовъ было вполнѣ благопріятно дѣлу кооперации, что несомнѣнно такъ и есть, то въ слѣдующую очередь можно было бы поставить вопросъ о томъ, какъ использовать теперешніе фонды для дѣла кооперации. Члены профессиональных союзовъ должны вступать въ кооперативы и увеличивать число тѣхъ, кто къ нимъ уже принадлежитъ. Теперешніе союзы ни въ коемъ случаѣ не должны быть распущены. Время, когда это можетъ случиться, наступитъ, но только послѣ того, какъ кооперация получитъ всеобщее распространеніе и используетъ всѣ другіе способы оказанія помощи рабочему—во время болѣзни, инвалидности и безработицы. Современные союзы должны поддерживать и развивать кооперацию. Всюду, гдѣ находится профессиональный союзъ, долженъ быть созданъ также и кооперативъ. Изъ этихъ центровъ кооперативные пропагандисты будутъ направляться въ сосѣдніе округа, чтобы побуждать всѣхъ способныхъ рабочихъ братья за вѣрное дѣло вмѣсто ненадежнаго, жить въ хорошихъ домахъ, получать ежедневно хорошій обѣдъ и наслаждаться въ зимнее время теплой горницей.

...Профессиональные союзы должны продолжить свою обычную дѣятельность по сбору еженедѣльных взносовъ, но имъ не слѣдуетъ помѣщать послѣдніе въ сберегательныя кассы, государственныя бумаги, ипотеки и т. п. Они должны вкладывать свои средства въ кооперативы, открывая ихъ съ помощью своихъ собственныхъ членовъ, ссужать нѣкоторую сумму другимъ товариществамъ,

открывать собственные фабрики, чтобы снабжать кооперативы орудіями, инструментами и машинами разнаго рода и давать такимъ образомъ занятіе наиболѣе способнымъ рабочимъ въ этихъ отрасляхъ промышленности. И въ особенности на нихъ лежитъ обязанность дать полезную работу тѣмъ, кто потерялъ ее вълѣдствіе недостатка спроса или несостоятельности предпринимателей“.

Однимъ изъ наиболѣе, повидимому, цѣлесообразныхъ способовъ примѣненія праздно лежащаго капитала профессиональныхъ союзовъ могла бы явиться покупка земли. За это говорятъ нѣкоторые очень важныя соображенія. Цѣна земли опредѣляется совершенно различно—въ зависимости отъ того, покупается ли она для отдѣльнаго капиталиста или для товарищества. Въ первомъ случаѣ она зависитъ всецѣло отъ положенія рынка, во второмъ же—относительно. Въ первомъ случаѣ почти все продукты должны быть обращены въ деньги, прежде чѣмъ получить какую-нибудь цѣнность, во второмъ же—не такъ. Въ первомъ случаѣ производитель сбываетъ на рынокъ свои пищевые продукты и затѣмъ снова покупаетъ ихъ. Во второмъ же—дѣло обстоитъ иначе: здѣсь товарамъ приходится дѣлать только два шага, чтобы попасть въ ротъ потребителямъ. Въ первомъ случаѣ плодороднѣйшая земля можетъ оставаться невоздѣланной, ибо по близости нѣтъ рынка. Во второмъ же—плодородная земля сохраняетъ свою полную цѣнность совершенно независимо отъ того, гдѣ она лежитъ. Если земля не можетъ пойти на рынокъ къ потребителю, то тогда потребитель можетъ пойти на землю. Пищевые продукты тяжеловѣсны и трудноперевозимы, предметы же одежды легко перевозятся, а машины могутъ производиться во всѣхъ климатахъ... Поэтому если бы рабочіе союзы приобрѣли землю хоть на самомъ крайнемъ концѣ нашего острова, то имъ нужно было бы только послать туда излишнія рабочія силы уволенныхъ ткачей, ремесленниковъ и поденщиковъ, которые бы работали тамъ на себя и сами потребляли все, ими производимое. Самый лучшій способъ, которымъ эти поселенцы могли бы отплатить своимъ профессиональнымъ союзамъ ихъ долгъ, заключался бы въ томъ, что они время отъ времени принимали бы къ себѣ излишнихъ рабочихъ... По мѣрѣ того, какъ рабочіе будутъ сниматься съ общаго трудового рынка, заработная плата должна будетъ увеличиваться, остающіеся рабочіе станутъ улучшать свое положеніе, и такимъ образомъ общая цѣна будетъ достигнута легче, скорѣе и лучше. Эти кооперативныя колоніи профессиональныхъ союзовъ будутъ умножаться. Области, обработка которыхъ невозможна для отдѣльныхъ капиталистовъ, были бы заняты ими. Подобно шнурѣ, эти кооперативныя колоніи будутъ вытягиваться другъ за другомъ на периферіи, какъ если бы земля обрабатывалась по индивидуалистическому принципу. Такъ какъ эти колоніи постоянно увеличивались бы, то они были бы въ состояніи конкурировать съ частнымъ капиталистомъ и постепенно его замѣнять. Да, частный капиталистъ ни на одномъ клочкѣ земли не могъ бы утвердиться, ибо главный нервъ индивидуальнаго капитала, именно трудъ, не-

сомнѣнно перейдетъ на сторону коопераціи, какъ только оба противника подойдутъ другъ къ другу на близкое разстояніе“. Далѣе Кингъ указываетъ, что есть и еще много другихъ способовъ для профессиональных союзовъ съ выгодой употреблять свои капиталы—напр. устраивать школы для дѣтей членовъ товариществъ, чтобы ихъ съ дѣтства воспитывать въ духѣ коопераціи... „Таковы средства и методы, которые надлежитъ вамъ примѣнять, и цѣли, которые надлежитъ ставить, а вовсе не безконечныя распри съ предпринимателями изъ-за жалкихъ прибавокъ къ заработной платѣ; вы имѣете силу распоряжаться не только заработной платой, но и самимъ капиталомъ.

Теперь вы стоите во главѣ тысячъ рабочихъ и располагаете многими тысячами фунтовъ стерлинговъ. Въ вашей власти распоряжаться милліонами и быть господами своей судьбы; да, вы можете направлять ее даже легче, чѣмъ это могли дѣлать великіе завоеватели. По силѣ вы равняетесь этимъ завоевателямъ, но ваши подвиги будутъ иные, ибо ваши побѣды будутъ одерживаться безъ пролитія крови“.

Въ послѣдующихъ нумерахъ журнала Кингъ высказываетъ свой взглядъ насчетъ взаимоотношенія между системой конкуренціи и коопераціей, отношенія послѣдней къ государству и религіи, но за недостаткомъ мѣста мы не будемъ здѣсь останавливаться на этомъ. Оtmѣтимъ лишь въ заключеніе тѣ соображенія, которыя имѣли были развиты въ № 24 „Кооператора“ въ отвѣтъ на возраженія, сдѣланныя съ разныхъ сторонъ противъ его системы. „Кооперація—говорится здѣсь—выгодна для всѣхъ классовъ населенія. Она приноситъ пользу высшимъ классамъ и рабочему классу такъ же, какъ бѣднякамъ, и укрѣпляетъ государственную власть. Она можетъ устранить пауперизмъ и преступленіе, низвести науку въ область повседневной жизни и превратить невѣжду въ разумное существо“. Правда, далеко не всѣ согласны съ этимъ, и причину этого Кингъ усматриваетъ въ духѣ всеобщаго недовольства, который онъ считаетъ характернымъ для переживаемаго періода.

Такъ, нѣкоторые возражаютъ, что кооперація заключаетъ въ себѣ революціонную тенденцію, научаетъ бѣдныхъ объединяться противъ богатыхъ, вызываетъ недовольство своимъ настоящимъ жребіемъ, объявляетъ несправедливымъ обладаніе частной собственностью и благосостояніе высшихъ классовъ выставляетъ передъ рабочими, какъ прекрасный объектъ для разграбленія, приписываетъ всѣ страданія рабочихъ тираніи богатыхъ и т. д. „Хотя кооперація является лишь инымъ выраженіемъ для братской любви, но мы не хотимъ укрываться за таковымъ ея значеніемъ. Мы имѣемъ основаніе полагать, что принципъ братской любви не считается желаннымъ въ практической жизни, въ глазахъ тѣхъ, которые привыкли постоянно говорить о ней. Дѣйствительно достойно удивленія, что нѣкоторые выдвигаютъ противъ коопераціи то соображеніе, что она подготавливаетъ революцію, тогда какъ другіе нападаютъ на нее за то, что она, по ихъ

мнѣнію, предупреждаетъ послѣднюю. Если—говорятъ они—бѣдные организуются на кооперативныхъ началахъ, то они приобретутъ собственность и знанія, не будутъ болѣе испытывать нужды и перестанутъ быть недовольными. Ихъ умъ будетъ слишкомъ занятъ собственными дѣлами и почерпаетъ въ этомъ удовлетвореніе, каковое обстоятельство побудитъ ихъ не подвергать своего существованія испытанію путемъ общенароднаго движенія, направленаго къ перевороту. Это разсужденіе радикаловъ дѣйствительно основательно, между тѣмъ какъ ихъ желанія лежатъ въ другомъ направленіи. То объединеніе, которое осуществляется кооперацией, не такого рода чтобы толкать бѣдныхъ на борьбу противъ богатыхъ или рабочихъ—противъ предпринимателей. Это есть разумное примѣненіе принципа, на основаніи котораго каждый долженъ дѣйствовать—именно стремленія къ улучшенію своего жизненнаго положенія. Благодаря этому принципу человѣчество изъ состоянія варварства развилось до цивилизаци, и мы убѣждены, что при помощи его оно отъ нищеты придетъ къ кооперативной независимости.

Мы не знаемъ, насколько этому принципу суждено Провиденіемъ осуществиться, но это, вѣроятно, далеко выходитъ за предѣлы нашего теперешняго пониманія. Если бы человѣческій прогрессъ не былъ безконечнымъ, то оставалось бы непонятнымъ, почему человѣкъ могъ возвыситься надъ дикимъ состояніемъ и развить духовную культуру, искусства и науки.

Кооперативная организація не направляется также противъ собственности другихъ—во первыхъ потому, что она сама въ такомъ случаѣ подверглась бы подобнымъ же нападкамъ, а во вторыхъ потому, что она не имѣетъ никакой возможности къ этому. Кооперативы уже убѣдились, что ихъ собственность растеть быстрое, чѣмъ ихъ способность ее утилизировать. Главное зло въ настоящее время заключается не въ томъ, что рабочіе не могутъ производить достаточно для ихъ содержанія, но въ томъ, что существуетъ значительное количество людей, которые ничего не производятъ и вообще ничего не дѣлаютъ, а только потребляютъ.

Кооперация можетъ быть понимаема, какъ организація, которая направлена противъ праздности, пауперизма и преступности, противъ гнета и нищеты. Трудящіеся члены только идутъ по слѣдамъ вышнихъ классовъ, которые задолго передъ тѣмъ начали эту священную войну. Конечно, для нихъ подобные товарищи по союзу должна быть желательны. Въ нихъ мы имѣемъ враговъ, превращающихся въ друзей, и съ этими врагами не слѣдуетъ долѣе враждовать и вести войну... Если кооперация имѣетъ успѣхъ, то члены ея превращаются изъ рабочихъ въ людей съ состояніемъ. Люди, которые сами имѣютъ состояніе, не могутъ осуждать тѣхъ, которые его приобретаютъ. На какомъ же основаніи поэтому честное приобретение собственности можетъ разсматриваться, какъ преступленіе, если обладаніе ею доставляетъ почетъ? Мы должны вновь повторить, что стремленіе къ благопріобрѣтенной собственности есть самый антиреволюціонный принципъ изъ всѣхъ Рево-

кюціонный принципъ—разрушительный, кооперативный же—созидательный и собирательный. Первый—ниспровергаетъ, послѣдній—воздвигаетъ, первый—разсѣиваетъ, послѣдній—соединяетъ, первый желаетъ жать, не сѣя, послѣдній же—сѣять, для того чтобы пожать“.

Далѣе Кингъ опровергаетъ упреки въ томъ, что кооперація враждебна религіи и нравственности. Если нѣкоторые изъ передовыхъ борцовъ за кооперацію были скептиками въ религіозномъ отношеніи (здѣсь Кингъ намекаетъ на Оуэна), то изъ этого обстоятельства ошибочно было выводить заключеніе, что сама по себѣ она есть нѣчто безбожное. „Наоборотъ, если когда-либо была создана система, которая по всему своему существу является глубоко религіозной и обладаетъ тенденціей въ высокой мѣрѣ служить укрѣпленію религіи и морали, требуя отъ своихъ приверженцевъ открытой совѣсти, вѣрнаго сердца, прилежныхъ рукъ, чувства товарищества и симпатіи, то это именно система коопераціи. Можно сказать, что она—утопична и неосуществима, но утверждать, что она безбожна и иррелигіозна—значить, впасть во внутреннее противорѣчіе. Только потому, что люди нечестны, не любятъ своихъ ближнихъ и не являются настоящими христианами,—не могутъ они кооперировать другъ съ другомъ. И именно потому, что они не научились еще быть чистыми сердцемъ и душой, они не работаютъ на товарищескихъ началахъ“...

Журналъ, издаваемый Кингомъ, не остался незамѣченнымъ; онъ приобрѣлъ себѣ не мало горячихъ сторонниковъ и далъ толчокъ къ основанію потребительныхъ обществъ (или—какъ они тогда назывались—„торговья товарищества для образованія фонда“—trading fund associations) въ цѣломъ рядѣ городовъ Англіи. Когда осенью 1832 г. въ Ливерпулѣ собрался третій кооперативный конгрессъ и на послѣднемъ засѣданіи обсуждался вопросъ о средствахъ къ распространенію кооперативныхъ идей, то имя Кинга и его журнала само собой выдвинулось на первый планъ. Предсѣдатель конгресса Гиретъ въ прочувственной рѣчи указалъ на заслуги автора перваго кооперативнаго журнала и добавилъ, что кооперативныя организаціи покрыли бы себя „несмыслаемымъ позоромъ, если бы допустили, чтобы это произведеніе было предано забвенію. Оно приобрѣло сотни, если не тысячи, приверженцевъ нашего дѣла“...

Въ заключеніе собраніемъ была принята резолюція, въ которой выражалась горячая благодарность автору журнала „Кооператоръ“ и поручалось именемъ конгресса просить его о выпускѣ новаго изданія, съ тѣми измѣненіями и добавленіями, какія онъ сочтетъ нужнымъ. Въ силу однако матеріальныхъ затрудненій Кингъ вынужденъ былъ отказаться отъ этого предложенія и вскорѣ сходить со сцены кооперативной дѣятельности. Причины этого остаются до сихъ поръ невыясненными вполне, и о нихъ можно только догадываться. Но во всякомъ случаѣ Кингъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 20 октября 1865 г., остался вѣренъ своему міросозерцанію, какъ это видно изъ опу-

бликованныхъ въ послѣдствіи писемъ, и съ большимъ сочувствіемъ слѣдилъ за успѣхами кооперативнаго движенія, котораго онъ былъ первымъ теоретикомъ.

ГЛАВА III.

Христіанскіе социалисты.

„Послѣ Роберта Оуэна на судьбы коопераціи всего сильнѣе повліяла кооперація людей, извѣстныхъ подъ именемъ христіанскихъ социалистовъ 1848 года“—такъ пишетъ Е. Веббъ въ своемъ обзорѣ кооперативнаго движенія въ Англіи*).

Едва ли однако можно согласиться съ этимъ утвержденіемъ. То, что проповѣдовали христіанскіе социалисты и что является наиболѣе характернымъ для ихъ міровоззрѣнія—производительныя ассоціаціи и участіе рабочихъ въ прибыляхъ (копартнершипъ)—вовсе не составляетъ того главнаго русла, по которому направилось дальнѣйшее развитіе англійской коопераціи; такимъ образомъ, считать ихъ руководителями или вдохновителями послѣдней не приходится. Со времени выступленія Рочдальскаго общества справедливыхъ пионеровъ въ городахъ Англіи начали возникать и развиваться, сначала медленно и постепенно, а затѣмъ все шире и быстрѣе, потребительныя рабочія общества, которыя стали во главѣ кооперативнаго движенія и приобрѣли огромное общественное значеніе.

Но первое время всѣ живыя силы уходили на черновую практическую работу, и движеніе долго оставалось безъ соответственнаго литературнаго выраженія, а Кингъ и его журналъ—безъ преемниковъ и продолжителей своего дѣла. На это обстоятельство было обращено вниманіе еще В. Гюберомъ, который одинъ изъ первыхъ познакомилъ нѣмецкое общество съ вопросами кооперативнаго движенія. „Мы (въ Германіи) имѣемъ печатный журналъ и только нѣсколько прочныхъ ассоціацій,—писалъ онъ въ *Innung der Zukunft* за 1857 г.; въ Англіи же ихъ существуетъ большое количество, но кооперативнаго органа здѣсь нѣтъ“.

Между тѣмъ христіанскіе социалисты, имѣя мало связей въ низахъ, были богаты интеллигентными силами, и потому общественное вниманіе было привлечено къ нимъ въ гораздо большей степени, чѣмъ это вытекало изъ роли, играемой ими дѣйствительно въ практической жизни. Это было своего рода движеніе „въ народъ“ англійской интеллигенціи, съ той только разницей отъ нашего, что вмѣсто пылкой учащейся молодежи здѣсь выступали

*) Мирный переворотъ въ экономической жизни. 1910 г. 69 стр.

лица, занимающія определенное социальное положение—пасторы, адвокаты, писатели и пр.; но самъ народъ занималъ въ немъ пассивное положеніе.

Христіанскіе социалисты начали свою публичную дѣятельность въ 1848 г., когда Морицомъ и Ледлоу стала издаваться 6 мая еженедѣльная газета „Politics of the People“ (народная политика). Но она не имѣла успѣха среди рабочихъ и черезъ три мѣсяца прекратила свое существованіе по недостатку денежныхъ средствъ. Въ 1850 г. стала выходить газета „Christian Socialist“, но и она должна была закрыться въ слѣдующемъ же году. Кромѣ того ими была издана масса популярныхъ брошюръ и беллетристическихъ произведеній, пропагандирующихъ идеи новаго направленія.

Христіанскіе социалисты не соглашались признать существующій социально-экономическій порядокъ естественнымъ и нормальнымъ, какъ учили послѣдователи Адама Смита, Мальтуса и Рикардо, и отвергали частную собственность, говоря, что послѣдняя есть даръ Божій, предназначенный имъ для служенія общему благу. При всемъ томъ однако они не сочувствовали ни насильственнымъ переворотамъ, ни даже стремленіямъ чартистовъ законодательнымъ путемъ провести настоятельнѣйшія социальныя реформы. Всѣ свои надежды они возлагали на добрую волю людей и на ихъ воспитаніе въ духѣ Евангелія.

Современный строй промышленности, основанный на стремленіи къ наживѣ и на подчиненіи рабочихъ власти капитала, разсматривался ими, какъ учрежденіе анти-христіанское. Чтобы преобразовать его на новыхъ началахъ, нужно поставить въ основу экономики принципъ ассоціаціи, совмѣстной дѣятельности для общаго блага.

Однако неудача опытовъ съ устройствомъ кооперативныхъ коммунъ или промышленно-земледѣльческихъ колоній, которые были произведены Р. Оуэномъ и его послѣдователями, отбила у нихъ охоту продолжать работу въ этомъ направленіи. Стремясь къ той же цѣли освобожденія труда отъ ига зависимости, они хотѣли отыскать средства и пути къ ея достиженію, которые бы оказались болѣе практическими и болѣе доступными для рабочихъ массъ.

Ледлоу имѣлъ связи съ Франціей и былъ хорошо знакомъ съ тогдашнимъ социальнымъ движеніемъ. Во время своего пребыванія въ Парижѣ въ 1848 г. онъ былъ свидѣтелемъ организаціи цѣлаго ряда такъ назыв. общественныхъ мастерскихъ или производительныхъ рабочихъ товариществъ—въ духѣ принциповъ Ф. Вюше и Луи-Блана. Эти мастерскія произвели на него сильное впечатлѣніе, какъ вѣрное и практическое средство къ разрѣшенію социального вопроса и осуществленію великихъ принциповъ ассоціаціи, и по возвращеніи домой онъ сталъ горячо убѣждать своихъ единомышленниковъ примкнуть къ этому движенію. Осенью 1849 г. въ Лондонѣ дѣйствительно возникло „Общество содѣйствія рабочимъ ассоціаціямъ“ при участіи Ледлоу, Мориса, Кинг-

сли, Нила, Хьюиса, французскаго эмигранта Ле-Шевалье и др. „Мы старались распространить ту идею,—писалъ одинъ изъ главныхъ руководителей о-ва В. Ниль,—что рабочіе—братья, а трудъ—дѣятельность братства людей, соединившихся для общей пользы, а потому отвергающихъ мысль о соперничествѣ другъ съ другомъ, какъ несовмѣстимую съ истиной форму общества, и старающихся, не проповѣдуя формальнаго коммунизма, образовать промышленныя предпріятія коммунистическаго характера, гдѣ прибыль, остающаяся по выплатѣ обычной заработной платы и процентовъ на капиталъ, шла бы на общую пользу группы, трудъ который создалъ ее“.

Несмотря на то, что идея производительной коопераціи не была продуктомъ творчества самихъ христіанскихъ социалистовъ, а была вывезена изъ Франціи (см. главу VI), члены общества съ энтузіазмомъ принялись за ея распространеніе.

„Я думалъ, и мои мысли на этотъ счетъ не перемѣнились съ тѣхъ поръ,—писалъ впоследствии Хьюисъ,—что мы нашли рѣшеніе великаго рабочаго вопроса; но тогда я былъ убѣжденъ, что намъ остается только обнародовать его и основать одно—два товарищества, чтобы обратить въ свою вѣру всю Англію и открыть эру всеобщаго благоденствія—такъ просто казалось все дѣло“.

Такъ же, какъ и во Франціи, главной областью для примѣненія идеи производительной коопераціи служила мелкая, ремесленная промышленность—такъ изъ двѣнадцати основанныхъ въ 1850 г. христіанскими социалистами въ Лондонѣ товариществъ три приходится на долю товариществъ портныхъ, три—сапожниковъ, два—строительныхъ рабочихъ, остальные—типографовъ, кузнецовъ и пекарей.

Почти все деньги на устройство означенныхъ мастерскихъ были сеужены изъ 4% христіанскими социалистами, главнымъ образомъ—Ниломъ. Согласно уставу, членами товарищества могли быть только рабочіе, которые дѣлали ежегодно взносы въ общій фондъ, предназначенный на общія нужды, пользовались всей чистой прибылью и сами завѣдовали мастерской, выбирая распорядителя работъ. Однако „Общество содѣйствія рабочимъ ассоціациямъ“ сохранило за собой право не утверждать избраннаго распорядителя и инструкции, опредѣляющей кругъ его дѣятельности—до тѣхъ поръ, пока товарищество не выплатитъ взятаго у него заимообразно капитала.

Первоначально Общество содѣйствія не вмѣшивалось во внутреннія дѣла основанныхъ при его финансовой поддержкѣ товариществъ, но скоро въ нихъ начались раздоры и взаимное соперничество. Въ виду этого было учреждено особый центральный Комитетъ, состоящій изъ управляющаго и представителей отъ товариществъ, по одному отъ каждаго, который долженъ былъ вмѣстѣ съ совѣтомъ учредителей регулировать ихъ отношенія другъ къ другу; болѣе упорныя товарищества были лишены права самоуправленія и завѣдываніе ими было передано распорядите-

лѣтъ, назначеннымъ учредителями. Однако и это не помогло и черезъ три-четыре года всѣ основанныя при поддержкѣ христіанскихъ социалистовъ въ Лондонѣ и кое гдѣ на югѣ ассоціація распались или выродились въ предпріятія мелкихъ хозяевъ, проникнутыхъ не мыслью о разрѣшеніи социальнаго вопроса, а лишь жаждой наживы.

Правда, по выраженію Ледью, это была неудача коммерческая, а не моральная, ибо „никакое движеніе, въ которомъ участвуютъ такіе люди, какъ Фредерикъ Деннисонъ Морисъ, Чарльзъ Кингслей, Томасъ Юзъ и Эдуардъ Ванситартъ Ниль, не можетъ потерпѣть моральной неудачи“—но все же дѣятельность ихъ прекращается болѣе чѣмъ на десять лѣтъ. Съ середины шестидесятыхъ годовъ они вновь появляются на общественной сценѣ, при чемъ вмѣсто самоуправляющихся мастерскихъ, оказавшихся столь неудачными, теперь уже выдвигается идея примиренія интересовъ труда и капитала въ крупныхъ предпріятіяхъ посредствомъ привлеченія рабочихъ къ участию въ прибыляхъ.

Въ 1866 г. фирма Бригсъ ввела въ своихъ каменноугольныхъ копяхъ систему участія рабочихъ въ прибыляхъ и затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ еще одиннадцать крупныхъ фирмъ послѣдовало ея примѣру. Одна изъ этихъ попытокъ, осуществленная Гринингомъ въ предпріятіи по изготовленію желѣзныхъ дверей, удостоилась особенной похвалы отъ конференціи, собравшейся въ іюнѣ 1866 г., на которой главные пропагандисты участія въ прибыляхъ излагали свои проекты осчастливить человѣчество. Интересно отмѣтить, что въ то время какъ основаніе Рочдельскаго общества справедливыхъ пионеровъ (1844 г.), англійскаго общества оптовыхъ закупокъ (1863) и такового же шотландскаго общества (1868 г.), сыгравшихъ огромную роль въ дальнѣйшемъ развитіи міровой кооперации, прошли незамѣченными въ буржуазной прессѣ, означенная конференція, на которой обсуждался предложеніе Бригса и Грининга, получила рядъ привѣтственныхъ писемъ отъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей и ученыхъ, не говоря уже о сочувственныхъ замѣткахъ въ Times и многихъ другихъ столичныхъ и провинціальныхъ органахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ снова началась пропаганда въ пользу основанія производительныхъ товариществъ среди рабочихъ, при чемъ на этотъ разъ была сдѣлана попытка использовать для этой цѣли профессиональные союзы и кооперативныя организаціи.

Такъ возникли Оузберскій машиностроительный заводъ, Шотландскій желѣзодобывательный заводъ, инструментальныя мастерскія въ Ольдгэмѣ, Анелли и Шефилдѣ. Затѣмъ два профессиональныхъ союза углекоповъ соблазнились перспективой основать собственные каменноугольныя товарищества; этотъ шагъ нашелъ подражателей и въ разныхъ мѣстахъ стали возникать угленпромышленныя компаніи, которыя находили поддержку со стороны какъ отдѣльныхъ потребительныхъ Обществъ, такъ и союза. Ибо Юзъ, Гринингъ и Ниль настойчиво проводили мысль, что потребительнымъ кооперативнымъ организаціямъ надлежитъ ограни-

читься только торговыми операциями и воздерживаться от организации собственного производства, ибо это—дѣло производительных рабочих ассоціацій. Но и на этотъ разъ попытки христіанскихъ социалистовъ окончились прахомъ, при чемъ какъ трэдъ-юніоны, такъ и кооперативы понесли крупные убытки, надолго отбившіе у нихъ охоту къ подобнымъ экпериментамъ. Потери трэдъ-юніоновъ доходили до 60,000 ф. ст., молодое шотландское об-во оптовыхъ закупокъ понесло убытковъ 10,000 ф. ст. и чуть было не погибло, приостановивши свой ростъ на цѣлыхъ десять лѣтъ; англійское же общество оптовыхъ закупокъ отдѣлалась болѣе дешево*). Столь же неудачной оказалась попытка съ устройствомъ самостоятельнаго кооперативнаго банка. Руководители англійскаго союза для оптовыхъ закупокъ въ лицѣ Митчеля и др., хорошо понимая, какъ сильно банковскія операціи укрѣпляютъ положеніе какъ его самого, такъ и примыкающихъ къ нему потребительныхъ обществъ, проектировали устройство особаго банковскаго департамента при Союзѣ. Христіанскіе же социалисты, вѣрные своей идеѣ, настаивали на открытіи самостоятельнаго кооперативнаго банка, не связаннаго съ оптовымъ союзомъ.

Такой банкъ дѣйствительно возникаетъ въ Нью-Кестлѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, но въ 1876 г. онъ уже потерпѣлъ окончательный крахъ. Послѣ этого банковскія операціи перешли уже въ руки Англійскаго общества оптовыхъ закупокъ, открывшаго для этой цѣли особый отдѣлъ. вмѣстѣ съ тѣмъ неудача самостоятельныхъ производительныхъ товариществъ расчистила путь потребительнымъ обществамъ и ихъ союзамъ къ организации собственного производства, которое съ тѣхъ поръ стало усиленно развиваться тамъ, опираясь на готовый рынокъ, въ лицѣ сотенъ тысячъ потребителей кооператоровъ.

Вмѣстѣ съ началомъ собственного производства возобновились также споры о справедливой оплатѣ труда. Сторонники индивидуалистической школы провозгласили основнымъ принципомъ справедливости въ отношеніи къ труду участіе рабочихъ въ прибыляхъ. Безъ этого—по ихъ мнѣнію—кооперативъ и не имѣетъ права называться таковымъ. Поэтому былъ установленъ такъ наз. „бонусъ труду“, пропорціонально высотѣ дивиденда, выдаваемого Союзомъ обществамъ за забранный ими товаръ. Этотъ „бонусъ“ достигалъ иногда 7% заработной платы, но сами рабочіе придавали ему мало значенія, и въ силу цѣлаго ряда практическихъ затрудненій онъ былъ въ 1875 г. отмѣненъ и съ тѣхъ въ англійскомъ Союзѣ больше не возстановлялся.

Успѣхи потребительской коопераціи не удовлетворяли христіанскихъ социалистовъ и въ 1884 г. при участіи Нила, Холіюка, Грининга и др. была созвана въ Дерби конференція, на которой поставлено было обратиться къ общественному мнѣнію и къ рабочимъ съ указаніемъ важности движенія, дѣлающаго рабочаго участникомъ какъ въ прибыли, такъ и въ управленіи мастерской,

*) Б. Уэббъ.—Кооперативное движеніе въ Англіи. 1905 г.

и образовать для этой цѣли особый комитетъ. Такъ возникла „Рабочая ассоціація для распространенія кооперативнаго производства на началахъ коопартнершипа“, главнымъ руководителемъ котораго по прежнему состоялъ Ниль *).

Цѣлью этой ассоціаціи было привести обратно кооператоровъ къ той идеѣ, съ которой началось ихъ движеніе. Программа Рочдальскихъ пионеровъ ставила себѣ конечной цѣлью образованіе колоній, въ которыхъ рабочіе, пользуясь плодами собственной работы, могли бы съ помощью разумно организованныхъ учреждений доставить себѣ и своимъ близкимъ всё блага духовнаго, нравственнаго и общественнаго развитія. Но прежде чѣмъ достигнуть этой цѣли потребительнымъ кооперативамъ нужно пройти длинный путь; Ниль, Холюокъ, Гриннингъ и др. считали, что они могутъ пройти его гораздо скорѣе при помощи рекомендуемыхъ ими средствъ. Планъ дѣятельности, который намѣтила себѣ рабочая ассоціація, заключался въ слѣдующемъ: 1) внять на общественное мнѣніе въ дѣлѣ объединенія работы путемъ изданія и распространенія литературы, устройства лекцій и докладовъ; 2) помогать рабочимъ въ организаціи найма; 3) стараться заинтересовать торговые общества въ кооперативномъ движеніи; 4) объединять дѣятельность трэдъ-юніоновъ и кооперативовъ для взаимной выгоды и преуспѣянія и 5) публиковать свѣдѣнія о результатахъ дѣятельности кооперативныхъ мастерскихъ и о положеніи рабочихъ.

Считаясь съ опытомъ прошлаго, показавшаго, что пожертвованіе или даже предоставленіе въ займы всего необходимаго капитала есть вѣрнѣйшее средство пагубить кооперативное движеніе, рабочая ассоціація теперь уже не вступала не въ какія предпріятія и не снабжала ихъ деньгами. Вмѣстѣ съ тѣмъ и мысль о самоуправляющейся независимой мастерской, объ индивидуализированной группѣ, владѣющей средствами производства и считающейся только съ собой, была такъ же рѣшительно оставлена, какъ и прежняя идея Оуэновскихъ колоній. Раньше шла борьба между двумя крайностями а именно между требованіемъ, чтобы вся прибыль предпріятія доставалась капиталу, и новымъ взглядамъ, по которому право на эту прибыль имѣетъ только трудъ. Теперь между указанными крайностями намѣченъ былъ компромиссъ, по которому дѣло должно обстоять такъ, чтобы трудъ, капиталъ и потребители—всѣ были заинтересованы въ доходахъ и имѣли права на участіе въ нихъ. Такъ напр. Ниль первоначально настаивалъ на томъ, чтобы за исключеніемъ извѣстнаго % на капиталъ вся прибыль шла въ пользу труда, но за тѣмъ онъ сталъ доказывать важность участія въ прибыляхъ и покупателя. Съ 1894 г. рабочая ассоціація издаетъ небольшой ежемѣсячный журналъ Co-partnership., а въ началѣ текущаго столѣтія переименовалась въ „Ассоціацію трудового коопартнершина“, поставившую себѣ цѣлью пропагандировать участіе въ прибыли

*) Г. Д. Ллойд—Коопартнершипъ. 1909 г. 112—114 стр.

въ капиталистическихъ предпріятіяхъ и устраивать выставки издѣлей производительныхъ товариществъ *). Въ 1910 г. ассоціація начала агитацію, за введеніе коопартнершипа законодательнымъ путемъ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ Хукомъ былъ внесенъ въ парламентъ соотвѣтственный проектъ. Непосредственныхъ результатовъ это обращеніе не имѣло, но по предложенію нѣкоторыхъ членовъ парламента правительство произвело анкету о коопартнершипѣ въ промышленности.

Насколько можно судить по ея воззваніямъ къ рабочимъ организаціямъ, ассоціація трудового коопартнершипа до сихъ поръ еще продолжаетъ призывать ихъ вкладывать свои средства въ производительныя товарищества или капиталистическія предпріятія, примѣняющія участіе въ прибыляхъ.

„Не думайте, что ваша работа кончилась, когда рабочіе покупаютъ все въ потребительныхъ обществахъ—говорится въ воззваніи къ кооператорамъ; ваша работа только что началась. Вы должны въ вашихъ собственныхъ интересахъ организовать производство такъ же хорошо, какъ потребленіе и обмѣнъ. Вы должны заинтересовать рабочаго въ данной отрасли промышленности, давъ полагающееся ему мѣсто въ завѣдываніи имъ“.

Точно также въ обращеніи къ трэдъ-юніонамъ говорится: „Вы не должны довольствоваться одной организаціей труда противъ капитала, организаціей наемныхъ рабочихъ противъ предпринимателей; вы должны создавать товарищескія предпріятія на деньги, которыя вы скопили. Братская промышленность лучше войны, какъ бы ни необходима была послѣдняя въ прошломъ“.

Помня однако печальный опытъ прошлаго, означенныя организаціи относятся болѣе чѣмъ сдержанно къ этимъ призывамъ. И дѣйствительно, какъ показываетъ недавнее изслѣдованіе Фабіанскаго Общества, подобнаго рода предпріятія очень мало жизнеспособны и крайне неустойчивы: съ середины XIX вѣка ихъ было зарегистрировано нѣсколько тысячъ, но уцѣлѣла только ничтожная часть, остальные же погибли. Въ 1914 г. въ Англіи насчитывалось всего 135 производительныхъ кооперативовъ ремесленниковъ и рабочихъ, при чемъ *только въ одномъ* (Нельсоновское мануфактурное об-во) проведенъ во всей чистотѣ принципъ Бюше, т. е. члены товарищества сами собрали необходимыя средства, производятъ всѣ работы и управляютъ мастерской... Это не значитъ однако, что мысль о завоеваніи области производства остается совершенно чуждой современной коопераци; она находитъ себѣ выраженіе, но только въ иной формѣ, именно—въ видѣ производительныхъ отдѣленій потребительныхъ обществъ и ихъ союзовъ. Такъ, напр. общая сумма производства послѣднихъ въ 1914 г. составляетъ 28, 159, 286 ф. ст. или въ семь разъ болѣе, чѣмъ было создано продуктовъ во всѣхъ 135 производительныхъ товариществахъ (4, 105, 658 ф. ст.). **).

*) Тотомьянцъ—Участіе въ прибыли и коопартнершипъ. 1915 г.

**) См. Вѣстникъ Кооперации № 9 за 1914 г. и № 1 за 1916 г.

При последнемъ пересмотрѣ устава Англійскаго Общества оптовыхъ закупокъ въ 1898 г. Нилъ и Гринингъ выступили съ предложеніемъ, чтобы каждое производительное отдѣленіе его (напр. мельница, сапожная фабрика и т. д.) регистрировалось, какъ самостоятельное общество, а занятые въ немъ рабочіе получили право самоуправленія и участія въ прибыляхъ, но и этотъ замаскированный отзывъ старой доктрины не встрѣтилъ сочувствія.

Въ 1915 г. „бонусъ труду“ былъ отмѣненъ также въ Шотландскомъ обществѣ оптовыхъ закупокъ, которое до сихъ поръ было однимъ изъ главныхъ центровъ движенія въ пользу привлеченія рабочихъ къ участию въ прибыляхъ.

Г Л А В А IV.

Идеологи потребительской кооперации.

Ученіе Кинга, съ которымъ мы познакомились во второй главѣ, знаменовало собою переходъ отъ утопическихъ построеній Оуэна, мечтавшаго въ нѣсколько лѣтъ перестроить общественно-экономическую жизнь Европы на новыхъ началахъ, къ болѣе реальнымъ формамъ рабочаго движенія. Считаясь съ неподготовленностью рабочихъ массъ, Кингъ вмѣсто дорого стоящихъ и трудно осуществимыхъ коммунъ выдвигаетъ на первый планъ организацію товариществъ, которыя бы на собранные ими взносы открывали общественные магазины для снабженія членовъ предметами первой необходимости; получаемая же отсюда прибыль должна идти въ недѣлимый общественный фондъ, съ помощью котораго можно было бы впоследствии приступить къ открытію цѣлаго ряда предприятий для безработныхъ членовъ и покупать землю съ цѣлью основанія на ней самостоятельной общины, удовлетворяющей всѣ свои потребности.

Эти попытки не остались безплодными и вскорѣ въ разныхъ городахъ Англіи возникъ цѣлый рядъ такихъ Union Shops, т. е. союзныхъ лавокъ. Однимъ изъ первыхъ является общество въ Брайтонѣ, основанное въ 1827 г. при близкомъ участіи Кинга. Начавъ свою дѣятельность съ очень скромнымъ средствами въ пять фунтовъ стерлинговъ, оно въ первомъ же году довело свои торговые обороты до 400 ф. ст. въ день.

Членскіе взносы поступали исправно, получалась прибыль и капиталъ общества постепенно возрасталъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ оборотовъ и числа членовъ.

Однако нѣкоторое время спустя общество распалось вслѣдствіе разногласій изъ-за общественнаго фонда. Часть членовъ, состоящая изъ рыбаковъ, вышла изъ кооператива, когда у нихъ накопился капиталъ, достаточный для того, чтобы построить судно и начать самостоятельную ловлю и продажу рыбы...

Въ 1828 г. возникло общество въ Бирмингемѣ, цѣли коего уставомъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1) взаимная поддержка членовъ на случай бѣдности; 2) достиженіе большаго участія въ благахъ жизни и 3) завоеваніе независимости путемъ образованія общественнаго (common) капитала.

Средствами для достиженія этой цѣли служатъ: 1) еженедѣльные взносы для составленія общественнаго капитала; 2) употребленіе его не въ видѣ вклада (какъ это обычно дѣлается), а для торговли; 3) когда капиталъ достаточно возрастаетъ, общество должно стремиться къ устройству мануфактуръ и наконецъ, въ случаѣ дальнѣйшаго его увеличенія—купить или снять въ аренду участки земли для устройства коммуны.

Способъ торговли: 1) торговыя операціи должны производиться на средства, собранныя путемъ взносов и займа, при чемъ продукты закупаются по оптовымъ цѣнамъ и продаются по розничнымъ, съ начисленіемъ обычной прибыли, каковая должна присоединяться къ капиталу общества; 2) при покупкѣ и продажѣ товаровъ кредитъ не допускается; 3) ни прибыль, полученная отъ торговли, ни какая-либо часть капитала не должна дѣлиться между членами, ибо цѣлью общества является установленіе общественной собственности на землю и товары 4) всѣ члены должны покупать нужные имъ предметы въ своемъ магазинѣ, если только они тамъ имѣются *).

На этихъ же основаніяхъ возникъ цѣлый рядъ обществъ и въ другихъ городахъ Англіи. Большая часть ихъ погибла, но нѣкоторые сохранились и до настоящаго времени, таковы—Lockhurst Lane, Corentry (1832 г.), Ripponden (1832 г.), Stockport Great Moor (1832 г.), Kirkheaton (1834 г.), Honley (1839 г.), South Crosland and Netherton (1840 г.), Middleton in Teesdale (1842 г.) и кое-гдѣ въ Шотландіи.

Въ общемъ однако идея обращенія всей прибыли въ общественный фондъ не встрѣтила того сочувствія, на которое рассчитывали ея приверженцы. Принимая на себя обязательства по отношенію къ кооперативу (денежные взносы, заборъ товаровъ въ опредѣленномъ, не всегда въ удобномъ мѣстѣ), члены его естественно желали получить извѣстную реальную пользу отъ своего участія въ этомъ дѣлѣ. Правда, общественный фондъ предназначался на устройство разнаго рода предпріятій, гдѣ они могли найти примѣненіе своимъ силамъ, но во-первыхъ эти начинанія могли получить осуществленія только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, и во вторыхъ—выгодами ихъ могли бы воспользоваться только нѣкоторые изъ членовъ, а не всѣ. И это ослабляло интересъ къ участию въ коопераціи среди малосознательныхъ еще рабочихъ массъ.

Затѣмъ въ нѣкоторыхъ обществахъ стало практиковаться распределеніе прибыли поровну между всѣми членами. На пер-

*) The 38-th annual Cooperative Congress, 1906.

вый взгляд этотъ способъ имѣть большое преимущество, какъ наиболѣе отвѣчающій идеѣ равенства, но въ дѣйствительности онъ оказался маложизненнымъ, такъ какъ болѣе преданные члены общества не имѣли никакого преимущества передъ тѣми, кто не содѣйствовалъ развитію его оборотовъ.

Новый періодъ въ исторіи потребительской коопераціи начинается съ появленія на сцену знаменитаго общества справедливыхъ піонеровъ, основаннаго въ небольшомъ промышленномъ городѣ Рочделѣ зимою 1844 г.

Цѣли общества въ уставѣ изображаются слѣдующимъ образомъ: открытіе магазиновъ для продажи съѣстныхъ припасовъ, одежды и пр. Постройка или покупка цѣлаго ряда домовъ для предоставленія жилищъ тѣмъ членамъ, которые изъявляютъ готовность взаимно поддерживать другъ друга. Организациа производства тѣхъ или иныхъ продуктовъ, которое общество сочтетъ полезнымъ—для того, чтобы дать работу членамъ, страдающимъ отъ безработицы или слишкомъ низкой оплаты труда. Какъ скоро это окажется возможнымъ, общество приступитъ къ организации производства, распредѣленій, воспитанія и самоуправленія, т. е. другими словами—къ созданію независимой общины, въ основѣ которой будетъ положена общность интересовъ ея членовъ. Кроме того оно будетъ также содѣйствовать другимъ кооперативамъ къ учрежденію подобныхъ общинъ и т. д.

Однако главной заслугой Рочдальскаго общества справедливыхъ піонеровъ нужно считать не столько формулировку цѣлей и задачъ, сколько выработку принциповъ практическаго веденія дѣлъ въ потребительской коопераціи, получившихъ затѣмъ всеобщее признаніе какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ. Но что же именно новаго принесли съ собой справедливые піонеры?

„Рочдальскіе принципы именно потому и оказались до такой степени плодотворными.—говоритъ М. И. Туганъ-Барановскій—что они никѣмъ не были придуманы. Они явились какъ бы сами собой, осязательнымъ выраженіемъ тѣхъ социальныхъ потребностей, которымъ служила вновь возникшая организациа. Никакой глубокой мудрости не требовалось для того, чтобы понять практичность и цѣлесообразность этихъ принциповъ... Можно сказать что всякій разумный фабричный рабочій, сходнаго душевнаго склада и сходныхъ социальныхъ вѣрованій, легко могъ прійти къ этимъ выводамъ“ *).

Указаніе автора на соотвѣтствіе рочдальскихъ принциповъ условіямъ жизни рабочаго класса въ общемъ нужно считать конечно вполне правильнымъ. Но отсюда, мнѣ кажется, вовсе не слѣдуетъ еще, что они явились сами собой въ готовомъ видѣ. Понять практичность и цѣлесообразность принциповъ коопераціи можетъ конечно всякій, но открыть или формулировать ихъ—это уже гораздо болѣе трудная вещь, доступная лишь немногимъ.

*) Соціальныя основы коопераціи. 1916 г. 148 стр.

Многихъ смущаетъ обыкновенно то обстоятельство, что рочдэльскіе піонеры были простые, ничѣмъ не выдѣлявшіеся ткачи. Но нужно принять во вниманіе, что основнымъ ядромъ ихъ были социалисты и чартисты, знакомые съ ученіемъ Оуэна и Кинга или принимавшіе участіе въ организаціяхъ ихъ послѣдователей. Въдѣ многие изъ такъ назыв. рочдэльскихъ принциповъ были извѣстны уже и до нихъ. Такъ, правило объ отпускѣ товаровъ по средней рыночной цѣнѣ, а не по себѣ стоимости,—какъ практиковалось въ нѣкоторыхъ кооперативныхъ хлѣбопекарняхъ и мельницахъ,—имѣлось уже въ уставѣ Бирмингемскаго общества, основаннаго въ 1828 г.; тоже самое относится и къ требованію продажи товаровъ на наличныя, а не въ кредитъ. Необходимость включенія въ кругъ коопераціи культурно-просвѣтительныхъ задачъ пропагандировалась еще Кингомъ и служила предметомъ обсужденія на конгрессѣ 1831 г.

Такимъ образомъ, единственнымъ въ сущности нововведеніемъ въ собственномъ смыслѣ слова является способъ распредѣленія прибыли: въ то время какъ раньше она шла въ общественный фондъ или дѣлилась поровну, рочдэльцы стали практиковать распредѣленіе прибыли пропорціонально забору. Какъ видно отсюда, этотъ принципъ не возникъ самъ собой, а явился результатомъ извѣстной эволюціи, и исторія сохранила намъ свидѣтельство о томъ, что отцомъ его былъ Чарльзъ Говардъ, долго думавшій надъ этимъ вопросомъ. „Я нашель, нашель!—воскликнулъ онъ однажды, и когда домашніе спросили, что же именно онъ нашель, Говардъ прибавилъ: „Путь къ спасенію рабочаго класса“...

Распредѣленіе прибыли по забору оказалось чрезвычайно удачною мѣрой, которая сильно облегчила популяризацию идеи коопераціи и привлекла къ ней широкія рабочія массы. Поставивъ въ основу объединенія не самопожертвованіе во имя болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, а достиженіе вполне опредѣленныхъ результатовъ въ настоящемъ сообразно со степенью личнаго участія въ общемъ дѣлѣ, кооперація могла уже рассчитывать не только на отдѣльныя болѣе развитыя личности, а на рядовыхъ пролетаріевъ, едва лишь начинающихъ приобщаться къ общественной жизни.

И дѣйствительно уставъ Рочдэльскаго общества послужилъ исходнымъ моментомъ возникновенія мощнаго движенія, охватившаго собою какъ Англію, такъ и другія страны Европы. Нельзя однако отрицать, что принципъ распредѣленія прибыли пропорціонально забору товаровъ представляетъ собою извѣстный компромиссъ, который, облегчая привлеченіе новыхъ членовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ затруднялъ достиженіе конечной цѣли движенія. Нижеслѣдующія цифры могутъ служить краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ этого. За періодъ съ 1861 по 1905 г. оборотъ англійскихъ потребительныхъ обществъ составлялъ 1,564,743,610 ф. ст. при чемъ чистая прибыль выразилась въ суммѣ 153, 118, 706 ф. ст. Такъ какъ капиталъ, находящійся въ распоряженіи потребительныхъ обществъ (паи и займы) составлялъ въ 1905 г. 30,247,194

ф. ст., то отсюда слѣдуетъ, что $\frac{4}{5}$ всей полученной прибыли распыляется по рукамъ отдѣльныхъ членовъ и только $\frac{1}{5}$ идетъ на общія цѣли коопераціи и на расширеніе ея дѣятельности. По этому по мѣрѣ того, какъ росло и укрѣплялось кооперативное движеніе и повышался уровень сознательности его участниковъ, въ руководящихъ кругахъ все чаще и чаще сталъ подниматься вопросъ о возвращеніи къ старой идеѣ общественнаго фонда или о внесеніи извѣстнаго корректива въ господствующую нынѣ линію поведенія. Съ наибольшей опредѣленностью и яркостью эта мысль была развита секретаремъ Кооперативнаго Союза Дж. Греемъ на Бирмингемскомъ конгрессѣ 1906 г. въ привѣтственной рѣчи его, произнесенной по случаю избранія президентомъ Конгресса. Давъ исторической очеркъ развитія англійской коопераціи и обрисовавъ ея успѣхи со времени усвоенія роцдельскихъ принциповъ, онъ переходитъ затѣмъ къ выясненію слабыхъ сторонъ движенія.

Главнымъ тормазомъ послѣдняго являются: 1) недостатокъ крѣпкой связи между обществомъ и его членами и 2) недобросовѣстная конкуренція между отдѣльными обществами.

Въ настоящее время существованіе кооператива всецѣло зависитъ отъ личной добросовѣстности отдѣльныхъ лицъ, связанныхъ только личной выгодой съ кооперативнымъ обществомъ, къ которому они принадлежатъ. Лицо, желающее стать членомъ кооперативнаго общества, вовсе не должно быть убѣжденнымъ сторонникомъ идеаловъ коопераціи; каждый вообще можетъ войти въ общество, ничѣмъ не рискуя въ сущности и не беря на себя никакой финансовой отвѣтственности и, воспользовавшись выгодами въ теченіе нѣкотораго времени и взявъ отъ общества все что можно было взять, можетъ сбросить съ себя всякую отвѣтственность и уйти изъ него совсѣмъ. Девизомъ нашимъ является „Каждый для всѣхъ и всѣ для каждого“, но мы рѣдко видимъ примѣненіе этого девиза на практикѣ. „Каждый“ присоединяется ко „всѣмъ“ до тѣхъ поръ, пока для него это выгодно и безопасно, но лишь только является опасность и грозитъ кризисъ, то сейчасъ же оказывается, что каждый только для себя. Лишь только является нѣкоторое недовѣріе, то члены брасаются за своими деньгами, стремясь быть первыми и нисколько не заботясь о тѣхъ остающихся, которымъ придется вынести первый натискъ. Даже сильные общества, положеніе которыхъ укрѣпилось благодаря хорошему управленію и строгой экономіи, чувствовали результаты подобной недобросовѣстности членовъ, являвшихся таковыми только въ силу личной выгоды, а вовсе не изъ желанія работать на благо всего общества. Если такъ было съ сильными обществами, то какъ-же могутъ избѣжать бѣдствія болѣе мелкія и слабыя общества?

Единственной связью между обществомъ и членомъ его въ настоящее время является только личная выгода и эта связь настолько непрочна, что въ любой моментъ можетъ быть разорвана членомъ, если онъ того пожелаетъ и это будетъ ему выгодно.

Затѣмъ, всѣмъ хорошо извѣстно, что въ большинствѣ обществъ наибольшая часть капитала принадлежитъ немногимъ лицамъ, а тысячи членовъ несутъ финансовую отвѣтственность въ крайне ограниченномъ размѣрѣ всего нѣсколько шиллинговъ и пользуются кооперативомъ только какъ средствомъ получать товары по возможно дешевой цѣнѣ. Подобнымъ лицамъ никогда и въ голову не приходитъ пользоваться обществомъ, какъ средствомъ для накопленія капиталовъ для себя и для другихъ; для нихъ кооперативъ представляется только способомъ закупокъ сообща по дешевымъ цѣнамъ. Не такого рода членовъ стремимся мы привлечь къ сооруженію зданія Кооперации; они помогаютъ намъ развивать коммерческое предпріятіе, но они не только не способны создать дѣйствительное кооперативное движеніе, но даже являются помѣхой въ этомъ отношеніи.

Разумѣется, я говорю здѣсь не о настоящихъ кооперативныхъ работникахъ—которыхъ много въ каждомъ обществѣ и которые являются солью движенія, его поддержкой и не допустить его упадка. Къ несчастью мои слова врядъ-ли дойдутъ до тѣхъ, кому они предназначаются. Они не читаютъ кооперативной литературы, они не интересуются ни нашими Конгрессами, ни другими великими учрежденіями, созданными движеніемъ. Но вы, здѣсь присутствующіе, прекрасно знаете, о какого рода членахъ я говорю, такъ какъ вамъ приходится бороться съ ними въ вашихъ обществахъ, гдѣ они заграждаютъ пути всякому стремленію къ прогрессу, осложняя и затрудняя вашу работу по веденію дѣлъ общества.

Но хрупкость связи, соединяющей общество съ отдѣльными членами, является не единственной нашей слабостью въ настоящее время.

Другимъ важнымъ источникомъ слабости является антагонизмъ, существующій между различными обществами, о чемъ неоднократно поднимался вопросъ на конгрессахъ. Борьба эта является слѣдствіемъ коммерческаго соперничества между обществами—желанія блистать, хотя бы и въ ущербъ другимъ, числомъ членовъ, размѣрами торговыхъ оборотовъ и прибылей, и, въ особенности, затмить другъ друга размѣромъ уплачиваемаго дивиденда. Здѣсь опять таки, комитеты часто бываютъ вынуждены,—противъ своего убѣжденія и въ разрѣзъ съ кооперативными принципами,—расширять свои операціи, потому что члены, которымъ дѣла нѣтъ до этихъ принциповъ, настаиваютъ на этомъ.

Настало поэтому время подумать о желательности сочетанія нѣкоторыхъ старыхъ идеаловъ съ болѣе новыми методами и выработать систему для установленія болѣе тѣсной связи между разбросанными силами, составляющими то, что называется кооперативнымъ движеніемъ. Это необходимо для упроченія кооперативнаго дѣла, для достиженія единства намѣреній и цѣли, для предупрежденія захватной конкуренціи и соревнованія, вытекающихъ изъ развитія чисто коммерческаго духа, для централизаціи закупокъ, для накопленія капиталовъ, которые можно болѣе широко использовать для кооперативнаго производства, для крайняго

уменьшенія риска со стороны единичныхъ членовъ и для распространенія кооперативной дѣятельности на районы, гдѣ въ настоящее время общества бѣдны и находятся во власти своихъ противниковъ.

Осуществимъ на дѣлѣ кооперативное государство, о которомъ говорилъ Розберри на конгрессѣ въ Глазго (1890 г.) Это можно сдѣлать и мы это сдѣлаемъ, если соединимся для этой дѣли.

Но здѣсь нужна уже не федерація существующихъ кооперативныхъ обществъ, но объединеніе всѣхъ отдѣльныхъ членовъ кооперативовъ въ одно Національное Кооперативное Общество или какъ бы Государство.

Предположимъ, что всѣ существующія кооперативныя общества согласятся объединиться и всѣ члены ихъ войдутъ въ одно большое „Національное Кооперативное Общество“, которому будутъ вмѣстѣ съ членами переданы и всѣ имущества обществъ по законной и справедливо оцѣнкѣ. Каждый изъ 2.259.479 членовъ теперешнихъ кооперативныхъ обществъ сдѣлается тогда членомъ Національнаго общества вмѣсто мѣстнаго, а мѣстные кооперативы уже не будутъ существовать самостоятельно, а только въ видѣ отдѣленій національнаго общества.

Первымъ шагомъ на пути къ этому должно быть обсужденіе этого предложенія на собраніяхъ членовъ кооперативныхъ обществъ по всей странѣ. Если отвѣтъ получится благопріятный, то придется произвести безпристрастную оцѣнку имущества каждаго общества, оказывая полное довѣріе тѣмъ, которые сами сдѣлали добросовѣстную оцѣнку, допуская большую скидку и положеніе которыхъ можетъ быть даже лучше, чѣмъ выведенное по балансу, и, напротивъ, сбавляя съ оцѣнки тѣхъ обществъ, которые слишкомъ высоко оцѣнили стоимость построекъ, запасовъ и другого имущества. Каждый отдѣльный членъ получаетъ кредитъ на полную стоимость своихъ паевъ смотря по оцѣнкѣ—если стоимость ихъ выше номинальной цѣны, то и кредитъ его увеличивается, если ниже, то и кредитъ соответственно уменьшается.

Существенно важно, разумеется, чтобы англійское и шотландское общества оптовыхъ закупокъ первыя перешли на сторону новой идеи, такъ какъ они составляли-бы естественное ядро новаго Національнаго Кооперативнаго Общества. Они являются довѣренными хранителями одной шестой всего капитала распределительныхъ обществъ. У нихъ подъ рукою все, что требуется для проведенія въ жизнь проекта объединенія; обладая магазинами, фабриками и товарными складами въ различныхъ мѣстахъ страны, они вполне оборудованы для этого дѣла. По этому если они согласятся и будутъ поддержаны входящими въ ихъ составъ обществами, ничто не можетъ помѣшать осуществленію идеи. Это значило-бы только, что тотъ-же механизмъ и капиталъ стали дѣйствовать подъ другимъ названіемъ при новой организациі системы управленія и что къ настоящимъ функціямъ контроля связаннаго съ оптовыми торговыми операціями и производствомъ.

прибавился-бы еще контроль и наблюденіе надъ распредѣлительными магазинами по всей странѣ.

Для облегченія пользованія цифрами оградимъ Англіей и Уэльсомъ, указавъ только, что тотъ-же планъ могъ-бы съ успѣхомъ быть примѣненъ и въ Шотландіи, если бы наши Шотландскіе друзья сочли нужнымъ его принять.

Предположимъ, что достаточное число обществъ высказалась въ благопріятномъ смыслѣ за объединеніе въ одно центральное общество; тогда англійскій союзъ для оптовыхъ закупокъ долженъ будетъ принять новое наименованіе—Національное Кооперативное Общество съ ограниченной отвѣтственностью, измѣнить свой уставъ и установить новыя правила—1) для принятія единичныхъ членовъ вмѣсто цѣльныхъ обществъ, какъ было раньше, 2) для распространенія распредѣлительныхъ операцій по всѣмъ частямъ страны, и 3) для управленія дѣлами общества Генеральнымъ совѣтомъ примѣрно изъ 150 членовъ, избираемыхъ на началахъ представительнаго права. Тогда оно было-бы готово принять всѣхъ членовъ и всѣ имущества обществъ, согласившихся на новый планъ, и приняло-бы на себя обязательства этихъ обществъ согласно предварительно произведенной оцѣнкѣ. Само собой разумѣется, что рѣшиться на осуществленіе этого проекта возможно только при условіи, что значительное число обществъ, входящихъ въ Союзъ, выразятъ на это свое согласіе.

Тогда явится необходимость установить организацію и управленіе Національнаго Кооперативнаго Общества. Будучи національнымъ обществомъ, оно должно и управляться на національныхъ началахъ; лучше всего было-бы раздѣлить страну на кооперативныя избирательныя округа, какъ это дѣлается для парламентскихъ цѣлей, и предоставить каждому изъ нихъ справедливое представительство; или-же можно было-бы воспользоваться границами нашихъ теперешнихъ мѣстныхъ обществъ и ими руководствоваться при распредѣленіи. Этотъ Генеральный Совѣтъ изъ 150 членовъ былъ-бы, такъ сказать, Кооперативнымъ Парламентомъ, при чемъ число представителей должно опредѣляться до нѣкоторой степени численностью заинтересованныхъ участниковъ кооператива.

Генеральный Совѣтъ былъ-бы Парламентомъ нашего Кооперативнаго Государства, но собираться онъ долженъ не болѣе трехъ разъ въ годъ для выслушанія докладовъ и рѣшенія общихъ вопросовъ.

Эти 150 членовъ Совѣта выдѣлили бы изъ своего состава столько комитетовъ, сколько потребовалось бы для веденія дѣлъ общества, принявшаго на себя всѣ великія и разнообразныя задачи движенія. Въ первую очередь можно намѣтить слѣдующіе отдѣльные комитеты: 1) Закупокъ и Продажи; 2) Производства; 3) Имущества и Строительства; 4) Банковскій и Финансовый; 5) Юридическій и Парламентскій, 6) По приему инвентаря и оцѣночный; 7) Страховой и Пенсіонный; 8) Жилищный; 9) Конгрессовъ, Совѣщанію и общей пропаганды; 10) Прессы и литературы; 11) Воспитательный; 12) Иностранныхъ сношеній.

Нѣкоторые изъ этихъ комитетовъ могли-бы лучше всего справляться съ своимъ дѣломъ при небольшомъ числѣ членовъ ихъ, другіе-же, какъ напр. комитеты закупокъ и продажи и производства, должны имѣть большее число членовъ, чтобы справиться со своимъ дѣломъ. Каждый членъ Генеральнаго Совѣта долженъ быть назначенъ въ который нибудь изъ комитетовъ, но ни одинъ изъ членовъ Совѣта не можетъ состоять въ нѣсколькихъ. Каждый членъ Совѣта будетъ получать опредѣленное справедливое вознагражденіе и долженъ посвящать все свое время служенію обществу.

Обязанности и функціи различныхъ комитетовъ опредѣляются Генеральнымъ Совѣтомъ, на одобреніе котораго комитеты эти представляютъ въ началѣ каждого года смѣты предполагаемыхъ расходовъ. Въ указанныхъ предѣлахъ каждый свободенъ вести дѣло по своему, но не имѣетъ права измѣнять направленіе дѣятельности, не представивъ этого вопроса на усмотрѣніе Совѣта.

Общества, присоединившіяся къ новому движенію, становятся отдѣленіями великаго Національнаго Кооперативнаго Общества. Ихъ направленіе и дѣятельность предрѣшается центральнымъ органомъ, отъ котораго они получаютъ и товары: такимъ образомъ громадныя закупки сосредоточиваются въ однихъ рукахъ и это открываетъ широкія перспективы для развитія кооперативнаго производства. Всѣ эти отдѣленія управляются мѣстными комитетами, какъ и теперь, но эти мѣстные комитеты подчиняются комитету центральнаго органа, вѣдающаго отдѣломъ закупокъ и продажи. Быть можетъ, въ интересахъ лучшаго управленія будетъ признано нужнымъ сгруппировать отдѣленія по округамъ и назначить общихъ завѣдующихъ по группамъ, но помимо этого не будетъ надобности особенно измѣнять существующую систему назначенія мѣстныхъ комитетовъ различныхъ отдѣленій; комитеты эти будутъ ответственны передъ центральнымъ органомъ за правильное веденіе дѣла и должны будутъ представлять ему ежедневно отчетъ.

Каждый отдѣльный членъ Національнаго Кооперативнаго Общества долженъ владѣть по крайней мѣрѣ однимъ опредѣленнымъ паемъ общества, котораго ни взять обратно, ни реализировать онъ не имѣетъ права ни въ какомъ случаѣ. Конечно, онъ можетъ передать его или продать, но взять обратно—никогда; такимъ образомъ общество всегда будетъ имѣть опредѣленную сумму паевого капитала, равную числу его членовъ; къ этой суммѣ будетъ прибавляться еще накопленный капиталъ, о которомъ рѣчь впереди.

Отдѣльные члены Національнаго Общества распределяются по соответствующимъ отдѣленіямъ, въ списки которыхъ вносятся ихъ имена; тамъ-же получаютъ ихъ взносы и уплачиваются слѣдующія имъ суммы, подсчитываются ихъ прибыли и регистрируются ихъ голоса. Каждый изъ членовъ долженъ быть внесенъ только въ одинъ списокъ, но онъ можетъ производить торговыя операціи въ любомъ отдѣленіи, и записывать ихъ на свой счетъ

въ своемъ отдѣленіи. Члены, внесенные въ списокъ одного или нѣсколькихъ отдѣленій, устраиваютъ періодически общія собранія для избранія мѣстныхъ комитетовъ и обсужденія дѣлъ, касающихся интересовъ ихъ отдѣленія, о которыхъ они дѣлаютъ затѣмъ представленіе центральному Комитету, который одинъ имѣетъ право контроля надъ дѣятельностью, утвержденія цѣнъ и назначенія всѣхъ секретарей, должностныхъ лицъ, завѣдующихъ и служащихъ, нужныхъ для веденія дѣла. Въ каждомъ отдѣленіи счетныя книги ведутся мѣстнымъ секретаремъ или другими лицами, назначенными центральнымъ комитетомъ. Счетныя книги ведутся особо по отдѣленіямъ для того, чтобы можно было убѣдиться въ томъ, правильно или нѣтъ ведется въ коммерческомъ отношеніи дѣло въ каждомъ отдѣленіи. Помимо этого, счета всѣхъ отдѣленій входятъ въ общій отчетъ Національнаго Кооперативнаго Общества, и результатами отчета центрального органа опредѣляется сумма прибылей и размѣръ дивиденда, распределяемаго между всѣми членами общества.

Въ отношеніи прибылей Грей предлагаетъ поступать такъ-же какъ теперь,—распредѣлять ихъ между членами въ зависимости отъ покупокъ, дѣлаемыхъ ими въ обществѣ, но съ той поправкой что на руки членамъ выдается не болѣе **половины** причитающейся суммы. Эту половину членъ можетъ взять деньгами или, если пожелаетъ, оставить ее въ обществѣ въ качествѣ займа. Что касается второй половины, то она должна записываться въ счетъ дополнительныхъ паевъ, съ правомъ передачи, на которые члены получали-бы 5% въ годъ съ уплатой ихъ при заключеніи отчета. Такіе пай оставались-бы закрѣпленными въ обществѣ и никогда, ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ не погашались и не реализовались-бы въ какой-бы то ни было формѣ. Они могли-бы передаваться любому покупателю, признанному мѣстнымъ комитетомъ подходящимъ членомъ, а также законнымъ наследникамъ умершаго члена.

Такимъ образомъ половина годовой прибыли, полученной отъ дѣловыхъ операцій Національнымъ Кооперативнымъ Обществомъ, будетъ регулярно присчитываться къ накопленному фонду общества, предназначающемуся для дальнѣйшаго распространенія и развитія кооперативныхъ идей и цѣлей. Если предположить, что прибыль общества будетъ такъ-же велика, какъ прибыль кооперативовъ теперь, то это составитъ въ годъ по крайней мѣрѣ 5.000.000 фунтовъ стерл. прироста капитала, которые постоянно шли-бы на расширеніе кооперативныхъ дѣлъ и на развитіе кооперативныхъ идей.

Каковы же будутъ выгоды новой системы, являющейся въ сущности возвращеніемъ къ старымъ идеаламъ, приспособленнымъ до нѣкоторой степеніи къ новымъ методамъ? Эти выгоды заключаются въ слѣдующемъ: 1) Усвоеніе всѣми участниками опредѣленныхъ воззрѣній на значеніе и цѣли кооперативнаго движенія.

2) Признаніе принципа принесенія въ жертву небольшой части личной свободы для общаго блага.

3) Установленіе одного общаго направленія, одной общей системы, объединяющей всѣ формы кооперативной дѣятельности; иначе сказать—дѣйствіе сообща, а не врозь, создавая ненужную и часто вредно отражающуюся на движеніи конкуренцію, мѣшающую истинному прогрессу:

4) Разрѣшеніе вопроса о захватной конкуренціи, съ которой такъ трудно бороться отдѣльнымъ обществамъ и которая перестанетъ тогда существовать.

5) Установленіе разъ навсегда единообразія при назначеніи дивиденда, за что такъ часто ратовали и чего до сихъ поръ не могли достигнуть.

6) Тактика капиталистовъ-работодателей, объединяющихъ въ трестахъ и синдикатахъ свои капиталы и заводы, стремясь къ монополизациі промышленности, потерпѣла бы крушеніе,

7) Такъ какъ всѣ участники кооператива будутъ членами одного общества, то при перемѣнахъ мѣста жительства членамъ не нужно будетъ выходить изъ кооператива и вступать снова, такъ какъ въ такихъ случаяхъ члены будутъ только перечисляться изъ одного отдѣленія въ другое.

8) Всѣ товары, нужные для всѣхъ отдѣленій, будутъ получаться однимъ путемъ, что значительно увеличитъ закупочныя и производительныя силы.

9) Такъ какъ будетъ только одно общество вмѣсто нынѣшнихъ 1600, то будетъ, и одинъ только сводъ правилъ, составленный при участіи наилучшихъ силъ и удобопонятный для всѣхъ.

10) Система отчетности будетъ одна, общая для всего кооперативнаго дѣла; система составленія инвентаря и оцѣнки будетъ также единообразная и основательная. Годовой отчетъ для Регистратора будетъ представляться одинъ вмѣсто теперешнихъ 1600.

11) Обеспеченіе отдѣльныхъ членовъ будетъ вѣрнѣе, потому что, если даже одно отдѣленіе будетъ работать въ бѣдномъ округѣ и не будетъ имѣть прибыли, то каждый отдѣльный членъ ничего не потеряетъ, такъ какъ онъ является членомъ центральнаго общества и его капиталъ защищенъ милліонами его сочленовъ.

12) Положеніе кооперативовъ въ случаѣ столкновенія ихъ съ недобросовѣтными противниками значительно улучшится. Въ любой мѣстности, гдѣ на кооперативное отдѣленіе будутъ сдѣланы нападки со стороны мѣстныхъ торговцевъ и будутъ ими употреблены нечестные приемы для того, чтобы уничтожить кооперативъ, центральное общество возьметъ на себя защиту послѣдняго и пожертвуетъ въ случаѣ надобности даже тысячами для поддержки правъ кооператива. Такимъ образомъ сильные и богатые части кооперативнаго движенія придутъ на помощь слабымъ.

13) Наконецъ, объединеніе нашихъ силъ и непрерывное накопленіе по крайней мѣрѣ одной половины прибылей даетъ движенію то, чего ему такъ давно не хватаетъ,—а именно силу и

возможность расширить свои операціи такъ, чтобы онѣ охватили все поле человѣческой дѣятельности и создали такимъ образомъ настоящее Кооперативное Государство, граждане котораго могли бы сами регулировать и опредѣлять условія, управляющія ихъ жизнью, и такимъ образомъ вполне воспользоваться плодами своихъ трудовъ.

Противъ всѣхъ указанныхъ выгодъ можно пожалуй возразить, что выполненіе предлагаемаго плана лишитъ мѣстные комитеты контроля надъ дѣлами ихъ обществъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ничего дурного отъ этого-бы не произошло,—на столько плохо нѣкоторые комитеты пользовались принадлежащимъ имъ правомъ контроля. Съ другой стороны тѣ, которые выказали свои способности въ этомъ дѣлѣ, имѣютъ всѣ шансы быть избранными въ Генеральный Совѣтъ, который будетъ какъ-бы парламентомъ Кооперативнаго Государства; къ тому-же за мѣстными комитетами остается инициатива, такъ какъ предполагается, что они лучше знакомы съ мѣстными нуждами, и центральный комитетъ будетъ ждать отъ нихъ совѣтовъ и практическихъ указаній.

Если вы скажете, что предлагаемый мною планъ не исполнимъ, то я могу сослаться на примѣръ общества гор. Лидса, охватывающаго районъ значительно выходящій изъ предѣловъ законно принадлежащихъ ему при нынѣшнихъ условіяхъ границъ. Это великолѣпное общество, обнимающее села и даже довольно большіе города, отстоящіе на нѣсколько миль отъ Лидса, въ которыхъ оно учредило процвѣтающія отдѣленія, управляется центральнымъ комитетомъ, но каждое отдѣленіе имѣетъ свой мѣстный комитетъ, отношенія котораго къ центральному такіе-же, какія должны быть по изложенному выше болѣе широкому плану объединенія. Мѣстные комитеты Лидскаго Общества не лишаются права инициативы, хотя они и не дѣлаютъ закупокъ и не управляютъ обществомъ, но изъ того, что слышно о періодическихъ совѣщаніяхъ Лидскаго центрального комитета съ мѣстными, можно заключить, что они относятся съ такимъ-же энтузіазмомъ и рвеніемъ къ работѣ, какъ если-бы имъ принадлежало управленіе всѣмъ дѣломъ. Если можно сдѣлать столько на опредѣленномъ пространствѣ, то почему-бы не постараться развить тотъ-же планъ на національныхъ началахъ?

Въ Шотландіи также наблюдается нѣкоторое стремленіе идти по тому-же пути. Недавно была высказана мысль, чтобы Шотландское Общество оптовыхъ закупокъ открывало отдѣленія для розничной продажи въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ кооперативовъ и чтобы подобныя-же отдѣленія открывались имъ также и въ мѣстахъ, гдѣ, хотя и имѣются кооперативныя общества, но они отказываются слѣдовать за общимъ движеніемъ. „Поэтому я полагаю,—говоритъ въ заключеніе авторъ,—что въ предложенномъ мною проектѣ нѣтъ ничего не осуществимаго, и что онъ вполне соответствуетъ тому духу, которымъ должно быть проникнуто кооперативное движеніе.

Высказанные мною мысли, быть может, покажутся некоторым странными и поразят их. Но я прошу вас только серьезно рассмотреть их и приступить к этому разсмотрѣнію съ искреннимъ желаніемъ уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ истинная сущность и цѣль кооперативной работы. Если вы найдете въ моемъ предложеніи что нибудь противорѣчащее истиннымъ идеаламъ кооперации, то бросьте и думать о немъ. Если-же вы найдете хоть сколько-нибудь правды въ моемъ критическомъ отношеніи къ пастоящимъ методамъ и къ вытекающей изъ нихъ опасности, то выслушайте меня и дѣйствуйте, какъ вы находите правильными.

Въ одномъ я убѣжденъ,—въ томъ, что если вы проникнитесь этимъ болѣе широкимъ и возвышеннымъ пониманіемъ кооперативныхъ идей и методовъ, то согласитесь, что мы находимся еще только на порогѣ нашего великаго дѣла и что передъ нами откроются такія перспективы полезной дѣятельности, передъ которыми результаты всѣхъ нашихъ прежнихъ усилій, какъ-бы они ни были велики, покажутся ничтожными.

И такъ, идемъ впередъ къ созданію истинно Кооперативнаго Государства, гдѣ будутъ править справедливость и равенство, гдѣ трудъ во всѣхъ его видахъ получитъ справедливую награду, гдѣ жилища станутъ здоровыми и семьи счастливыми, гдѣ всѣми благами жизни будутъ пользоваться тѣ, кто ихъ заслужилъ, и гдѣ бѣдные и угнетенные будутъ вознесены и найдутъ покой, и да будутъ горе и нужда изгнаны изъ нашей страны!(*).

Развитый Греемъ планъ не получилъ практическаго осуществленія, но тотъ фактъ, что онъ исходитъ отъ человѣка, принимавшаго тридцать лѣтъ близкое участіе въ движеніи и пользовавшагося большимъ авторитетомъ, служить порукой за то, что высказанные имъ соображенія брошены не на вѣтеръ и что въ англійской кооперации усиливается настроеніе неудовлетворенности современнымъ положеніемъ, побуждающее искать новыхъ выходовъ.

*) The 38-dh annual Cooperative Congress Birmingham, 1906. 36-63 P.

ОТДѢЛЪ II.

Ф Р А Н Ц І Я.

Г Л А В А V.

Шарль Фурье.

III. Фурье занимает такое же мѣсто во Франціи, какъ Р. Оуэнъ—въ Англіи: его можно считать родоначальникомъ современной французской коопераціи, заложившимъ основы новаго направленія въ общественной мысли.

Но его роль не ограничивается этимъ—имя его наравнѣ съ Оуэномъ принадлежитъ не только своей странѣ, но и всему міру, оказавъ огромное вліяніе на выработку идеологіи всего современнаго социальнаго движенія въ его цѣломъ. *)

Фурье родился въ 1772 г. въ г. Безансонѣ въ зажиточной купеческой семьѣ. До 12 лѣтъ онъ посѣщалъ школу, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ пополнять свое образованіе домашними занятіями по математикѣ, логикѣ и географіи.

Разстроеныя послѣ смерти отца торговые дѣла заставили Фурье почти тотчасъ же послѣ окончанія школы принятися за добываніе себѣ средствъ къ жизни. Сначала онъ служилъ приказчикомъ и по своей страсти къ разнообразію перемѣнилъ много хозяевъ, побывавъ въ Парижѣ, Ліонѣ, Марселѣ и др. городахъ Франціи. По порученію торговыхъ фирмъ ему приходилось также посѣщать заграничныя страны—Германію, Бельгію и Голландію, что дало ему возможность обогатить свой умъ новыми наблюденіями и расширить кругъ своихъ познаній.

Въ 1893 во время Ліонскаго возстанія Фурье лишился всего своего имущества—онъ былъ тогда уже владѣльцемъ магазина колоніальныхъ товаровъ, два раза подвергался аресту и едва не былъ разстрѣлянъ. Затѣмъ онъ былъ призванъ въ дѣйствующую революціонную армію, но вскорѣ вышелъ въ отставку по болѣзнен-

*) См. Charles Foureres—Oeuvres complètes. 1843. П. Бибииковъ.—Современные утописты. 1865 г. Л. Щегловъ.—Исторія социальныхъ ученій. 1870 г. Августъ Бебель.—Шарль Фурье. Его жизнь и ученіе. 1906.

ному состоянію здоровья и снова начать свои скитанія. Обладая неистощимой фантазіей и большимъ запасомъ творческихъ силъ, Фурье долго не могъ найти своей дороги и одно время усиленно занимался сочиненіемъ всевозможныхъ проектовъ по разнымъ специальностямъ. Затѣмъ онъ выступаетъ на литературное поприще, помѣщая статьи на злобы дня, а въ 1803 г. выпустилъ небольшой политическій трактатъ о „континентальномъ триумvirатѣ и вѣчномъ мирѣ черезъ тридцать лѣтъ“. Пять лѣтъ спустя появляется первое большое сочиненіе Фурье „Теорія четырехъ движеній и всеобщихъ судебъ“, которое заключаетъ въ себѣ всѣ основные элементы его социально-экономической системы. Однако изданіе этой книги навлекло на него однѣ лишь насмѣшки и только черезъ восемь лѣтъ онъ приобрѣлъ перваго ученика—Жюста Мюпрона, предоставившаго ему средства на изданіе въ 1822 г. двухтомнаго сочиненія о домашней земледѣльческой ассоціаціи (*Traité de l'Association domestique agricole*), содержащаго въ себѣ полное положеніе его ученія. Въ 1828 г. появляется его „Новый промышленный и общественный міръ“ (*Le nouveau Monde industriel et societaire*), въ которомъ подъ влияніемъ своихъ учениковъ Фурье дѣлаетъ попытку нѣсколько видоизмѣнить свою систему, отбросивъ изъ нея чрезмѣрно фантастическій элементъ (особенно въ области космогоніи), вредящій ей въ глазахъ широкой публики. Кромѣ того имъ были написаны памфлеты противъ Оуэна и Сень-Симона и значительное количество статей въ разныхъ журналахъ, основанныхъ его послѣдователями для пропаганды его идей. Умеръ въ 1835 г., оставивъ по себѣ дѣльную школу, которая сумѣла заинтересовать собою не только старый но и новый свѣтъ пока не уступила мѣста Евангелію марксизма. Система Фурье, если отбросить въ сторону тѣ фантастическія построенія, которыя создавала необузданная фантазія автора, представляется несравненно болѣе оригинальной и разработанной, нежели система Оуэна. Въ то время какъ аргументація послѣдняго отличается чрезвычайной элементарностью и однообразіемъ, Фурье прямо поражаетъ неистощимостью своихъ доводовъ въ пользу излюбленной имъ идеи. вмѣстѣ съ тѣмъ въ его ученіи опредѣленно проглядываетъ эволюціонная точка зрѣнія, т. е. точка зрѣнія историческаго развитія, которой былъ совершенно лишенъ знаменитый англійскій реформаторъ. Въ представленіи Оуэна исторія человѣчества дѣлится на два періода: до него и послѣ него; раньше оно прозябало въ заблужденіяхъ и потому было несчастно, теперь—послѣ того какъ онъ открылъ тайну образованія человѣческаго характера—передъ нимъ открывается царствіе Божіе на землѣ. Въ оцѣнкѣ своего открытія Фурье не отличался большей скромностью, но это совмѣщалось у него съ настойчивымъ, хотя быть можетъ и безсознательнымъ, стремленіемъ намѣтить путь естественнаго историческаго развитія человѣчества.

По мнѣнію Фурье, жизнь общества имѣетъ сходство съ жизнью отдѣльнаго человѣка. Послѣдній переживаетъ дѣтство, достигаетъ затѣмъ зрѣлаго состоянія и наконецъ умираетъ; ту

же картину представляет собой и развитие человечества. Въ настоящее время оно еще очень далеко отъ зрѣлости и не прошло еще всего періода дѣтства, который распадается на семь стадій: 1) эденизмъ, 2) дикое состояніе, 3) патриархатъ, 4) варварство, 5) цивилизація, 6) гарантисмъ и 7) простая ассоціація.

Мы сейчасъ находимся въ періодѣ цивилизаціи, гордящейся развитіемъ наукъ, искусствъ и крупной промышленности. Однако вслѣдствіе несовершенства социальной организаціи эти успѣхи науки и техники были монополизированы небольшою частью общества, а народныя массы пребываютъ по прежнему въ нищетѣ и невѣжествѣ. Въ то время, какъ господствующая школа экономистовъ провозгласила новый общественно-экономическій порядокъ, основанный на частной собственности на средства производства и конкуренціи, самымъ совершеннымъ изъ міровъ, острый взглядъ Фурье открылъ въ немъ массу недостатковъ или пороковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что человечество находится только еще въ младенческомъ возрастѣ. И главный изъ нихъ—тотъ, что цивилизація не избавила человечество отъ бѣдности, которая является и главнымъ источникомъ человѣческихъ несчастій, и главнымъ препятствіемъ къ достиженію свободы.

Прогрессъ науки и великія изобрѣтенія техники, которыми отмѣчено новое время, способствовали образованію огромныхъ богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, но уровень благосостоянія массъ населенія не только не поднялся, но наоборотъ—скорѣе понизился. И если бы весь національный доходъ распредѣлить между всѣми жителями поровну, то въ среднемъ на каждаго пришлось бы по очень незначительной суммѣ.

Но въ противоположность Мальтусу, который училъ, что нищета народныхъ массъ есть неизбѣжный удѣлъ человечества, Фурье видитъ корень ея не въ законахъ природы, а въ плохомъ общественномъ устройствѣ. „Первое требованіе, которое слѣдуетъ предъявить къ хорошей социальной организаціи—это созданіе возможно большей суммы богатствъ“, и этому требованію наша прославленная цивилизація совершенно не удовлетворяетъ, ибо она допускаетъ или вызываетъ колоссальную растрату человѣческихъ силъ. По мнѣнію Фурье, большая часть населенія современнаго общества должна быть отнесена къ числу непродизводительныхъ или паразитарныхъ элементовъ, живущихъ на счетъ меньшинства, занимающагося дѣйствительно производительнымъ трудомъ. И одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи занимаетъ тотъ классъ, который занятъ нынѣ распредѣленіемъ продуктовъ: $\frac{9}{10}$ торговцевъ и служащихъ у нихъ и $\frac{2}{3}$ лицъ, занятыхъ сухопутнымъ и воднымъ транспортомъ, авторъ относитъ къ непродизводительнымъ элементамъ. Хорошо знакомый съ закулисными сторонами торговли, онъ съ особенной подробностью останавливается на выясненіи, того аппарата, съ помощью котораго совершается нынѣ распредѣленіе продуктовъ. Когда онъ служилъ приказчикомъ у одного хлѣбнаго торговца въ Марсельѣ, хозяинъ, выжидая повышенія цѣнъ на рисъ, долгое время не про-

давать большой партіи его, такъ что онъ наконецъ испортился и его пришлось выбросить въ море. Въ другой разъ ему пришлось какъ-то, по пріѣздѣ изъ Нормандіи въ Парижъ, зайти пообѣдать въ столичный ресторанъ, гдѣ съ него взяли десять су за яблоко, поданное на десертъ. Между тѣмъ нѣсколько дней тому назадъ въ Нормандіи подобныя яблоки подавались по два су за дюжину. То обстоятельство, что одинъ и тотъ же предметъ можетъ продаваться въ шестьдесятъ разъ дороже своей дѣйствительной стоимости, навело его на мысль о существованіи крупнаго недостатка въ общественномъ механизмѣ—и это послужило первымъ толчкомъ, который мало по малу привелъ затѣмъ къ выработкѣ всей его системы. Этотъ недостатокъ онъ видитъ въ чрезмѣрномъ развитіи посредничества, которое ложится тяжеломъ бременемъ на производителей и потребителей. „По нашимъ обычаямъ мы употребляемъ сотни людей на дѣло, едва требующее одного человѣка. Достаточно двадцати человѣкъ для доставки провизіи на городской рынокъ, куда теперь отправляется тысяча крестьянъ. Въ дѣлѣ промышленнаго механизма мы такіе же новички, какъ народы, которые не знали бы употребленія мельницъ и употребляли бы пятьдесятъ рабочихъ на растираніе зеренъ, что у насъ теперь дѣлаетъ одинъ мельничный жерновъ. Всюду наблюдается чрезвычайный излишекъ посредниковъ и число изъ во всѣхъ областяхъ торговли въ общемъ вчетверо превышаетъ необходимо количество ихъ. Въ одной Франціи развитіе посредничества, создаваемое свободной конкуренціей, отрываетъ отъ полей и фабрикъ миллионъ жителей“.

Затѣмъ къ числу паразитовъ, Фурье относитъ также лицъ, занятыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ—большую часть женщинъ и почти всю прислугу и дѣтей, ибо при другихъ общественныхъ условіяхъ ихъ услуги были бы ненужны и они могли бы получить болѣе полезное примѣненіе своимъ силамъ.

Непроизводительной частью общества являются, наконецъ, лица военнаго сословія, „употребляемая на то, чтобы ничего не производить въ ожиданіи того времени, когда ихъ употребятъ на разрушеніе“, полиція, судъ, чиновники и жертвы современнаго режима—преступники, нищіе и проститутки и т. д.

Прогрессъ науки, въ особенности естествознанія, и техники произведи огромный переворотъ въ промышленности, повысивъ въ нѣсколько десятковъ разъ производительность человѣческаго труда.

Однако область ихъ примѣненія до сихъ поръ еще остается весьма ограниченной.

Такъ напр. въ сельскомъ хозяйствѣ какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ еще господствуетъ мелкое производство, которое не допускаетъ ни раздѣленія труда, являющагося необходимымъ условіемъ наиболѣе полного использованія человѣческой силы, ни примѣненія машинъ или другихъ усовершенствованій въ методахъ производства. Если же присоединить сюда еще не-вѣжество и косность крестьянъ, которые являются тамъ руково-

дителями земледѣльческихъ хозяйствъ, то легко понять, какое колоссальное количество человѣческой энергіи пропадаетъ тамъ совершенно напрасно и какую массу богатствъ можно бы произвести при иныхъ условіяхъ! Если бы сотни мелкихъ участковъ были соединены въ одно цѣлое и земля стала бы обрабатываться по одному общему плану и за общій счетъ, съ примѣненіемъ машинъ, химическихъ удобреньй, дренажированіемъ почвъ и т. п., то съ одной стороны это дало бы огромную экономію въ расходахъ, а съ другой—увеличило производительность труда въ нѣсколько разъ. „Бываешь просто пораженъ,—пишетъ онъ,—когда представишь себѣ на минуту картину громаднхъ выгодъ, которыя дало бы соединеніе 300 хозяйствъ въ одномъ зданіи, гдѣ находилось бы жилища помѣщенія на разную цѣну, коридоры, защищенные отъ дурной погоды, различнаго достоинства обѣды, разнообразныя обязанности—словомъ все, что можетъ сохранить, облегчить и сдѣлать привлекательной работу“.

Но даже и тѣ крупныя капиталистическія фабрики, заводы и мануфактуры, въ которыхъ нашли себѣ примѣненіе и новѣйшія завоеванія науки и техники, и раздѣленія труда, не удовлетворяютъ Фурье, ибо при системѣ наемнаго труда, когда рабочій ни зведенъ до роли слѣпago исполнителя чужихъ распоряженій, не участвуетъ въ прибыляхъ производства и изо дня въ день выполняетъ однѣ и тѣ операциі, онъ работаетъ кое-какъ, небрежно обращается съ орудіями производства и всячески уклоняется отъ полнаго использованія всѣхъ своихъ силъ и способностей.

Разумѣется, такой порядокъ не можетъ считаться совершеннымъ, ибо общество не дополучаетъ значительнаго количества богатствъ, которыя могли бы пойти на удовлетвореніе его матеріальныхъ или духовныхъ потребностей.

Наконецъ, если посмотреть на весь современный хозяйственный механизмъ въ его цѣломъ, то и здѣсь представится передъ нами печальная картина дезорганизациі и дисгармоніи. Общество распадается на множество отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, которыя спеціализировались на добываніи или обработкѣ какого-нибудь одного продукта и не могутъ существовать безъ связи съ остальными. Эта связь между ними поддерживается исключительно только товарнымъ обмѣномъ, который управляется такъ назыв. закономъ свободной конкуренціи—слѣпымъ и бездушнымъ. Никакого общаго плана народно-хозяйственнаго производства въ цѣломъ не существуетъ; каждый заботится только о себѣ и не думаетъ о другихъ. Въ результатѣ получается не гармонія интересовъ, какъ утверждаютъ экономисты господствующей школы, а ожесточенная война всѣхъ противъ всѣхъ, обогащеніе однихъ за счетъ обнищенія другихъ, банкротства неудачныхъ предпринимателей, кризисы и безработица... Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ автора къ заключенію, что „господствующая форма общественнаго устройства противорѣчитъ общимъ интересамъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и народовъ; она истощаетъ и убиваетъ общественный организмъ... И однако дѣло не въ недостаткѣ сред-

ствѣ для достиженія лучшаго: Земля, капиталы, промышленность, могучая сила машинъ, искусствъ и наукъ, мускулистыхъ рукъ и мысли человѣка находятся въ распоряженіи общества. Весь вопросъ сводится къ лучшей организаціи производства. Нужно ее найти, эту организацію, и испробовать на опытѣ. Это великій вопросъ судебъ человѣчества, вопросъ спасенія или гибели, богатства или нищеты, быть можетъ, жизни или смерти современнаго человечества“.

Но гдѣ же выходъ изъ этого положенія и какой нуженъ новый общественный строй?

Нѣкоторые разрозненные элементы его можетъ замѣтить уже въ настоящемъ; нужно только собрать ихъ воедино и систематизировать.

По мнѣнію Фурье, періодъ цивилизаціи распадается на двѣ части: первую можно назвать движеніемъ восходящимъ, вторую—нисходящимъ. Въ восходящемъ періодѣ цивилизаціи общественное недовольство находитъ себѣ выраженіе въ политическихъ переворотахъ; во второмъ же періодѣ, въ который вступаетъ теперь Европа, „революціи принимаютъ соціальныя характеры; дѣло идетъ не о формѣ правленія, а о формѣ собственности и о самомъ правѣ собственности, дѣло идетъ о глубочайшей основѣ общественнаго устройства“.

Внутреннія противорѣчія, присущія настоящему строю, обостряются все болѣе и болѣе, и на этой почвѣ возникаетъ недовольство и броженіе среди широкихъ массъ.

„Капиталы неудержимо слѣдуютъ закону взаимнаго притяженія. Тяготѣя другъ къ другу пропорціонально своимъ массамъ, общественныя богатства все болѣе концентрируются въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Иначе и быть не можетъ при общей раздробленности интересовъ, потому что мелкая мануфактура, мелкая фабрика не могутъ бороться съ крупной мануфактурой, крупной фабрикой; потому что мелкое земледѣліе, все болѣе и болѣе раздробляясь, не можетъ бороться съ крупнымъ земледѣліемъ, съ его орудіями производства, капиталами, объединеннымъ веденіемъ дѣла; потому что все открытія наукъ и искусствъ фактически являются монополіей богатыхъ классовъ и постоянно увеличиваютъ могущество этихъ классовъ; потому что наконецъ капиталы увеличиваютъ силу того, кто ими обладаетъ, и раздавливаютъ того, у кого ихъ нѣтъ...“

Современное соціальное движеніе экспроприруетъ все болѣе и болѣе низшіе и бѣднѣйшіе классы въ интересахъ высшихъ и богатыхъ классовъ... пролетаріатъ и пауперизмъ возрастаютъ вмѣстѣ съ населеніемъ и даже быстрѣе его, вмѣстѣ въ прогрессомъ промышленности... конкуренція рабочихъ связываетъ пролетарія по рукамъ и ногамъ и отдаетъ его во власть новыхъ владыкъ; народныя массы становятся новыми крѣпостными.“

На этой почвѣ возникаетъ и разростается все болѣе и болѣе недовольство и волненія среди трудящихся классовъ, направленные противъ существующаго порядка, не могущаго обезпечить ихъ за-

конныя права и интересы—„батальоны нищеты угрожают цивилизаціи“. Но какой же выходъ отсюда и куда направляется историческій ходъ событій?

По мнѣнію Фурье, слѣдующій за цивилизаціей періодъ будетъ **гарантизмъ**, въ которомъ крупное производство окончательно убьетъ мелкое и станетъ господствующей формой во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства. Это сдѣлаетъ возможной рациональную организацію общественнаго производства въ его цѣломъ и значительно увеличитъ производительность народнаго труда и общую сумму богатствъ. Общее руководство процессомъ производства, правда, будетъ находиться въ рукахъ капиталистическихъ компаній, но все же отношенія между трудомъ и капиталомъ станутъ болѣе нормальными, благодаря распространенію новаго способа оплаты труда—въ видѣ участія рабочихъ въ прибыляхъ. Такъ какъ господствующей производительною единицей станетъ крупное предпріятіе, акціонерное общество, то собственность, которая уже на предшествующей степени развитія въ значительной мѣрѣ утратила свой индивидуальный характеръ, теперь уже окончательно принимаетъ общественный характеръ—и это создаетъ благоприятныя условія для перехода къ новому періоду свободной ассоціаціи или гармоніи. Съ достиженіемъ этой ступени развитія человѣчество вступаетъ уже въ зрѣлой возрастъ, когда оно, разрѣшивъ проклятые вопросы современности, можетъ вздохнуть свободно и спокойно наслаждаться всеми благами жизни. Этотъ періодъ будетъ продолжаться очень долго, вдвое дальѣе, чѣмъ періодъ дѣтства, пока наконецъ не наступитъ роковой моментъ, когда жизнь человѣчества станетъ клониться къ упадку.

При обычныхъ условіяхъ развитіе общества, его переходъ отъ одной ступени къ другой совершается очень медленно и съ большими затрудненіями. Фурье сравниваетъ его съ движеніемъ „тихохода“, каждый шагъ котораго сопровождается стономъ; подобно ему цивилизація съ непостижимой медленностью подвигается впередъ среди политическихъ бурь; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ пробуетъ она новыя системы, которыя подобно терніямъ лишь обогрѣваютъ кровью народы, хватающіеся за нихъ“.

Но этотъ медлительный ходъ развитія можетъ быть значительно ускоренъ вмѣшательствомъ человѣческаго разума, который можетъ заглянуть далеко впередъ и избрѣсть необходимыя средства, которыя бы позволили обществу сократить муки переходнаго времени. Такимъ именно избрѣтателемъ и считалъ себя Фурье, взявшій исходнымъ пунктомъ своей системы идею ассоціаціи, которая—по его словамъ—является основаніемъ всей хозяйственной жизни. „Напрасно, господа философы, вы въ поискахъ за счастьемъ будете нагромождать огромныя библіотеки—до тѣхъ поръ пока вы не вырвете съ корнемъ первоисточника всѣхъ общественныхъ бѣдствій: раздробленіе промышленности или неорганизованный трудъ. Зародыши ассоціаціи разсыяны уже теперь во всемъ социальномъ механизмѣ, нужно только „эти обрывки

ассоціаціи, разсѣянные во всѣхъ отрасляхъ промышленности, развить въ единый, всеобъемлющій и сложный механизмъ“.

Въ современномъ обществѣ имѣются два типа хозяйственныхъ единицъ: крупныя предприятия, работающія съ помощью наемнаго труда, и мелкія, основанныя на трудѣ собственника. Хозяйства перваго типа стоятъ значительно выше въ техническомъ отношеніи, но они имѣютъ дотѣ коренной недостатокъ, что въ нихъ рабочіе суть наемники, не заинтересованные въ результатахъ производства и выполняющіе свое дѣло кое-какъ.

Въ мелкомъ хозяйствѣ работа выполняется собственниками—поэтому она несравненно болѣе интенсивна, но зато техника здѣсь чрезвычайно отстала.

Нужно создать новый типъ хозяйства, который бы совмѣщалъ достоинства предшествующихъ двухъ формъ, не имѣя ихъ недостатковъ. Такой высшей хозяйственной единицей и является такъ назыв. фаланга, обнимающая площадь земли приблизительно въ одну квадратную милю. Въ центрѣ участка должны находиться помѣщеніе для жилья съ необходимыми принадлежностями (фаланстеръ)—роскошными залами для читальнѣ, концертовъ и баловъ, зимними садами, стеклянными галлереями, ваннами и т. п. Въ этомъ дворцѣ все будетъ устроено просто, но изящно и удобно, и простые труженники будутъ пользоваться здѣсь такимъ комфортомъ, какой сейчасъ доступенъ только для богатѣй.

Каждая семья можетъ выбирать себѣ въ фаланстерѣ ту квартиру, какая ей нравится, и обставлять ее собственной мебелью или получать послѣднюю за извѣстную плату отъ общины. Въ домашнемъ хозяйствѣ также долженъ быть проведенъ принципъ крупнаго производства: центральная кухня и столовая, снабженныя всѣми усовершенствованіями техники, будутъ снабжать членовъ фаланстера всѣмъ необходимымъ гораздо лучше и дешевле, чѣмъ это дѣлается теперь. Въ земледѣліи и промышленности получатъ всеобщее примѣненіе машины и различныя усовершенствованія техники, введеніе которыхъ въ настоящее время тормозится частью сопротивленіемъ рабочихъ, частью низкой заработной платой, дѣлающей ручную работу болѣе дешевой, чѣмъ машинная.

Что касается торговли, то она приметъ совсѣмъ другой видъ. Такъ какъ каждая фаланга, заключающая въ себѣ 1600—1800 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, будетъ представлена самодовлѣющую хозяйственную единицу, удовлетворяющую собственнымъ трудомъ членовъ всѣ или почти всѣ свои потребности, то обмѣнъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ теперь, прекратится и вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ все то зло, которое несетъ съ собой торговля.

Результаты труда всѣхъ членовъ фаланги будутъ стекаться въ общественные магазины, откуда они и могутъ получать все необходимое; такимъ образомъ не будетъ надобности въ особомъ классѣ посредниковъ при обмѣнѣ продуктовъ и внутренняя торговля исчезнетъ сама собой.

Наибольшую оригинальность Фурье проявляет въ своихъ взглядахъ на организацію внутренней жизни и труда въ новомъ обществѣ, въ основѣ которыхъ лежитъ созданная имъ теорія страстнаго влеченія. Согласно его ученію, вся судьба человѣчества предначертана Промысломъ, установившимъ законы, по которымъ движутся всѣ тѣла небесныя и земныя. Основное свойство всего сущаго—постоянное и всеобщее движеніе, которое проявляется въ пяти видахъ: 1) движеніе матеріальное, по которому совершаются всѣ перемѣщенія матеріи, 2) органическое, лежащее въ основѣ распредѣленія формъ, цвѣтовъ т. п. 3) инстинктивное или движеніе страстей и инстинктовъ, 4) атомальное, управляющее движеніемъ невѣсомыхъ частицъ природы и 5) социальное. Анализъ перваго движенія былъ сдѣланъ Ньютономъ, открывшимъ законъ всемірнаго тяготенія матеріальныхъ частицъ; честь же открытія законовъ социальнаго движенія Фурье приписываетъ себѣ. По его мнѣнію, и въ основѣ послѣдняго лежитъ также законъ аттракціи или притяженія; подобно отдѣльнымъ частицамъ матеріи, и люди приводятся въ столкновеніе между собою своими влеченіями или страстями. Именно потому онѣ и имѣютъ большую интенсивность въ сравненіи съ разумомъ, ибо ихъ Промысль избрала быть источниками его видовъ относительно общественнаго порядка. Если страсти приносятъ вредъ, то виновны въ этомъ современныя общественныя условія, мѣшающія ихъ гармоническому развитію или стремящіяся къ ихъ подавленію.

Касаясь вопроса объ организаціи труда, Фурье указываетъ далѣе, что лѣнь и отвращеніе къ труду, взгляды на него, какъ на какое-то наказаніе Божіе, вытекаютъ не изъ природы вещей, а изъ неправильной постановки дѣла.

Самъ по себѣ трудъ привлекателенъ и является источникомъ внутренняго удовлетворенія; нужно лишь обставить его такъ, чтобы не нарушалась потребность въ разнообразіи, соперничествѣ и творчествѣ. Для этого необходимо, чтобы онъ не былъ слишкомъ продолжителенъ и выражался не въ выполненіи непрерывно какой-нибудь одной функціи, а въ цѣломъ рядѣ занятій, которыя бы чередовались одна послѣ другой; затѣмъ трудъ долженъ производиться совмѣстно, группами, чтобы примѣръ товарищей побуждалъ къ возможно болѣе интенсивной работѣ, и наконецъ—онъ долженъ допускать проявленіе творческихъ способностей человѣка.

Тогда каждый найдетъ примѣненіе своимъ склонностямъ и не нужно будетъ строгаго надзора для поддержанія дисциплины,—любители цвѣтовъ сдѣлаются садовниками, лакомки и обжоры—займутся кухней, любители животныхъ—конюшней и скотнымъ дворомъ, а дѣтямъ, любящимъ возиться въ грязи, поручена будетъ очистка жилищъ отъ грязи, и нечистотъ...

Всѣ члены общины, не исключая дѣтей отъ 4½ лѣтъ, разобьются на группы отъ 7 до 9 человѣка въ каждой; рядъ такихъ группъ (отъ 24 до 32) составляетъ серію и каждая серія занимается какой-нибудь одной отраслью производства. Каждый тру-

дящейся долженъ состоятъ одновременно въ двадцати или болѣе группахъ, переходя по очередно изъ одной въ другую, при чемъ продолжительность работы не должна превышать 2 часовъ дня смѣны.

Вотъ напр. росписаніе дня, составленное Фурье примѣнительно къ июню мѣсяцу:

3 ¹ / ₂	часа (утра)	—	вставать и одѣваться.
4	"	"	— группа конюховъ.
5	"	"	— группа садовниковъ.
7	"	"	— завтракъ.
7 ¹ / ₂	"	"	— группа косарей.
9 ¹ / ₂	"	"	— культура овощей въ парникахъ.
11	"	"	— группа полевыхъ работъ.
1	"	"	— обѣдъ.
2	"	"	— группа дровосѣковъ.
4	"	"	— группа промышленныхъ работъ.
6	"	"	— группа работъ по орошенію.
8	"	вечера	— засѣданіе биржи.
8 ¹ / ₃	"	"	— ужинъ.
9	"	"	— развлеченія.
10	"	"	— спать.

Такъ какъ земля, постройки, машины и орудія производства принадлежатъ фалангѣ, то и всѣ продукты труда ея членовъ поступаютъ въ общественные магазины. Но въ противоположность коммунамъ Оуэна въ фалангѣ Фурье продукты должны распределяться между членами не поровну, а въ зависимости отъ той роли, которую каждый изъ нихъ принимаетъ въ процессѣ производства. Въ этомъ послѣднемъ онъ различаетъ три главныхъ фактора: трудъ, капиталъ и талантъ. На долю лицъ, занятыхъ физическимъ трудомъ, удѣляется $\frac{5}{12}$ всей общественной прибыли, классу капиталистовъ— $\frac{4}{12}$ и представителямъ таланта, т. е. лицамъ занимающимъ должности по управленію— $\frac{3}{12}$. Капиталисты дѣлятъ между собою причитающуюся имъ долю продуктовъ пропорціонально размѣру вложенныхъ средствъ, а представители труда—въ зависимости отъ свойства послѣдняго, при чемъ трудъ раздѣляется на необходимый, полезный и пріятный. Самое большое вознагражденіе получить первый, а самое меньшее—послѣдній; занятія же, относимыя къ разряду полезныхъ, вознаграждаются по средней между ними нормѣ. Наконецъ, что касается той доли общественной прибыли, которая предназначается таланту, то она распределяется между отдѣльными лицами смотря по должности или степени, занимаемой ими въ группѣ; но такъ какъ всѣ эти мѣста занимаютъ по выборамъ, то слѣдовательно вознагражденіе таланту производится на основаніи уже признанныхъ заслугъ.

„Когда всѣ три общественныхъ класса образуютъ одну ассоціацію, интересы ихъ окажутся объединенными, ненависть забудетъ забыта—тѣмъ болѣе что пріятельственный трудъ не будетъ въ тягость народу, а богатые, трудясь совместно съ бѣдными,

не будутъ ихъ больше презирать. Тогда бѣдный не будетъ больше завидовать празднымъ, которые пожинають, не сѣя; не будетъ больше ни праздныхъ, ни бѣдныхъ, и общественныя антипатіи прекратятся, ибо исчезнутъ причины, ихъ вызывающія“.

Какъ видно изъ изложеннаго, между системами Фурье и Оуэна есть нѣкоторыя черты сходства: и тотъ и другой въ основу соціального преобразованія кладутъ образованіе новой хозяйственной единицы въ составѣ нѣсколькихъ сотъ семействъ, которая бы удовлетворяла всѣ свои потребности трудомъ своихъ членовъ, не прибѣгая къ внѣшнему обмѣну, и въ которой земля, мастерскія и орудія производства были бы общей собственностью.*) Но при всемъ томъ между ними есть и существенная разница. Оуэнъ былъ коммунистомъ и въ его общинѣ всѣ члены имѣли право на одинаковое удовлетвореніе своихъ потребностей при помощи продуктовъ, получаемыхъ бесплатно изъ общественныхъ складовъ. Въ фаланстерѣ же Фурье имущественныя различія между членами, хотя и сглаживаются значительно противъ современнаго положенія, но не уничтожаются совсѣмъ: доходы ихъ остаются неодинаковыми въ зависимости отъ роли, которая выполняется въ процессѣ производства, и неодинаково также удовлетвореніе потребностей, ибо каждому предоставляется тратить получаемый имъ доходъ по своему усмотрѣнію.

Г Л А В А VI

Идеологи производительной кооперации—Ф. Бюше, Луи-Бланъ и Г. Фегерзъ.

Къ концу жизни Фурье вокругъ него сгруппировался кружокъ лицъ во главѣ съ талантливымъ В. Консидераномъ, который энергично принялись за пропаганду его ученія. Недалеко отъ Парижа былъ сдѣланъ опытъ постройки фаланстера, но вслѣдствіе недостатка средствъ и непрактичности распорядителей его такъ и не удалось довести до конца. Однако толчекъ, данный Фурье

*) При наличности сходства въ воззрѣніяхъ, невольно возникаетъ вопросъ о влияніи одного человѣка на другого. Здѣсь нужно имѣть въ виду, что хотя Оуэнъ получилъ громкую извѣстность уже въ концѣ XVIII вѣка, но въ то время его реформаторская дѣятельность ограничивалась лишь частичными улучшеніями рабочихъ на управляемыхъ имъ фабрикахъ; съ опредѣленнымъ же планомъ кореннаго преобразованія общественнаго строя онъ выступаетъ лишь въ періодъ между 1812 и 1817 г. Между тѣмъ „Теорія четырехъ движеній и общихъ судебъ“, содержащая въ себѣ основы ученія Фурье, появилась въ 1808 г., а начала его были открыты уже въ 1799 г., когда въ порывѣ вдохновенія онъ воскликнулъ: „сегодня, въ день святой пятницы, я нашелъ секретъ всемирной ассоціаціи“!

общественной мысли, былъ такъ силенъ что эта неудача не могла остановить стремленія къ отысканію новыхъ формъ примѣненія идеи ассоціаціи, мощь которой была изображена въ столь яркихъ краскахъ авторомъ „Теоріи четырехъ движеній и общихъ судьбъ“.

Послѣдователи Фурье, остановившіеся на неопредѣленной формулѣ добровольнаго соединенія труда, капитала и таланта и математическомъ исчисленіи въ распредѣленіи барышей, не сумѣли вызвать къ жизни сколько нибудь замѣтнаго движенія. Ученики Сень-Симона—Родригъ Анфантенъ и др., также проповѣдовали ассоціацію въ издаваемомъ имъ журналѣ „Le Globe“, на основѣ формулы „каждому по его способности, каждой способности—по ея труду“. Однако проектъ Родрига объ учрежденіи рабочихъ ассоціацій въ соединеніи съ акціонерами-капиталистами и распредѣленіемъ прибыли между рабочими и капиталистами на смѣшанныхъ общихъ собраніяхъ, съ участіемъ правительственнаго комиссара, не получили практическаго примѣненія. Заслуга выработки надлежащей формы рабочей ассоціаціи, какъ средства къ разрѣшенію соціальнаго вопроса, принадлежитъ Ф. Бюше и его послѣдователямъ. Бюше первый опредѣлилъ ассоціацію, какъ „средство предоставить орудіе производства въ руки рабочаго“ на такихъ условіяхъ, чтобы послѣдній могъ удержать въ своемъ распоряженіи. Онъ и его послѣдователи первые также вошли въ сношеніе съ рабочими, и по ихъ инициативѣ лѣтомъ 1832 г. образовалась рабочая артель столяровъ, подъ фирмой „Ля Краммъ; вскорѣ затѣмъ возникла ассоціація золотыхъ дѣлъ мастеровъ, основанная самимъ Бюше вмѣстѣ въ Гарнье Паже, и нѣкоторые другія. Главнѣйшія характерныя черты этихъ ассоціацій, по взглядамъ Бюше, развитымъ въ журналѣ „Européen“ и „Atelier“ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, были слѣдующія. Ассоціація должна быть свободна и основана на самостоятельности своихъ членовъ: свобода и личность въ ассоціаціи, свобода ассоціаціи внутри народа или государства были основнымъ догматомъ этого ученія. Всякая отдѣльная ассоціація должна быть сама по себѣ независима и самостоятельна, обладая въ то же время правомъ свободно присоединяться къ другимъ группамъ и отъ нихъ отдѣляться; единственной связью между отдѣльными ассоціаціями признавался взаимный интересъ.

Далѣе, ассоціаціонное движеніе должно быть основано на взаимной солидарности и самоотверженіи. Школа Бюше возвела въ принципъ ученіе о самоотверженіи, какъ условіи участія въ ассоціаціи. Затѣмъ, ассоціація не должна ограничиваться улучшеніемъ быта только своихъ членовъ, но ставить себѣ и болѣе широкія цѣли—содѣйствовать возвышенію положенія всего рабочаго населенія и преобразование существующихъ отношеній между трудомъ и капиталомъ.

Съ этой цѣлью она должна существовать вѣчно, въ отличіе отъ обыкновенныхъ промышленныхъ товариществъ, составляющихся для извлеченія прибыли изъ данной операціи въ теченіе

извѣстнаго времени; число членовъ въ ней не должно быть ограничено и во всякое время всѣ желающіе имѣютъ право присоединиться къ ассоціаціи на совершенно равныхъ правахъ, какъ и члены-учредители. Въ этихъ же видахъ ассоціація должна стремиться къ образованію такъ назыв. „нераздѣльнаго и неотчуждаемаго фонда“.

Это былъ капиталъ, составляющійся путемъ отчисленія 20% изъ чистой прибыли, принадлежащій всей ассоціаціи, какъ вѣчному юридическому лицу и никогда не поступающій въ раздѣлъ между членами.

За исключеніемъ случаевъ покрытія убытковъ по операціи, недѣлимый фондъ долженъ служить для общественныхъ цѣлей, для взаимной поддержки членовъ и постепеннаго приобрѣтенія въ собственность ассоціаціи дорого стоящихъ орудій производства, дабы сдѣлать ихъ доступными и самымъ бѣднымъ рабочимъ ¹⁾.

Какъ говорится въ уставѣ первой ассоціаціи столяровъ, „мы, нижеподписавшіеся, соединились въ ассоціацію по причинѣ недостаточности капитала и по нежеланію подчиняться предпринимателямъ. Эти послѣдніе, не имѣя другого труда, кромѣ доставленія капитала, положительно эксплуатируютъ рабочихъ, обращая въ свою пользу несравненно большую часть результатовъ труда. чѣмъ какая имъ могла бы слѣдовать. Разъединеніе труда больше всего вредитъ интересамъ рабочихъ, оно ведетъ ихъ къ подчиненію всѣмъ требованіямъ хозяина. Такое разъединеніе увеличиваетъ конкуренцію рабочихъ рукъ и, слѣдовательно, все болѣе и болѣе понижаетъ заработную плату, и нѣтъ никакой надежды на улучшеніе, на обезпеченіе рабочаго въ старости и болѣзни. И мы, нижеподписавшіеся, рѣшились освободиться отъ подобнаго порабощенія и соединиться въ общество для производства работъ сообща, чтобы такимъ образомъ создать себѣ капиталъ, съ которымъ мы и другія рабочіе, вступившіе въ нашу ассоціацію, будемъ въ состояніи самостоятельно вести предпріятіе въ случаѣ временнаго прекращенія работъ, станемъ воспитывать и образовывать дѣтей, поддерживать неспособныхъ къ работѣ; словомъ, этотъ капиталъ долженъ служить къ исполненію священнѣйшихъ обязанностей людей, въ силу которыхъ они должны любить и поддерживать другъ“.

Планъ Бюше былъ рассчитанъ собственно на мелкихъ ремесленниковъ, располагающихъ нѣкоторыми средствами и орудіями производства; для примѣненія же его къ рабочимъ, занятымъ въ крупной промышленности, требовались нѣкоторыя измѣненія. Это и было сдѣлана Луи-Вланомъ, который въ своей книжкѣ „Organisation du travail“ (1841 г.) выступилъ съ проектомъ устройства общественныхъ мастерскихъ.

¹⁾ Н. Кодлюпановъ. Практическое руководство къ учрежденію сельскихъ и ремесл. банковъ 1870 г.—Эд. Дюфуръ. Производительныя товарищества въ промышленности. „Вѣстникъ мелкой промышленности“. № 6—7 за 1916 г.

Эти мастерскія, подобно ассоціаціямъ Бюше, группируютъ въ себѣ только рабочихъ одной и той же профессіи. Онѣ не охватываютъ въ себѣ всѣхъ сторонъ экономической жизни—какъ это стремились дѣлать общины Р. Оуэна и Ш. Фурье,—пбо производятъ лишь одинъ продуктъ, который предназначался для продажи. Въ каждой изъ главнѣйшихъ отраслей производства должна быть создана такая мастерская, доступная для всѣхъ. „Всѣ рабочіе, представляющіе гарантіи своей порядочности“, допускается въ мастерскую въ количествѣ, допускаемомъ наличнымъ капиталомъ. Заработная плата устанавливается въ одинаковомъ для всѣхъ размѣрѣ. Если этотъ принципъ кажется намъ нынѣ неосуществимымъ то это происходитъ „лишь благодаря неправильному и противообщественному воспитанію, даваемому современному поколѣнію, но онъ будетъ совершенно естественнымъ въ будущемъ, когда новое воспитаніе измѣнитъ идеи и нравы“. Что касается управленія мастерской, то оно будетъ организовано на выборномъ началѣ, за исключеніемъ только перваго года, когда правительство обязано организовать его, потому что члены мастерской, еще не будутъ достаточно знать другъ друга, чтобы намѣтить наиболѣе достойныхъ.

Чистая прибыль, получаемая въ предпріятіи, дѣлится ежегодно на три части: одна часть распределяется поровну между членами ассоціаціи и служитъ прибавкой къ заработной платѣ; другая—предназначается для содержанія стариковъ, больныхъ и слабыхъ, а также для облегченія послѣдствій кризисовъ, нависающихъ надъ другими отраслями промышленности; наконецъ, третья—должна служить „для снабженія орудіями труда тѣхъ, кто хотѣлъ бы принять участіе въ ассоціаціи, такъ что она можетъ безконечно расширяться.

Такимъ образомъ, каждая крупная отрасль производства въ концѣ концовъ сгруппируется около одной центральной мастерской, къ которой всѣ другія будутъ относиться, какъ отдѣленія.

Въ заключеніе принципъ солидарности долженъ связать между собой и различныя производства, которыя вмѣсто взаимной борьбы будутъ оказывать другъ другу поддержку и будутъ помогать во время кризисовъ, если только имъ не удастся—благодаря соглашенію—предупредить ихъ. Такъ, мало-по-малу, существующій строй, основанный на конкуренціи и наемномъ трудѣ,—будетъ уступать свое мѣсто системѣ ассоціаціи, и общественныя мастерскія послужатъ ячейкой, изъ которой впослѣдствіи вырастетъ цѣлое коллективистское общество.

Но откуда же взять средства для основанія этихъ социальныхъ мастерскихъ? Разсчитывать на сбереженія рабочихъ—это значитъ никогда не начать. Нужно найти кого-нибудь, кто бы сдвинулъ съ мѣста весь механизмъ, ибо самъ онъ сдвинуться не можетъ.

По мнѣнію Луи-Блана, этотъ первоначальный толчокъ можетъ исходить только отъ государства, которое должно стать „банки-

ромъ бѣдныхъ“ и выдавать (или гарантировать) рабочимъ ссуды на устройство мастерскихъ ¹⁾..

Благодаря своей простотѣ и опредѣленности идеи Бюше и, въ особенности, Луи-Блана обратили на себя широкое общественное вниманіе. Въ отличіе отъ крайне сложныхъ и слишкомъ рѣзко порывающихъ съ настоящимъ построеніями Р. Оуэна и Ш. Фурье или столь же грандіозныхъ, какъ и туманныхъ мечтаній сенъ-симонистовъ, производительныя товарищества, устраиваемыя для совмѣстнаго труда ремесленниками или рабочими, принадлежащими къ одной профессіи, подкупали своей доступностью и легкостью осуществленія.

Во время переворота 1848 г. временнымъ правительствомъ на ряду съ правомъ на трудъ было провозглашено также, что „рабочіе должны составлять союзы между собой, чтобы воспользоваться выгодами отъ своего труда“, и Луи-Бланъ старался направить ихъ усилія въ эту сторону. Такъ, при его содѣйствіи были основаны ассоціаціи портныхъ, сѣдельниковъ, прядильщиковъ и позументчиковъ, для которыхъ были получены правительственные заказы. За ними возникли другія ассоціаціи, и 5 іюня національное собраніе настолько заинтересовалось ими, что по собственной инициативѣ ассигновало 3 милліона фр. для ихъ поддержки. Подъ вліяніемъ этого толчка въ теченіе одного года во Франціи было основано до 300 подобныхъ ассоціацій, но въ силу внутреннихъ причинъ онѣ скоро распались, не оправдавъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ.

Нѣкоторое время спустя въ произведеніи ученика Фурье Г. Фегера получила свое обоснованіе мысль и примѣненіи производительной кооперации также и къ сельскому хозяйству. Въ своей книгѣ „Промышленная и сельская рабочая ассоціація“. (*L'Association ouvrière industrielle et agricole*), появившейся въ 1851 г., онъ отмѣчаетъ, что если ассоціаціи, получившія столь сильное развитіе со времени февральской революціи въ большихъ городахъ, не вызвали въ деревнѣ ничего кромѣ робкихъ попытокъ въ данномъ направленіи, то причина этого кроется не въ существѣ дѣла, не въ особенностяхъ сельскохозяйственнаго труда, а лишь въ неразвитости крестьянъ, мозгъ которыхъ съ большимъ трудомъ воспринимаетъ новыя идеи и для которыхъ нужна долгая духовная подготовка, чтобы понять и оцѣнить всю важность идеи ассоціаціи.

„Я вспоминаю—говоритъ авторъ—какъ въ Учредительномъ Собраніи 1848 г. генераль Ламорсьеръ со свойственнымъ ему темпераментомъ докладывалъ, что ассоціація возможна только въ индустріи, а никакъ не въ земледѣліи. Главнымъ основаніемъ онъ приводитъ то, что въ сельскомъ хозяйствѣ природа содѣйствуетъ человѣку при созданіи продукта. Прошу извиненія у почтеннаго генерала, но онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Если содѣйствіе природы, которое впрочемъ проявляется и въ индустріи, болѣе силь-

¹⁾ Шарль Жидъ.—Исторія экономическихъ ученій. 1914 г. 151—155 стр.

но и дѣйствительно въ сельскомъ хозяйствѣ, то изъ этого слѣдуетъ только, что въ немъ работы болѣе регулярныя, что онѣ слѣдуетъ въ порядкѣ, который легче опредѣлить впередъ, и что безработица въ немъ бываетъ рѣже. А изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что сельскохозяйственная ассоціація будетъ функционировать болѣе удачно, чѣмъ индустріальная. Къ свойствамъ сельского хозяйства, облегчающимъ осуществленіе ассоціаціи, нужно еще прибавить то, что въ агрикультурѣ сбытъ продуктовъ и даже цѣны ихъ, несмотря на большія измѣненія послѣднихъ лѣтъ, колеблются менѣе, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности. Слѣдовательно, разъ ассоціація можетъ обосноваться на подвижной почвѣ индустріи, то почему ей не пустить корней на болѣе солидной почвѣ сельского хозяйства, въ которомъ меньше спекуляціи и гдѣ трудъ болѣе увѣренъ въ своемъ вознагражденіи¹⁾.

По мнѣнію автора, ассоціація не только вполне возможна въ области земледѣлія, но и должна покоиться въ общемъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ индустріи—т. е. быть демократической по своему духу и стремиться къ образованію недѣлимаго общественнаго капитала.

Исходнымъ пунктомъ при этомъ для открытія ассоціаціи дороги въ деревню могутъ служить потребительныя общества. Приучая всѣхъ, особенно женщинъ, къ совмѣстнымъ закупкамъ они проложили бы впоследствии путь къ болѣе цѣннымъ производительнымъ товариществамъ. Организовавшись для закупокъ оптомъ предметовъ первой необходимости, крестьяне избавились бы отъ той эксплуатаціи со стороны посредниковъ, жертвой которой они являются теперь и которую такъ ярко обрисовалъ Фурье.

Далѣе Фегерэ ссылается на примѣръ артельныхъ сыроваренъ, издавна существующихъ въ долинахъ Юры и въ Вогезахъ. Сущность этихъ артелей заключается въ томъ, что крестьяне заключаютъ между собой соглашеніе о ежедневной доставкѣ своего молока въ принадлежащую имъ сыроварню, гдѣ оно и обрабатывается мастеромъ, нанятымъ за общій счетъ.

Наконецъ, заключительнымъ звеномъ является образованіе настоящихъ земледѣльческихъ товариществъ. При этомъ нужно различать два случая, когда дѣло идетъ о крупной и мелкой собственности.

Если собственность раздроблена и обрабатывается самимъ собственникомъ, то кооперація можетъ возникнуть непосредственно между ними—стоитъ только соединить мелкіе участки въ одинъ и такимъ образомъ приобрѣсти выгоды крупнаго производства. Земля каждаго члена должна быть оцѣнена и зачислена въ паевой взносъ, который бы давалъ право на соотвѣтственную долю продуктовъ или прибыли. Но для того, чтобы кооперація сдѣлалась полной, авторъ рекомендуетъ нѣкоторую долю прибыли употреблять на выкупъ паевъ, такъ чтобы съ теченіемъ времени земли членовъ стали собственностью товарищества.

¹⁾ В. О. Тотомьянцъ—Сельскохозяйственная Кооперація. 1911 г. 21—27 стр.

Что касается крупных помѣстій, то тутъ нужно обращаться не къ собственникамъ, а къ зависимымъ отъ нихъ арендаторамъ и наемнымъ рабочимъ, побуждая ихъ образовать товарищества для совмѣстной аренды земли у помѣщиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фегеръ настоятельно рекомендуетъ принадлежащія коммунамъ земли отдавать въ аренду не капиталистамъ и не бѣднякамъ мелкими клочками, а только земледѣльческимъ товариществамъ.

Эти товарищества распределяли бы работы поровну между членами и произвели оцѣнку дня работы людей и животныхъ. Прибыль должна распределяться пропорціонально труду каждого, не прибѣгая къ вычетамъ въ случаѣ болѣзни или другого несчастія.

Г Л А В А VII.

Шарль Жидъ.

Въ 1883 г. въ провинціальномъ городкѣ Нимѣ образовался небольшой кружокъ лицъ, поставившихъ себѣ цѣлью содѣйствовать возрожденію кооперативнаго движенія во Франціи и болѣе тѣсному объединенію существующихъ организацій. Въ этотъ кружокъ входили Августъ Фабръ, де-Буавъ и др.; впоследствии къ нимъ присоединился молодой экономистъ Шарль Жидъ, ставшій главнымъ теоретикомъ и пропагандистомъ новой, получившей затѣмъ названіе Нимской, школы. Въ теченіе тридцати лѣтъ, начиная съ 1886 г. и вплоть до настоящаго времени, Жидъ принималъ дѣятельное участіе какъ во французскомъ, такъ и международномъ кооперативномъ движеніи, и благодаря его энергіи и таланту пропаганда Нимской школы оставила крупный слѣдъ въ исторіи французской кооперации.

Основой кооперативнаго движенія въ его цѣломъ его прочнымъ и широкимъ фундаментомъ являются—въ глазахъ Жиды—общества потребителей. И это потому, что въ современномъ обществѣ только они способны объединить самые широкіе и разнообразныя слои населенія.

„Рабочіе или буржуа, служащіе желѣзной дороги или приказчики, кооператоры Парижа или провинціи или даже съ конца свѣта—не имѣемъ ли мы одного общаго свойства: быть потребителями? Я большаго не требую; общности свойства достаточно, чтобы показать путь, который мы должны начать, и чтобы позволить намъ начертать весьма широкую программу,—дѣйствительно программу, какъ вы это увидите, ибо она стремится ни болѣе, ни менѣе, какъ перевернуть вверхъ дномъ весь существующій порядокъ вещей,—разумѣется, мирно.

Сто лѣтъ тому назадъ Сіейсъ произнесъ фразу, явившуюся какъ бы сигналомъ революціи. „Что такое третье сословіе? Ничто. Чѣмъ оно должно быть? Всѣмъ“. Пришло время возобновить эти знаменитыя слова, немного ихъ измѣнивъ, чтобы сдѣлать ихъ программой новой революціи, повторивъ въ свою очередь: „Что такое потребитель? Ничто. Чѣмъ онъ долженъ быть? Всѣмъ“. Да, потребитель—все, въ томъ смыслѣ, что общество создано для него; всѣ мы созданы, чтобы потреблять, и все наше производство существуетъ только для потребленія. Потребленіе—цѣль и конечный этапъ всего экономическаго механизма, а производство—только средство. При правильно установленномъ порядкѣ вещей производство должно служить потребленію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ руки служатъ желудку: всякое общество, въ которомъ установленъ обратный порядокъ вещей, погибнетъ“. Однако, въ дѣйствующемъ экономическомъ механизмѣ настоящаго времени потребитель считается ничѣмъ, а производитель—все, ибо существующій социальный порядокъ организованъ въ интересахъ производства, а не потребленія или иначе—въ интересахъ личнаго успѣха, а не въ интересахъ общественныхъ потребностей. „Если есть мясники, булочники, виноторговцы, собственники хлѣбородныхъ полей, такъ они существуютъ отнюдь не для того, чтобы доставлять намъ по возможно низкой цѣнѣ и въ возможно большемъ количествѣ хлѣбъ, мясо, вино,—что, казалось бы, является единственнымъ смысломъ существованія въ этомъ мірѣ мясниковъ, булочниковъ и землевладѣльцевъ! но всѣ они озабочены лишь тѣмъ, чтобы вѣрнѣе и побольше нажитъ“.

„При наличности гигантскихъ обществъ производителей, повсюду образующихся, которыя стремятся стать нормальной формой экономической организаціи, ничего другого не остается дѣлать, какъ противопоставить имъ еще болѣе могущественныя общества потребителей, рѣшительно защищающія главные и постоянные интересы всего общества отъ монопольнаго захвата“.

Потребительскіе кооперативы возникли давно, явившись результатомъ естественной эволюціи экономическихъ отношеній, и здѣсь можно усмотрѣть лишь своего рода толчекъ, появляющійся въ моментъ, опредѣленный природой, точно такъ же, какъ молоко появляется у матери тотчасъ, какъ проголодается и закричитъ ребенокъ. Тѣмъ не менѣе, въ социальной эволюціи природа не обходится безъ нашего содѣйствія, и мы должны ей помогать, если, въ свою очередь, рассчитываемъ на ея помощь. Можно быть вполне увѣреннымъ, что оставаясь изолированными, несвязанными внутри, наши маленькіе кооперативы не въ силахъ будутъ справиться съ большимъ дѣломъ социальной защиты и не смогутъ успѣшно бороться съ компаніей капиталистовъ. Необходимо выработать планъ кампаніи или вѣрнѣе—нѣтъ надобности его вырабатывать: онъ весь указанъ.

„Объединиться между собою, образовать компактную массу, отчислять по возможности большую часть доходовъ на устройство оптовыхъ магазиновъ и дѣлать закупки въ большемъ масштабѣ—

вотъ первый этапъ. Стремиться путемъ отчисленія изъ доходовъ къ созданію значительныхъ капиталовъ и съ этими капиталами приступить непосредственно къ производству на свой собственный страхъ и рискъ всего необходимаго для своихъ потребностей, создавая булочныя, мельницы, фабрики сукна, готового платья, обуви, шляпъ, мыла, бисквитовъ, бумаги—вотъ второй этапъ. Наконецъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ приобрести имѣнія, фермы, и производить непосредственно на своихъ собственныхъ земляхъ хлѣбъ, вино, масло, мясо, молоко, коровье масло, живность, яйца, зелень, плоды, цвѣты, дрова, являющіяся основой всего потребления—вотъ послѣдній этапъ. Или, резюмируя все сказанное въ трехъ словахъ, въ первый этапъ побѣды завладѣть торговлей, во второй—обрабатывающей промышленностью и, наконецъ, въ третій—добывающей промышленностью,—такой должна быть программа кооперации для всѣхъ странъ. Уже теперь наблюдаются героическія усилія немногихъ, и я убѣжденъ, что несмотря на нашу слабость и колебанія эта программа осуществится не сегодня-завтра. Въ Англіи и даже Бельгіи, можно сказать, кооперативы начали эту компанію очень давно и уже перешли нѣкоторые изъ указанныхъ мною этаповъ.

...Я хорошо знаю, что можетъ показаться необыкновенно утопическимъ и даже нелѣпнымъ желаніемъ, чтобы нѣсколько обществъ потребителей могли, такимъ образомъ, завладѣть этапъ за этапомъ всѣми производительными силами страны. Но этотъ скептицизмъ объясняется только тѣмъ, что неясно представляютъ себѣ степень могущества, котораго могутъ достигнуть объединенные потребители. Это могущество непреодолимо, въ особенности если предположить, что общества пополняются не исключительно рабочими, но представителями всего народа, обнимая, слѣдовательно, также и зажиточные классы. Предположимъ—гипотеза, которую я привожу только для того, чтобы лучше освѣтить свою мысль,—что всѣ жители Франціи примкнутъ въ одинъ прекрасный день къ кооперативнымъ обществамъ потребителей, въ которыхъ приобретаютъ всѣ необходимые имъ предметы потребления. Какова будетъ въ такомъ случаѣ сумма оборота этихъ обществъ? Она, очевидно, будетъ равна суммѣ всего потребления Франціи, а эта сумма, по меньшей мѣрѣ 20 миллиардовъ, сверхъ того будетъ равна почти всей суммѣ ея производства. Въ день, когда кооперативы будутъ въ состояніи купить все годовое производство Франціи, они станутъ полновластными господами не только торговли,—это само собой разумѣется,—но и промышленности, и кооперации отнынѣ будетъ предоставленъ выборъ, купить ли все производство, уничтожить ли или, по крайней мѣрѣ, надъ нимъ господствовать“.

Каковы же будутъ послѣдствія этой экономической эволюціи?—Въ настоящее время экономическая организація общества построена исключительно въ интересахъ производителя и отдѣльной личности; тогда же она будетъ служить интересамъ потребителей и социальнымъ нуждамъ. Пирамида, которая нынѣ, будучи поставлена вершиной внизъ, находится въ состояніи неустойчиваго

равновѣсія, будетъ перевернута и впредь будетъ стоять на своемъ основаніи, что дастъ устойчивое равновѣсіе. Производство вмѣсто того, чтобы быть господиномъ рынка, опять станетъ тѣмъ, чѣмъ оно всегда и должно было бы быть—слугою, покорно подчиняющимся приказаніямъ потребленія, находя отнынѣ смыслъ и цѣль своего существованія не въ самомъ себѣ, но въ потребностяхъ, удовлетворять которыя оно предназначено. Далѣе, производство, работая подъ общественнымъ контролемъ, будетъ доставлять только то, что потребуется—ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало, и, слѣдовательно, тогда удастся предупредить переполненіе рынка товарами, перепроизводство, кризисы и всѣ тѣ внезапные перерывы въ работѣ, которые изнуряютъ рабочій классъ, заставляя его попеременно переходить отъ періода лихорадочной дѣятельности къ періоду деморализующаго бездѣйствія.

Затѣмъ—безчисленное множество посредниковъ, крупныхъ и мелкихъ поставщиковъ, весь этотъ легионъ паразитовъ отнынѣ будетъ уничтоженъ; въ упрощенномъ производственномъ механизмѣ составъ управленія уменьшится до минимума, а его дѣйствительная полезность увеличится до максимума. Кроме того, этотъ ужасный вопросъ о международной конкуренціи, питающей ненависть народовъ, будетъ разрѣшенъ простѣйшимъ образомъ: путемъ соглашенія между кооперативами различныхъ странъ, въ силу котораго они будутъ пользоваться непосредственно другъ у друга всѣми нужными имъ продуктами, которые они найдутъ болѣе выгоднымъ получать извнѣ, чѣмъ производить самимъ. „И почему, въ самомъ дѣлѣ, послѣ того какъ мы видимъ, что союзы производителей той или другой страны входятъ между собою въ соглашеніе и даже достигаютъ международнаго соглашенія съ цѣлью поднять цѣны на товары, почему же общества потребителей не могли бы стать интернаціональными и достигнуть общаго соглашенія относительно пониженія цѣнъ?

Наконецъ,—что является главнымъ пунктомъ этой экономической революціи,—будетъ осуществленъ великій моральный прогрессъ. Содѣйствуя одновременно исчезновенію антагонизма между производителями и потребителями и между самими производителями—ибо отнынѣ, когда потребители производить за свой собственный счетъ, они перестанутъ существовать, какъ производители—тѣмъ самымъ она уничтожитъ всѣ послѣдствія этого антагонизма, фальсификацію товаровъ, коммерческую ложь, рекламу, столь же дорого стоящую, какъ и обманчивую, подряды, наглую спекуляцію, ожесточенную конкуренцію, борьбу за жизнь, беспощадную войну и это „горе побѣжденнымъ“, ставшее теперь единственнымъ экономическимъ правиломъ! Этотъ вѣчный споръ наблюдающійся въ нашемъ обществѣ, междупродавцомъ и покупателемъ, собственникомъ и арендаторомъ, заимодавцемъ и заемщикомъ, предпринимателемъ и рабочимъ—неизбѣжно придетъ къ концу въ тотъ день, когда мы, потребители, благодаря широкому распространенію кооперации, будемъ сами для себя продавцами, банкирами, предпринимателями. Потребители, объединенные въ това-

рищества, не могут имѣть враждебныхъ интересовъ между собою: они могутъ имѣть только одинъ интересъ, общій для всѣхъ, доставлять себѣ наибольшій избытокъ благъ при возможно меньшихъ расходахъ—и этотъ интересъ является единственнымъ для общества въ его цѣломъ и всего человѣчества.

И именно благодаря этому кооперація неизбежно станетъ школой мира, солидарности и гармоніи, не влѣдствіе магическаго свойства нѣкоторыхъ звучныхъ формулъ, но влѣдствіе самой силы вещей, т.-е. благодаря тождественности, которая впродъ установится между частными и общими интересами¹⁾

Какъ видно изъ изложеннаго, Шарль Жидъ не мирится съ существующимъ строемъ, покоющимся на конкуренціи и наемномъ трудѣ, и смотритъ на кооперацію какъ на высшую форму соціальной организаціи, долженствующую его замѣнить.

Она „должна служить для мирнаго, но кореннаго преобразованія дѣйствующаго экономическаго строя, способствуя переходу владѣнія орудіями производства и вмѣстѣ съ тѣмъ и экономическаго главенства отъ производителей, удерживающихъ ихъ теперь, къ потребителямъ“. „Кооперація является для насъ,—говоритъ Жидъ въ другомъ мѣстѣ,—не только учрежденіемъ, предназначеннымъ улучшить существованіе наемныхъ работниковъ, позволяя имъ расходовать немного меньше или немного больше зарабатывать,—но имѣющимъ цѣлью совершенно преобразовать и даже постепенно уничтожить наемный трудъ, дѣлая рабочихъ собственниками орудій ихъ производства и уничтожая посредниковъ, въ томъ числѣ и предпринимателей. Она намѣрена уничтожить не капиталъ, но его право на прибыль или дивиденды, уменьшивъ его ростъ до справедливой нормы. Она въ особенности стремится стать идеаломъ, воодушевить людей, указывая имъ цѣль, для достиженія которой стоитъ трудиться“ (122 стр.)

Но, ставя себѣ цѣлью преодолѣніе капитализма, Нимская школа рѣзко отграничиваетъ себя отъ коллективизма или социализма.

„Я не могу себѣ представить, что это (разрѣшеніе соціального вопроса) будетъ достигнуто какимъ-нибудь инымъ путемъ а не посредствомъ свободныхъ товариществъ, которыя организовались сами, въ виду ожидаемаго результата, провозглашающихъ новое соціальное право и увеличивающихся влѣдствіе заразительности примѣра“. Коллективисты,—продолжаетъ онъ далѣе,—хотятъ уничтожить частную собственность, какъ орудіе эксплуатаціи. Между тѣмъ послѣднія коренится въ глубокихъ истинкахъ нашей природы, доказательствомъ чего служатъ тѣ усилія, которыя дѣлали во всѣ времена люди для ея достиженія. Считаюсь съ этимъ, кооперація ставитъ себѣ цѣлью не уничтожать частной собственности, но сдѣлать ее доступной всѣмъ, если не въ видѣ личнаго владѣнія, то по меньшей мѣрѣ въ видѣ общаго владѣнія.

¹⁾ Шарль Жидъ—Кооперація 1900 г. 83—106 стр.

Путемъ производительныхъ товариществъ кооперація стремится доставить рабочимъ въ ихъ общую собственность мастерскія, машины и орудія производства. Черезъ строительныя общества она стремится передать въ общее владѣніе рабочихъ дома.

Путемъ учрежденія кредитныхъ товариществъ она дѣлаетъ рабочихъ банкирами, а черезъ потребительскія общества дѣлаетъ ихъ собственниками не только магазиновъ, но попутно также и заводовъ, основанныхъ этими магазинами, и фермъ, прибрѣтенныхъ для потребностей послѣднихъ.

Когда, при развитіи кооперативнаго хозяйства, люди скажутъ: *наша земля, нашъ домъ, нашъ магазинъ, нашъ заводъ*,—и, употребляя собирательное мѣстоименіе принадлежности, они будутъ чувствовать то же удовольствіе, какое они недавно испытывали, употребляя личное—уже это одно покажетъ, что совершился большой моральный прогрессъ. Обобществляя такимъ образомъ собственность, послѣдователи Нимской школы надѣются устранить всѣ ея недостатки, удержавъ всѣ ея положительныя стороны. И при кооперативномъ строѣ „будетъ существовать крупное производство, но вмѣсто того, чтобы быть сконцентрированнымъ въ рукахъ немногихъ крупныхъ собственниковъ или крупныхъ капиталистовъ, оно перейдетъ въ руки массы мелкихъ собственниковъ и мелкихъ капиталистовъ, членовъ товариществъ“, ибо въ послѣднихъ прибыль распределяется несоразмѣрно съ вложеннымъ капиталомъ, а пропорціально потребленію и труду. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію Жюда, „возможно и даже желательно, чтобы наряду съ частной собственностью увеличилась и коллективная“. Прежде въ примитивныхъ обществахъ существовали значительныя общія родовыя владѣнія, чрезвычайно полезныя для бѣдныхъ; таковы, напр., альменды или религіозныя конгрегаціи, имущества которыхъ исчислялись милліонами рублей.

Однако эти богатства стали затѣмъ обращаться на несоответствующія ихъ истинному назначенію цѣли, и потому французская революція пустила ихъ въ обращеніе. Нынѣ въ рукахъ коопераціи институтъ неотчуждаемаго общаго имущества долженъ вновь возродиться. Бюше, основатель перваго производительнаго кооператива, и Райффейзенъ, инициаторъ кредитныхъ товариществъ, хотѣли посвящать прибыль на созданіе неотчуждаемаго и вѣчнаго фонда. Но наиболѣе могущественнымъ орудіемъ установленія общей собственности должны стать потребительскія общества, ибо они могутъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ всякая другая ассоціація, вырывать прибыль и безконечно увеличивать свои резервные фонды: фонды просвѣщенія, взаимопомощи и производства. Такимъ образомъ, члены этихъ обществъ дѣлаютъ сбереженія не только каждый для себя, но также для всѣхъ и для будущихъ поколѣній (172—175 стр.)

Такъ мало-по-малу, тихо и безъ насильственныхъ потрясеній капитализмъ будетъ обезвреженъ и уступить свое мѣсто новому

строю, основанному на солидарности. „Скажутъ, что мы склоняемся къ своего рода коммунизму. Извѣстно, что кооператизмъ, развитый до своихъ послѣднихъ предѣловъ, склоняется къ социальной организаціи, представляющей большую аналогію съ идеаломъ коллективизма.

Я это сознаю, сознаю также, что первый—такъ же, какъ и второй—представляетъ нѣкоторыя опасности; тѣмъ не менѣе меня успокаиваетъ то обстоятельство, что осуществленіе описаннаго мною социальнаго порядка мы ожидаемъ не въ силу вмѣшательства государства или какой-нибудь принудительной мѣры, но лишь благодаря свободной инициативѣ отдѣльных лицъ, которые, путемъ учрежденія договорныхъ товариществъ, дѣйствуютъ на рынкѣ сообразно общему праву. Такимъ образомъ, наша система имѣетъ то несравнимое въ нашихъ глазахъ преимущество, что не требуетъ отъ личности жертвы ни свободой, ни законно пріобрѣтенными правами: если это коллективизмъ, то коллективизмъ добровольный, если при этихъ условіяхъ случится, что мы пойдемъ вмѣстѣ съ социалистами,—ну что-жъ! Мы не изъ тѣхъ, кто этого пугается.

Даже наиболѣе революціонные социалисты не внушаютъ мнѣ страха послѣ того, какъ они пройдутъ школу кооперации“.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе тѣхъ идей, съ пропагандой которыхъ выступилъ въ срединѣ 80-хъ годовъ Нимскій кооперативный кружокъ. Несмотря, однако, на жаръ воодушевленія и выдающійся популяризаторскій талантъ Ш. Жиды, успѣхи этой пропаганды долгое время были незначительны. Она казалась „слишкомъ буржуазной для социалистовъ, будучи въ то же время слишкомъ социалистической для либераловъ и слишкомъ либеральной для католиковъ“. При обсужденіи этого обстоятельства, а равно при оцѣнкѣ взглядовъ Жиды вообще прежде всего, конечно, нужно имѣть въ виду своеобразныя условія общественно-экономической и политической жизни Франціи.

Кооперативное движеніе здѣсь находилось въ то время на младенческой стадіи, при чемъ наиболѣе популярной формой организаціи считались производительныя товарищества, пропагандированныя Бюше и Луи Вланомъ. Первое, наиболѣе сильное и наиболѣе извѣстное пробужденіе идеи кооперации совпадаетъ съ революціей 1848 г. Оно выразилось исключительно въ видѣ производительныхъ ассоціацій, но изъ 300 основанныхъ въ то время товариществъ едва ли можно было насчитать дюжину спустя три года. Новое пробужденіе интереса къ кооперации среди рабочихъ круговъ относится къ второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда французская социалистическая партія, лишенная послѣ кровавой расправы правительства съ коммуной всѣхъ своихъ революціонныхъ элементовъ, руководимая людьми умѣренными и слѣдующими мирныхъ традиціямъ старыхъ главарей школы до 1848 г., вновь объявила себя сторонницей кооперации и взаимопомощи. „Ваша задача, граждане,—говорится въ докладѣ шестой комиссіи парижскаго рабочаго конгресса 1876 г.,—единодушно высказаться

въ пользу кооперативныхъ товариществъ, какъ радикальнаго средства для освобожденія труда и уничтоженія нищеты⁴. При этомъ, какъ и прежде, на первый планъ выдвигалось именно образованіе производительныхъ товариществъ, какъ наиболѣе вѣрный и прямой путь для достиженія цѣли. III. Жидъ самымъ рѣшительнымъ образомъ выступаетъ противъ этой концепціи, видящей въ производительныхъ кооперативахъ высшую форму коопераціи, вѣнчающую собою все зданіе. Опытъ Франціи, какъ и другихъ странъ, — говоритъ онъ, — доказалъ, что производительное товарищество, самостоятельное и функционирующее на собственные средства, безсильно внести сколько-нибудь значительное преобразованіе въ дѣйствующій порядокъ вещей. Большинство этихъ обществъ не имѣло успѣха, тѣ же, которыя окрѣпли, выродились, превратившись въ общества мелкихъ хозяевъ, заставляющихъ работать на себя болѣе или менѣе значительное количество наемныхъ рабочихъ. Сорокъ производительныхъ ассоціацій Парижа не только держатся вдали отъ социалистическаго движенія, но даже не хотятъ дѣйствовать заодно съ потребительными кооперативами и не принимаютъ участія въ конгрессахъ послѣднихъ.

Напротивъ, съ государствомъ, заказовъ котораго добиваются, они въ хорошихъ отношеніяхъ и охотно приглашаютъ министровъ на свои банкеты. Такимъ образомъ первый недостатокъ производительной коопераціи, поскольку она существуетъ самостоятельно и независимо, заключается въ томъ, что она служитъ не къ подъему рабочаго класса въ его цѣломъ, а лишь къ улучшенію положенія небольшой кучки обученныхъ рабочихъ путемъ превращенія ихъ въ хозяевъ. Благодаря этому, „рабочій классъ бѣднѣетъ и точно снятое молоко, служитъ на пользу буржуазіи: все, что онъ содержитъ лучшаго, въ смыслѣ энергичныхъ и сильныхъ личностей, точно насосомъ выкачивается къверху, а въ массѣ остаются элементы, менѣе способные къ развитію. Я хотѣлъ бы, напротивъ, видѣть этотъ отборъ остающимся въ массѣ и служащимъ ей какъ бы дрожжами, поднимающими все тѣсто“...

Вторымъ недостаткомъ производительныхъ товариществъ является присущій имъ эгоистическій характеръ, т.-е. то, что въ нихъ частные интересы преобладаютъ надъ общими. Корпоративный же эгоизмъ еще болѣе развитъ и упоренъ, чѣмъ индивидуальный. Эти производительные кооперативы не только будутъ враждебно настроены противъ потребителей, но будутъ враждовать и между собою такъ же, какъ теперь враждуютъ фабриканты, и такимъ образомъ анархическое состояніе промышленности не уничтожится. Можно опасаться, какъ бы эти общества, получивъ господство на рынкѣ, не стали поднимать цѣны и не приняли характера монополій, враждебныхъ интересамъ публики. „Вотъ почему я предпочитаю, чтобы собственность на орудія производства страны перешла къ обществамъ потребителей. Я полагаю, что орудія производства должны принадлежать не столько тѣмъ, которые призваны ими завѣдывать, сколько тѣмъ, которые

призваны ими пользоваться, ибо въ концѣ концовъ они созданы для послѣднихъ“.

На этомъ основаніи въ противовѣсъ производительнымъ товариществамъ Жидъ выдвигаетъ идею потребительской кооперации, которая на извѣстной стадіи своего развитія должна овладѣть и производствомъ, заводя собственныя мастерскія, фабрики и приобретаая фермы. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вполне правъ, и послѣдующее развитіе французской кооперации несомнѣнно обязано Нимской школѣ тѣмъ, что выбралось, наконецъ, на торную дорогу. Нужно замѣтить, впрочемъ, что Ш. Жидъ не былъ новаторомъ въ этой области, а исходилъ, — какъ онъ самъ не разъ указывалъ, — изъ опыта англійской кооперации. Вся разница только въ томъ, что англичане со свойственной имъ осторожностью воздерживались отъ черезчуръ поспѣшныхъ обобщеній, Шарль Жидъ же нѣсколько увлекся и воспарилъ на крыльяхъ своей фантазіи.

Почему же, однако, пропаганда Нимской школы такъ медленно и съ затрудненіями прокладывала себѣ дорогу?

Однимъ изъ серьезныхъ — хотя и чисто внѣшнихъ — препятствій, мѣшавшихъ вначалѣ развитію потребительныхъ обществъ, является упорное противодѣйствіе со стороны лавочниковъ.

„Это явленіе наблюдается во всѣхъ странахъ, но во Франціи борьба была, можетъ быть, болѣе ожесточенна, ибо мелкая торговля занимаетъ здѣсь наиболѣе важное положеніе. Количество мелкихъ лавочниковъ не поддается учету; открыть мелочную лавочку — вотъ идеаль, къ которому стремится французская масса — рабочіе, прислуга, крестьяне“.

Другимъ обстоятельствомъ, сильно мѣшавшимъ успѣху Нимской пропаганды, нужно считать ту оппозицію, которую она встрѣтила со стороны только что сформировавшейся рабочей социалистической партіи.

Благожелательное отношеніе къ кооперации, проявленное на Парижскомъ и Ліонскомъ рабочемъ конгрессѣ, было очень непродолжительно. Уже на Марсельскомъ конгрессѣ 1879 г. партія коллективистовъ, возродившаяся подъ руководствомъ пылаго Жюля Гада, составила большинство, отклонившее резолюцію кооперативной группы пренебрежительнымъ заявленіемъ, что „производительныя или потребительныя товарищества, имѣя возможность улучшать участь только небольшого количества привилегированныхъ, ни коимъ образомъ не могутъ быть разсматриваемы, какъ средства, достаточно могущественныя для освобожденія пролетаріата“. Такъ началась борьба между кооператистами и коллективистами, долго обезсилившая обѣ стороны.

„Велико число погибшихъ благодаря имъ кооперативныхъ организацій“ — замѣчаетъ по этому поводу Жидъ, — „но еще большому количеству социалисты не дали даже зародиться, возбуждая противъ нихъ среди рабочаго класса чувства недовѣрія и вражды“.

На чемъ же покоилась эта вражда и недоверіе къ кооперации со стороны передовыхъ рабочихъ круговъ? Въ настоящее время, подведя итоги этой распри, можно положительно сказать, что значительную роль здѣсь играли недоразумѣнія, въ которыхъ Нимская школа неповинна. Такъ, предубѣжденію противъ кооперации сильно способствовало то обстоятельство, что послѣдняя всегда представлялась во Франціи въ видѣ производительныхъ товариществъ, которые обманули возлагавшіяся на нихъ надежды, и недостатки данныхъ обществъ были совершенно неосновательно распространены на всѣ виды кооперации. Что касается потребительской кооперации, то глава французскихъ коллективистовъ, Ж. Гадъ съ самаго начала занималъ рѣзко враждебную позицію также и противъ нея. Ибо послѣдняя, по его мнѣнію, въ своемъ поступательномъ движеніи упраздняетъ мелкихъ лавочниковъ и торговыхъ посредниковъ, лишая ихъ обычнаго заработка и выбрасывая въ ряды пролетаріата. Увеличеніе же предложенія рабочихъ рукъ приводитъ къ соотвѣтственному пониженію заработной платы ¹⁾... Этого взгляда, отрицающаго за кооперацией всякое право на какое-нибудь вниманіе со стороны рабочаго класса, Ж. Гадъ придерживается, повидимому, до сихъ поръ, но нынѣ онъ уже не находитъ себѣ сочувствія.

Декларация, принятая конгрессомъ социалистическихъ кооперативовъ въ Калѣ лѣтомъ 1914 г., провозглашаетъ вполне определенно, что „кооперация защищаетъ средства существованія рабочихъ отъ беззастѣнчивыхъ притязаній посредниковъ и ихъ ярма. Она открываетъ могущественные способы дѣйствія, чтобы улучшить условія ихъ жизни, труда и борьбы и сдѣлать ихъ способными къ разрѣшенію трудной и сложной задачи коллективнаго управленія. Она тѣмъ болѣе чревата благотѣльными результатами, что, увлекаемая своимъ собственнымъ принципомъ къ формамъ все болѣе широкимъ, безпрестанно расширяетъ свою область и переходитъ шагъ за шагомъ отъ группировки индивидуумовъ къ союзу кооперативовъ и къ общей федераціи кооперативныхъ силъ.

Используя въ этомъ смыслѣ свою потребительскую силу, рабочій классъ парализуетъ своими живыми усиліями торговый паразитизмъ и создаетъ, непосредственно въ противовѣсъ капиталистической конкуренціи, широкіе и вѣрные выходы для организации собственнаго производства, а также сохраняетъ значительные резервы въ предвидѣніи экономическихъ кризисовъ. Но кооперативная дѣятельность не заключается только въ улучшеніи условій жизни рабочаго класса и въ увеличеніи его силы и энергіи его требованій. Она должна имѣть главнѣйшимъ результатомъ нанесеніе ущерба капиталистическому режиму, обобществляя въ пользу потребительскаго коллектива, путемъ упраздненія торговыхъ посредниковъ и организации федеральнаго производства, часть орудій обмѣна и производства, каждый день

¹⁾ Ю. Переяславскій.—Изъ практики и теоріи французской кооперации. Вѣстникъ Кооперации № 4 за 1911 г.

возрастающую ¹⁾. Подобная резолюція знаменуетъ уже собою полный разрывъ съ той позиціей, на которой стояли первоначально французскіе социалисты, и признаніе основныхъ положеніе Нимской школы. Ш. Жидъ побѣдилъ Ж. Гада... Точно также оказался онъ болѣе правымъ и въ томъ, что отстаивалъ самостоятельность и независимость кооперативныхъ организацій отъ притязаній со стороны тѣхъ коллективистовъ, которые готовы были ихъ признать подл условіемъ извѣстнаго подчиненія социалистической партіи (въ видѣ, напр., отчисленія нѣкоторой части доходовъ и т. д.).

Въ деклараціи вышеупомянутаго конгресса въ Калэ по данному пункту подчеркивается, что для того, „чтобы кооперативное движеніе могло служить социалистическимъ конечнымъ цѣлямъ, оно должно—согласно резолюціямъ международныхъ конгрессовъ въ Копенгагенѣ и Гамбургѣ—сохранять строго свою автономію и никакая подчиненная зависимость не должна мѣшать ея развитію“. А въ декабрѣ 1912 г. на объединительномъ конгрессѣ въ Турѣ состоялось, наконецъ, долго подготавливавшееся сліяніе двухъ главныхъ теченій французской потребительской коопераціи—нейтралистовъ (сторонниковъ Нимской школы съ Ш. Жидомъ во главѣ) и социалистовъ. На этомъ конгрессѣ былъ принятъ уставъ Національной федераціи потребительныхъ кооперативовъ, цѣлью которой выставлялось: „замѣна настоящаго капиталистическаго и основаннаго на конкуренціи режима такимъ, въ которомъ производство будетъ организовано въ пользу потребителей, а не въ пользу прибыли“. При этомъ все общество, входящія въ федерацію, должны въ пятилѣтній срокъ стать открытыми организаціями, принимающими въ свои члены независимо отъ политическихъ или религіозныхъ взглядовъ, а также отъ принадлежности къ тому или иному классу ¹⁾.

Такъ закончилась, наконецъ, борьба, продолжавшаяся четверть вѣка—борьба, изъ которой Нимская школа вышла во многихъ существеннѣйшихъ пунктахъ несомнѣнно побѣдительницей. Я говорю—во многихъ, но не во всехъ, ибо въ теоріи, развиваемой Жидомъ, имѣется не мало пунктовъ, которые, питая распрю и вызывая оппозицію со стороны болѣе радикальныхъ элементовъ, были въ то же время сомнительны по существу. Если ошибочна точка зрѣнія Ж. Гада, отрицающая за коопераціей какое бы то ни было положительное значеніе, то невѣрно также и утвержденіе Нимской школы, что кооперація—все и что она одна можетъ справиться съ поставленной себѣ задачей.

Основное положеніе, изъ котораго исходитъ Жидъ—что дѣло потребителей, а не производителей реорганизовать общество, и

¹⁾ А. Бакурцевъ.—Борьба съ дороговизной Французской рабочей партіи. В. Кооперациі № 6 за 1911 г.

²⁾ А. Зоринъ.—Объединительный конгрессъ французской потребительской коопераціи. В. Кооперациі № 4 за 1913 г.

что потребитель—все, логически является малообоснованнымъ по формѣ и ложнымъ по существу. Вѣдь прежде чѣмъ потреблять, нужно произвести то, что подлежитъ потребленію, и социальное положеніе тѣхъ или иныхъ классовъ общества опредѣляется въ вѣ концѣ концовъ не тѣмъ, сколько они тратятъ, какъ и на что, а тѣмъ, сколько они получаютъ и какова природа ихъ доходовъ.

Предположеніе Жюда, что потребительныя общества могутъ охватить все населеніе и взять въ свои руки всѣ (или большую часть) средства и орудія производства и такимъ образомъ завоевать торговлю, промышленность и земледѣліе—несомнѣнно относится къ области фантазіи, а не научной теоріи. Произволительная дѣятельность потребительныхъ кооперативовъ можетъ рассчитывать на успѣхъ лишь постольку, поскольку она опирается на собственный рынокъ сбыта, т.-е. поскольку производить предметы потребленія. Между тѣмъ характерная особенность капиталистическаго строя въ томъ и заключается, что огромную и все возрастающую роль въ немъ играетъ именно изготовленіе и сбытъ средствъ и орудій производства (каменноугольная, желѣзодѣлательныя и др. виды крупной индустріи); овладѣть же этой твердыней капитализма потребительныя общества не въ состояніи. Столь же проблематична и мысль Жюда, что потребительская кооперация, служа орудіемъ социальнаго мира, можетъ объединить въ себѣ всѣ слои и классы населенія и что благодаря ей „антагонизмъ, существующій между буржуазіей и рабочими, можетъ быть уничтоженъ“ (см. с. 76 и 131 стр.).

Что-нибудь изъ двухъ: или кооперация—въ погонѣ за пріобрѣтеніемъ сочувствія и поддержки вліятельныхъ слоевъ буржуазіи—откажется отъ послѣдовательнаго проведенія широкихъ социально-реформаторскихъ началъ и тогда она оттолкнетъ отъ себя передовую часть рабочаго класса и не можетъ стать орудіемъ социальнаго преобразованія. Или же она будетъ настойчиво и открыто стремиться къ этому—тогда она можетъ стать центромъ организациі широкихъ массъ трудового населенія, но оттолкнетъ отъ себя плутократическіе элементы и отъ надежды завлечь Ротшильдовъ въ ея ряды придется уже отказаться...

Съ этимъ недоразумѣніемъ, жертвой котораго сдѣлалась Нимская школа, приходится очень часто встрѣчаться въ кооперативной литературѣ, и причина этого лежитъ несомнѣнно въ неразработанности основныхъ понятій кооперативной теоріи, въ отсутствіи научнаго опредѣленія кооператива.

Въ дальнѣйшемъ III. Жюду пришлось уже смягчить свой взглядъ на единоспасающее, исключительное значеніе потребительской кооперациі и признать также другіе виды кооперативовъ для совмѣстной работы по достиженію конечной цѣли: реорганизациі существующаго общественно-экономическаго строя на новыхъ началахъ

„Мы желаемъ,—говорилъ онъ на конгрессѣ 1893 г. въ Греноблѣ,—путемъ учрежденія производительныхъ, потребительныхъ, кредитныхъ и строительныхъ кооперативовъ способствовать пере-

ходу промышленности, торговли, банковъ, капиталовъ, заводовъ, домовъ отъ ихъ нынѣшнихъ владѣльцевъ къ потребителямъ, ко всему обществу.

Но мы не считаемъ необходимымъ для достиженія нашей цѣли прибѣгать къ экспроприаціи; наша задача шире: мы считаемъ возможнымъ создать въ достаточномъ количествѣ новыя богатства и намъ не придется вырывать изъ рукъ буржуазіи, точно кость у собаки, богатства ею приобретенныя. Пусть она ихъ сохраняетъ, —мы добудемъ другія“ (157 стр.).

Но и привлеченіе остальныхъ видовъ коопераціи представляется намъ еще далеко недостаточнымъ для обоснованія теоріи кооператизма, какъ особой социальной системы, выдвигаемой Жидомъ. Для этого необходимо значительно болѣе широкій фундаментъ, и создать его можно только путемъ включенія въ кругъ коопераціи такъ называемыхъ профессиональных союзовъ и другихъ антикапиталистическихъ единеній, до сихъ поръ исключаемыхъ изъ нея по своей структурѣ и цѣлямъ однородныхъ съ нею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно устранить еще одно недоразумѣніе. Напрасно Ш. Жидъ думаетъ, что описываемая имъ система кооперативнаго хозяйства означаетъ уже полное разрѣшеніе социального вопроса. „Въ то время какъ при существующемъ порядкѣ вещей капиталъ, будучи собственникомъ, получаетъ доходы а трудъ отдается въ наемъ—при кооперативномъ хозяйствѣ, вслѣдствіе обратнаго измѣненія положеній, рабочій или потребитель, будучи собственникомъ, будетъ получать доходы, а роль капитала будетъ ограничена ролью простого наемщика“ (98 стр.). Здѣсь кроется существенное недоразумѣніе. Эволюція потребительской коопераціи въ сторону успѣшнаго завоеванія ею все новыхъ и новыхъ отраслей производства—несомнѣнный фактъ но фактъ также и то, что система наемнаго труда (салиаріата) при этомъ сохраняется въ полной мѣрѣ¹⁾.

То же самое наблюдается и въ области кредитной, строительной и селѣско-хозяйственной коопераціи. Свою теорію кооператизма Ш. Жидъ развиваетъ въ противовѣсъ или въ замѣну социализма, и въ этомъ была его ошибка, ибо эти два понятія нужно строго различать. Социализмъ—это ученіе о будущемъ строѣ общественно экономическихъ отношеній; кооператизмъ же долженъ стать научной теоріей, объясняющей настоящее, изучающей тотъ своеобразный міръ, который народился и существуетъ въ нѣдрахъ капиталистическаго строя въ видѣ многихъ десятковъ тысячъ кооперативныхъ ячеекъ, и тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ этомъ строѣ.

¹⁾ На этомъ основаніи, напр., А. В. Яковлевъ упрекалъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ Рочдельское о—во справедливыхъ пионеровъ въ отсутствіи отъ принциповъ коопераціи. „Прославленная Рочдельская ассоціація во многихъ частяхъ своей широкой дѣятельности отступила отъ своей первоначальной цѣли и сдѣлалась ассоціаціей капиталистовъ, пользующихся доходомъ предпріятія, которое ведется наемными рабочими, не участвующими въ барышахъ“. Сборникъ „Недѣля“—Русскіе общественные вопросы 1872 г. Стр. 279.

Г Л А В А VIII.

И в ъ Г ю й о.

Имя Ивѣ Гюйо совершенно неизвѣстно у насъ въ Россіи; между тѣмъ его произведеніе—„Конфликты труда и ихъ разрѣшеніе“, вышедшее въ 1903 г., заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. До сихъ поръ въ кооперативныхъ системахъ главное мѣсто занимали или производительныя товарищества, или потребительныя общества; Ивѣ же Гюйо на первое мѣсто въ разрѣшеніи современнаго соціального вопроса выдвигаетъ трудовыя артели, которыя какъ на Западѣ, такъ и у насъ, гдѣ ими когда-то сильно увлекались, находятся въ полномъ пренебреженіи. Вотъ почему будетъ очень важно познакомиться поближе съ этой своеобразной системой *).

Центральной идеей въ міросозерцаніи Гюйо является право на трудъ, которое было провозглашено еще знаменитымъ Тюрго въ его указѣ 1776 г. объ отмѣнѣ всякаго рода корпорацій, какъ первое, самое священное и неотъемлемное изъ всѣхъ правъ собственности, принадлежащее каждому человѣку. За провозглашеніе этой истины Тюрго долженъ былъ поплатиться своей отставкой. Система корпорацій такъ тѣсно была связана съ другими привилегіями стараго режима, что она была отмѣнена одновременно съ ними въ знаменитую ночь 4 августа. Предисловіе къ конституціи 13 сентября 1791, послѣ упоминанія объ уничтоженіи дворянства, орденовъ и т. п., содержало слѣдующіе два параграфа: отнынѣ уничтожаются всѣ привилегіи или исключеній изъ законовъ, общихъ для всѣхъ французовъ, какъ для какой-либо части націи, такъ и для отдѣльных лицъ. Нѣтъ болѣе ни цеховыхъ присяжныхъ, ни профессиональных корпорацій, ни ремесленныхъ цеховъ“.

Законъ 14-17 іюня 1791 г. имѣли своей цѣлью воспрепятствовать возстановленію корпорацій, и несмотря на всѣ попытки, предпринимавшіяся въ этомъ направленіи въ періодъ консульства и Имперіи, свобода труда все таки восторжествовала.

Однако среди рабочихъ живы были еще традиціи средневѣковыхъ обществъ подмастерьевъ.

Несмотря на запретительные законы, они устраивали коалиціи и стачки. Закономъ 1864 г. право стачекъ было наконецъ признано французскимъ уголовнымъ уложеніемъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ войны появились рабочіе синдикаты и стали развиваться. Въ то время какъ всѣ остальные граждане постоянно находятся подъ угрозой 291—294 ст. уголовного уложенія, законъ

*) Les conflits du travail et leur Solution par Yves Guyot. Paris 1903.

1884 г. отмѣнили эти послѣднія, а также и другія аналогичныя статьи по отношенію къ профессиональнымъ союзамъ, и это обстоятельство—по мнѣнію Гюйо—дѣлаетъ законъ 1884 г. закономъ исключительнымъ, создающимъ привилегію.

Согласно ст. 3, цѣлью профессиональныхъ синдикатовъ является исключительно изученіе и защита экономическихъ, промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ интересовъ. Но каждый понимаетъ эту защиту экономическихъ, земледѣльческихъ и т. п. интересовъ, какъ защиту своихъ собственныхъ интересовъ, и на этомъ основаніи многочисленные синдикаты производятъ покушенія на карманъ потребителей. Такъ, земледѣльческіе синдикаты, руководимые Мелиномъ, подъ предлогомъ защиты національнаго труда, заставляютъ платить въ пользу своихъ членовъ покровительственныя пошлины, которыя имѣютъ своимъ назначеніемъ не вознагражденіе за публичныя услуги, а просто барыши частныхъ лицъ, т. е. являются чѣмъ-то въ родѣ феодальнаго налога.

Законъ 1884 г. создалъ привилегію для образованія свѣтскихъ конгрегацій, въ которыхъ очень часто проявляются тѣ же страсти, тѣ же понятія и стремленія къ стѣсненію, преслѣдованію и враждѣ, какъ и въ религіозныхъ конгрегаціяхъ. Поэтому во Франціи—такъ же какъ и въ Англіи или въ Соединенныхъ Штатахъ—наблюдается тотъ же духъ тираніи съ допущеніемъ насильственныхъ мѣропріятій по отношенію къ лицамъ, не состоящимъ членами синдикатовъ, какъ и въ старой инквизиціи.

Авторъ закона 1884 г. Вальдекъ Руссо самъ сознавалъ, что нужно профессиональнымъ союзамъ указать цѣль болѣе определенную, чѣмъ „изученіе и защита экономическихъ интересовъ.“ Въ своей объяснительной запискѣ къ проекту закона 1899 г. о профессиональныхъ синдикатахъ онъ констатируетъ, что законъ 1884 г. далъ имъ только „ограниченную правоспособность, которая несмотря на хорошія слова не давала простора никакой положительной и матеріальной дѣятельности (entreprise).“ Вальдекъ Руссо и поставилъ себѣ цѣлью отвратить синдикаты отъ ихъ чисто политическихъ стремленій и направить главнымъ образомъ въ сторону экономической дѣятельности, предоставляя имъ для этого право совершать коммерческіе акты, подъ условіемъ нѣкоторыхъ специальныхъ обязательствъ.

Проектъ 1899 г. не устраняетъ основныхъ недостатковъ закона 1884 г. Определеніе цѣли, которую долженъ преслѣдовать синдикатъ, осталось прежнимъ. Новый проектъ лишь расширяетъ правоспособность синдикатовъ, отмѣняя ограниченія для пріобрѣтенія недвижимости. Члены ихъ всегда могутъ выйти изъ состава организаціи, какъ прежде; но—какъ и раньше—они должны при этомъ отказаться отъ сдѣланныхъ ими взносовъ и своей доли въ общественномъ имуществѣ. Законъ 1884 г. и новый проектъ содѣйствуютъ образованію неотчуждаемаго имущества, принадлежащаго не отдѣльному лицу, а легальной фикціи, именуемой синди-

катомъ. „Эта собственность—говорится въ объяснительной запискѣ—принадлежитъ не каждому изъ членовъ синдиката, а только этому послѣднему, разсматриваемому въ качествѣ отдельнаго юридическаго лица, отличнаго отъ его членовъ“. Проектъ закона не говоритъ, что эта собственность вѣчная, но онъ это подразумѣваетъ.

Но въ какомъ же видѣ проектъ предусматриваетъ возможность для синдиката совершать коммерческіе акты?

По мысли Вальдека Руссо, онъ просто могъ бы сдѣлаться поставщикомъ труда; считая это коммерческой сдѣлкой, онъ говоритъ далѣе въ своей запискѣ: „Если синдикатъ совершаетъ коммерческіе акты, берется за предпріятіе, беретъ концессіи, то, значить, онъ занимается поставкой рабочей силы безъ сырыхъ матеріаловъ и тогда дѣйствительно синдикатъ сливается съ торговымъ товариществомъ“.

Новый проектъ предоставляетъ синдикату возможность образовывать торговое товарищество съ ограниченной отвѣтственностью, предусмотрѣнное законами 1867 и 1893 гг.

Но синдикатъ самъ по себѣ можетъ образовать подобное товарищество.

Синдикатъ, какъ юридическое лицо, можетъ быть собственникомъ всей совокупности акцій, администраторы торговаго товарищества не обязаны быть членами его въ отдельности; общее собраніе будетъ состоять изъ уполномоченныхъ, назначаемыхъ синдикатомъ.

Каждый участникъ долженъ имѣть свою долю въ прибыли и имуществѣ, на основаніи правилъ, опредѣляемыхъ уставомъ; послѣдній также устанавливаетъ условія, на которыхъ члены, выходящіе изъ синдиката, и слѣдовательно и изъ товарищества, должны ликвидировать свои права, согласно своимъ взносамъ и времени, проведенному въ ассоціаціи.

По мнѣнію Гюйо, мысль Вальдека Руссо направить вниманіе синдикатовъ въ сторону положительной экономической дѣятельности вполне правильна, но его проектъ не достигаетъ этой цѣли, ибо оставляетъ за синдикатомъ его характеръ объединенія, преслѣдующаго неопредѣленные цѣли, съ несвязанными другъ съ другомъ членами, и избавленнаго отъ публичной отчетности. Такимъ образомъ рабочіе союзы по прежнему остаются орудіемъ борьбы, какъ это особенно выясняется изъ § 10 проекта. По смыслу этой статьи, если кто будетъ препятствовать осуществленію правъ, признаваемыхъ настоящимъ закономъ—путемъ отказа въ наймѣ или увольненія, а также объявленія подъ запрещеніемъ, провозглашаемаго синдикатомъ—за исключеніемъ случаевъ, когда послѣднее дѣяніе предпринимается въ цѣляхъ обезпеченія условій труда, установленныхъ синдикатомъ, или пользованія правами, гарантированными гражданамъ законами,—то это будетъ рассматри-

ваться, какъ гражданское правонарушеніе, дающее основаніе для предъявленія иска о возмѣщеніи причиненнаго ущерба. Искъ этотъ можетъ быть предъявленъ или потерпѣвшей стороной, или синдикатомъ.

По мнѣнію Гюйо, данная статья по духу своему очень близко подходитъ къ извѣстному предложенію, связанному съ именемъ Bonier-Lapierre. Послѣдній предлагалъ обязать—подъ страхомъ штрафа или тюремнаго заключенія—предпринимателей принимать на службу всѣхъ лицъ, состоящихъ членами синдиката и предлагающихъ свои услуги, а также держать ихъ, разъ они уже наняты—у себя беземѣнно.

Правда, Вальдекъ Руссо не впадаетъ въ эту крайность. Онъ признаетъ, что брать или не брать то или иное лицо на службу есть законное право нанимателя. Но далѣе онъ прибавляетъ, что было бы крупной юридической ошибкой думать, что пользованіе законнымъ правомъ не знаетъ никакихъ ограниченій. Принимать на службу или нѣтъ данное лицо—это законное право нанимателя, но увольнять его за принадлежность къ синдикату—это уже злоупотребленіе, за которое онъ долженъ нести отвѣтственность.

Далѣе, синдикаты получаютъ право объявлять данное предпріятіе подъ запрещеніемъ, каковое право остается законнымъ и не можетъ дать мѣсто никакому преслѣдованію, поскольку это объявленіе подъ запрещеніемъ преслѣдуетъ цѣль поддержать или провести въ жизнь условія труда, принятія синдикатомъ. Но если данное дѣяніе будетъ вызвано стремленіемъ принудить тѣхъ или иныхъ лицъ вступить въ синдикатъ, то это также должно быть рассматриваемо, какъ злоупотребленіе...

Здѣсь Гюйо усматриваетъ противорѣчіе съ тѣмъ положеніемъ деклараціи правъ человѣка, которое гласитъ, что „законъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ.“ Синдикатъ получаетъ право объявить то или иное предпріятіе подъ запрещеніемъ, т. е. нанести ему ущербъ, не подвергаясь отвѣтственности, но предприниматель не можетъ въ свою очередь отвѣтить тѣмъ же по отношенію къ синдикату, подъ страхомъ предъявленія иска о возмѣщеніи убытковъ. Такимъ образомъ, проектъ Вальдека Руссо устанавливаетъ неравенство въ отношеніи къ двумъ заинтересованнымъ сторонамъ, и эта привилегія, данная рабочимъ союзамъ, вмѣсто того, чтобы обратить ихъ въ сторону положительной экономической дѣятельности, послужитъ къ возбужденію борьбы, въ видѣ бойкота, стачекъ, судебныхъ процессовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ подобное положеніе заставляеть задуматься нанимателей, которые до сихъ поръ еще придерживаются предразсудка, что уплата денегъ ставитъ человѣка, который ее производитъ, болѣе высоко сравнительно съ тѣмъ, кто ее получаетъ.

Правда, Гюйо этого не одобряетъ и считаетъ, что законодательные акты послѣдствіе революціоннаго времени, ставящіе нанимающихся въ низшее положеніе, противорѣчатъ ст. 7 деклараціи правъ.

человѣка. Но онъ считаетъ, что подобнымъ же нарушеніемъ является и проектъ закона Вальдека Руссо 14 ноября 1899 г., но только уже къ ущербу для патрановъ и къ выгѣдѣ для продавцевъ рабочей силы.

Въ качествѣ покупателя сырья или продавца продуктовъ, всякій предприниматель можетъ отказаться отъ дѣловыхъ связей съ той или иной фирмой, не объясняя мотивовъ и не подвергаясь отвѣтственности по возмѣщенію убытковъ, и эта фирма въ свою очередь можетъ отвѣтить ему тѣмъ же. Но когда дѣло касается найма рабочихъ, то проектъ закона трактуетъ предпринимателя уже совершенно иначе.

Онъ называетъ его хозяиномъ, патрономъ—и взаимнѣ этой квалификаціи его болѣе высокаго соціального положенія налагаетъ на него новое бремя. Если рабочій союзъ объявляетъ патрона подъ запрещеніемъ, то онъ не подлежитъ отвѣтственности въ смыслѣ возмѣщенія причиненнаго ущерба; но, если хозяинъ сдѣлаетъ тоже самое по отношенію къ синдикату, то къ нему можетъ быть предъявленъ искъ о возмѣщеніи убытковъ. Такимъ образомъ, названіе патрона становится признакомъ уже низшаго состоянія, подобно тому какъ во время революціи слово аристократъ служило основаніемъ для занесенія въ проскрипціонный списокъ.

Нужно уничтожить это раздѣленіе въ лицѣ предпринимателя коммерсанта и хозяина. Нужно провозгласить во всеуслышаніе, что патрановъ болѣе нѣтъ, а есть только коммерсанты. Въ самомъ дѣлѣ, когда предприниматель покупаетъ сырье, онъ совершаетъ актъ торговли. Но точно такую же коммерческую сдѣлку онъ совершаетъ и тогда, когда въ видѣ заработной платы оплачиваетъ результаты труда, который подвергъ переработкѣ это сырье. И, наконецъ, продажа изготовленнаго продукта потребителямъ—есть тоже актъ торговли. Такимъ образомъ все эти три операциі имѣютъ одинъ общій характеръ: они суть акты купли—продажи. И такъ какъ принципъ свободной торговли заключаетъ въ себѣ признаніе права для предпринимателя на свободу выбора поставщиковъ сырья или покупателей продукта, но на какомъ же основаніи—побѣдоносно заключаетъ Ивъ Гюйо—можно лишить его свободы выбора лицъ, предлагающихъ ему свой трудъ?

Между тѣмъ ст. 10 проекта Вальдека Руссо о профессиональных союзахъ лишаетъ его именно этой свободы...

Покончивъ съ синдикатами, авторъ переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію другихъ способовъ разрѣшенія противорѣчій между трудомъ и капиталомъ—таковы, напр., производительныя товарищества и участіе рабочихъ въ прибыляхъ.

Производительныя рабочія ассоціаціи въ теченіе долгаго времени привлекали къ себѣ вниманіе, какъ радикальное средство разрѣшенія соціального вопроса и уничтоженія наемнаго труда. Однако надежды, которыя возлагались на нихъ, не оправдывались и общественный интересъ къ нимъ упалъ. Но все же иллюзіи,

порождаемыя ими, не исчезли совсѣмъ, и время отъ времени онѣ оживаютъ вновь—особенно во Франціи, гдѣ впервые расцвѣла идея производительной коопераціи.

Въ 1884 г. была назначена особая парламентская коммиссія для обслѣдованія положенія производительныхъ ассоціацій и докладчикъ ея въ маѣ слѣдующаго года выступилъ съ предсказаніемъ, что не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ у насъ будетъ 500 ассоціацій съ паевымъ капиталомъ въ 100 милл. фр. Однако дѣйствительное развитіе ихъ совершается далеко не такъ быстро: значительное количество товариществ распадается съ теченіемъ времени, а тѣ, которыя выживаютъ, сами въ широкихъ размѣрахъ эксплуатируютъ наемный трудъ—вмѣсто того, чтобы уничтожить его у другихъ...

Точно также авторъ относится очень скептически и къ институту участія рабочихъ въ прибыляхъ, который также одно время пользовался большими симпатіями въ кругахъ промышленниковъ и социальныхъ реформаторовъ умѣреннаго направленія. По его мнѣнію, участіе въ прибыляхъ предполагаетъ право рабочихъ и на контроль за веденіемъ предпріятія. А такъ какъ промышленники къ этому мало расположены, то участіе въ прибыляхъ является скорѣе актомъ филантропіи, чѣмъ мѣрой, имѣющей серьезное социальное значеніе.

На основаніи вышеизложеннаго авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Заключеніе индивидуальныхъ договоровъ невозможно въ промышленныхъ предпріятіяхъ, которыя занимаютъ большое количество рабочихъ; со времени возникновенія конфликтовъ они превращаются въ коллективныя соглашенія.

2) Синдикаты или трэдъ-юніоны являются боевыми организаціями, которыя особенно проявляютъ себя въ моментъ кризисовъ и руководители которыхъ часто заинтересованны въ томъ, чтобы вызвать кризисы.

Во Франціи профессиональные синдикаты суть ассоціаціи лицъ, съ неопредѣленнымъ срокомъ дѣятельности; ихъ собственность не подлежитъ отчужденію; ихъ цѣли смутны и они несклонны къ точнымъ отчетамъ. Они видятъ свою роль защитника интересовъ труда въ томъ, чтобы требовать все большаго и большаго вмѣшательства публичной власти въ отношенія между рабочими и нанимателями. Они исключительны, ибо оспариваютъ другъ у друга первенство и власть.

3) Примирительныя камеры и арбитражныя коммиссіи покоятся на ложномъ принципѣ: онѣ требуютъ, чтобы предприниматели давали отчетъ объ ихъ операціяхъ рабочимъ; не неся ответственности, онѣ стремятся къ установленію условій договора, между тѣмъ, какъ рѣшенію арбитра можетъ быть предоставлено лишь истолкованіе договора или вопросы, вытекающіе изъ исполненія его.

Но чѣмъ же можетъ быть замѣнена нынѣшняя система?

Въ 1842 г. экономистъ Молинали, котораго И. Гюйо объявляетъ человекомъ съ гениальными взглядами, написалъ статью подъ заглавіемъ: „Будущее желѣзныхъ дорогъ“, въ которой высказалъ мысль, что съ облегченіемъ и ускореніемъ передвиженія для рабочихъ со временемъ появятся биржи, подобныя тѣмъ, которыя были основаны для нуждъ капитала, въ цѣляхъ болѣе быстраго и дешеваго обращенія цѣнностей.

„Трудъ—говорить онъ—станетъ предметомъ правильной торговли, онъ будетъ котироваться сообразно спросу, который на него будутъ предъявлять, и его цѣнность увеличится подобно тому, какъ увеличилась цѣнность капиталовъ въ періодъ открытія первыхъ биржъ. Тогда можно будетъ покупать его оптомъ, а не въ розницу.“

Опережая свое время, Молинали не ограничился тѣмъ, что развилъ свою идею въ нѣсколькихъ своихъ произведеніяхъ, но и пытался осуществить ее на практикѣ. На страницахъ *Currier français* онъ указывалъ, что рабочему очень важно знать положеніе различныхъ рынковъ труда и уровень цѣнъ на предметы первой необходимости.

Парижскіе рабочіе отнеслись съ недовѣріемъ къ этой мысли. Такъ, въ частности каменотесы были того мнѣнія, что устройство подобной биржи будетъ содѣйствовать усиленію конкуренціи на парижскомъ рынкѣ. Однако во время революціи 1848 г. префектомъ полиціи Дюку былъ составленъ проектъ биржи труда. Три года спустя онъ былъ представленъ на разсмотрѣніе національнаго собранія, которое однако его отвергло. Въ 1857 г. авторъ основалъ въ Брюсселѣ газету „Биржа Труда“, которая при своемъ появленіи была встрѣчена враждебно предпринимателями, а также подверглась нападкамъ и со стороны защитниковъ труда. Лишь тридцать лѣтъ спустя, въ 1887 г., при содѣйствіи муниципальнаго совѣта состоялось наконецъ открытіе въ Парижѣ первой биржи труда; затѣмъ подобныя биржи открылись почти во всѣхъ крупныхъ городахъ. Однако, по мнѣнію Гюйо, онѣ приняли совѣтъ не тотъ видъ, какой нужно было. „Почти повсюду они стали биржами политическими, содержимыми на счетъ муниципалитетовъ для подготовки социалистическихъ кандидатуръ. Тѣ, кто завладѣли тамъ монополіей, имѣютъ странное представленіе о торговлѣ трудомъ. Если бы биржевые дѣятели выгнали за дверь биржи покупателей цѣнныхъ бумагъ, они несомнѣнно сыграли бы на пониженіе; неужели же защитники труда воображаютъ, что они содѣйствуютъ повышенію курса, выгоняя изъ биржи труда нанимателей?“

Отъ концепціи Молинали въ этихъ учрежденіяхъ осталось лишь одно названіе. Далекіе отъ того, чтобы содѣйствовать мобилизаціи труда, ихъ руководители готовы подвергнуть изгнанію всякаго посторонняго, кто бы сталъ конкурировать съ мѣстными рабочими. Но какъ бы то ни было, идея Молинали была правильна.

Несмотря на стремленіе трэдъ-юніоновъ монополизировать трудъ, въ Англіи—какъ и въ другихъ странахъ—признано, что послѣдній становится все болѣе и болѣе подвижнымъ, по крайней мѣрѣ въ области промышленности. И всякій прогрессъ въ области средствъ сообщенія подтверждаетъ правильность мысли Мопинари: нужно разсматривать трудъ, какъ цѣнность; нужно, чтобы онъ имѣлъ курсъ, устанавливаемый закономъ спроса и предложенія—однимъ словомъ нужно поставить продажу труда на правильныя коммерческія основанія (*commercialiser le travail*).

Для этого необходимо провести принципъ раздѣленія труда и экономіи силъ и въ отношенія между рабочими и нанимателями.

Въ настоящее время администрація фабрики или завода нанимаетъ рабочихъ обыкновенно въ розницу; между тѣмъ въ этомъ заключается рѣзкое противорѣчіе съ тѣми методами, которыми она придерживается въ отношеніи закупки сырья или сбыта своихъ продуктовъ. Здѣсь предпріятіе имѣетъ дѣло съ крупными фирмами, чтобы обезпечить себя отъ всякихъ случайностей, а также отъ массы мелочныхъ хлопотъ, которыя были бы для него неизбежны, если бы оно приобретало необходимые матеріалы небольшими партіями изъ дня въ день.

Торговки на базарѣ всегда запрашиваютъ цѣну и только послѣ горячаго спора сбавляютъ ее, въ видѣ личнаго одолженія къ вамъ. Не такъ поступаетъ крупный негодіантъ. Онъ закупаетъ, напр., хлѣбъ въ Нью-Йоркѣ, Чикаго или Санъ-Франциско, не зная, кто его произвелъ, кто скупилъ и кто доставилъ въ Лондонъ или Парижъ. Здѣсь рѣчь идетъ только о вещи, но не о лицахъ; обмѣнъ имѣетъ исключительно реальный характеръ, въ немъ нѣтъ ничего личнаго.

Это безразличіе въ отношеніи выбора и эта безличность должны замѣнить собою то отношеніе человѣка къ человѣку, какое существуетъ нынѣ въ договорѣ личнаго найма.

Наемъ труда въ розницу нисколько не гарантируетъ руководителя предпріятіемъ отъ плохой работы. Такъ, рабочимъ ввѣряютъ матеріалы, которыя стоятъ большихъ денегъ—сталь, заторные чаны и т. п. Если рабочій сдѣлаетъ промахъ, послѣдствіемъ коего будутъ крупныя убытки, то онъ не несетъ никакой реальной отвѣтственности. Конечно, нужно удивляться профессиональной честности рабочихъ, которые стараются изготовить продуктъ возможно лучшаго качества; они имѣютъ профессиональное самолюбіе и съ презрѣніемъ относятся къ тѣмъ, кто работаетъ плохо или не любитъ своего ремесла. Но многіе изъ нихъ убѣждены все таки въ томъ, что ихъ эксплуатируютъ. Одни исходятъ при этомъ изъ личныхъ столкновеній, которыя имѣли съ ними мѣсто въ жизни, другіе—по горячности, возбуждаемой ораторами и писателями, проповѣдующими, что источникъ прибыли заключается въ присвоеніи неоплаченнаго труда. Большинство ихъ не

стремится къ тому, чтобы вознаградить себя за это плохой работой; но не подлежит сомнѣнію, что въ значительной части отраслей промышленности наниматель всецѣло зависитъ отъ доброй воли своихъ рабочихъ. Дѣйствительно, какъ предприниматели, такъ и рабочіе обыкновенно не считаютъ договоръ найма труда за настоящій контрактъ.

Работодатели думаютъ, что несмотря на ст. 1780 гражданского уложенія у нихъ нѣтъ права на возмѣщеніе убытковъ, если рабочій отказывается отъ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ; рабочіе съ своей стороны также охотно соглашаются съ тѣмъ, что обязательство лежитъ на предпринимателѣ. Въ случаѣ стачки они всегда бросаютъ работу неожиданно, не считаясь съ условленными сроками предупрежденія.

Такимъ образомъ, для нанимателя вопросъ о гарантіи исполненія договора представляетъ интересъ первостепенной важности. Но эта гарантія можетъ быть только коллективной. И дѣйствительно, коллективный договоръ представляетъ большія преимущества, сравнительно съ индивидуальнымъ, для обѣихъ сторонъ. Для предпринимателя онъ заключается въ слѣдующемъ: во 1-хъ онъ дѣйствуетъ оптомъ, заключая только нѣсколько договоровъ вмѣсто чрезвычайно большого количества ихъ. Далѣе, онъ освобождается отъ всѣхъ хлопотъ, съ которыми связанъ наемъ рабочихъ,—наблюденіе за ними, улаживаніе конфликтовъ и борьба со стачками.

Во 2-хъ онъ получаетъ гарантію, которой ему теперь не хватаетъ, въ отношеніи исполненія труда или плохой работы.

И чтобы достигнуть этого, нужно только замѣнить договоръ найма въ услуженіи договоромъ найма для производства определенной работы.

Какъ извѣстно, гражданскій кодексъ Наполеона, говоря о договорѣ найма, различаетъ два вида его—наемъ вещей и наемъ труда. Последний въ свою очередь заключаетъ въ себѣ три основныхъ группы договоровъ: 1) наемъ рабочихъ, которые поступаютъ къ кому-нибудь въ услуженіе; 2) наемъ возчиковъ, которые обязываются перевозить людей или товары—сухимъ путемъ или водою и 3) наемъ подрядчика для производства работъ по смѣтнымъ или оптовымъ цѣнамъ.

Договорамъ перваго вида посвящена 1780 статья гражданского кодекса, дополненная закономъ 27 дек. 1890 г., который касается условій прекращенія договора и говоритъ, что „наниматься въ услуженіе можно только на извѣстный срокъ или въ цѣлхъ выполненія определенного дѣла“.

Въ то время какъ въ старой концепціи рабства личность продаетъ себя всецѣло, здѣсь она считается свободной отъ обязательствъ, и гражданскій кодексъ проводитъ рѣзкое различіе между личностью и ея услугами. Мысль эта въ деклараціи правъ нашла себѣ выраженіе въ слѣдующихъ словахъ: „всякій человѣкъ

может продавать (engager) свое время и свои услуги, но онъ не можетъ ни продать себя, ни быть проданнымъ, и его личность есть не отчуждаемая собственность“.

Однако, въ трудѣ домашней прислуги наблюдается смѣшеніе признаковъ—здѣсь услуги принимаютъ характеръ неопредѣленныхъ обязанностей, поскольку здѣсь нѣтъ раздѣленія труда. Точно также при поденной работѣ человѣкъ отдаетъ все свое время и всѣ силы въ распоряженіе нанимателя на извѣстный срокъ. Этотъ видъ продажи труда имѣетъ двойное неудобство—съ точки зрѣнія, какъ нанимателя, такъ и нанимающагося. Наниматель говоритъ себѣ, что нанимающійся постарается сдѣлать возможно меньше, и что онъ не найдетъ въ немъ работника, стоящаго затраченныхъ денегъ. Въ концѣ концовъ этотъ видъ труда обходится весьма не дешево, не смотря на мелочной и деспотическій надзоръ, котораго онъ требуетъ. Для рабочаго этотъ видъ найма представляется еще одной изъ формъ рабскаго труда. Человѣкъ принуждается здѣсь работать подъ непосредственнымъ наблюденіемъ другого. Если послѣдній и не имѣетъ болѣе права подгонять его ударами хлыста для возбужденія дѣятельности, то онъ можетъ воздѣйствовать на него морально—и это воздѣйствіе можетъ быть столь же тяжелымъ. Личное достоинство нанимающагося страдаетъ отъ этого, а характеръ нанимателя усваиваетъ отвратительныя черты командованія.

Между тѣмъ уже съ давняго времени тѣ, кто говорятъ именемъ рабочихъ, настаиваютъ на поденной работѣ предпочтительно передъ поштучной. При этомъ они исходили изъ тѣхъ соображеній, что, поступаясь частью своего достоинства и независимости, нанимающійся—при данной формѣ договора—компенсируетъ себя за это меньшей производительностью труда. Въ этомъ они видятъ, по мнѣнію Гюйо, благоприятное обстоятельство, способствующее увеличенію спроса на трудъ.

Что же касается договора о наймѣ подрядчика для исполненія работъ по оптовымъ цѣнамъ, то онъ отличается отъ только что разсмотрѣннаго договора тѣмъ, что при наймѣ въ услуженіе имѣется въ виду работа вообще, а не какой-нибудь опредѣленный видъ ея, тогда какъ въ первомъ случаѣ цѣлью договора является именно выполненіе опредѣленнаго дѣла.

По мнѣнію Гюйо, весь вопросъ о реформѣ трудового договора и сводится къ замѣнѣ найма въ услуженіе подрядомъ. Первый договоръ имѣетъ личный характеръ, а второй—реальный. Весь же прогрессъ—экономическій и социальный—и сводится именно къ тому, чтобы все болѣе и болѣе рѣзко отдѣлять личность отъ вещи.

Договоръ же подряда тѣсно связанъ съ поштучной работой. Что такое поштучная или сдѣльная работа? Это есть маленькое предпріятіе индивидуальнаго характера. Но отдѣльный индивидуумъ часто не можетъ работать въ одиночку и нуждается въ

помощникахъ. И вотъ въ большинствѣ промышленныхъ предприятий заключаются соглашенія съ отдѣльными группами рабочихъ, которыя берутъ на себя выполнение тѣхъ или иныхъ работъ—добычу угля въ шахтахъ, сборку машины въ механическомъ заводѣ и т. д.

Подобный методъ вполне целесообразенъ; его нужно только развить и расширить, переходя отъ розничной поштучной работы къ оптовой. Выполненіе этой задачи и должно быть цѣлью *трудовыхъ кооперативовъ* (cooperatives du travail).

Въ настоящее время предприниматель доставляетъ сырье и орудія производства; рабочіе же изготовляютъ продуктъ.

Такъ вотъ, по мнѣнію Гюйо, десять, двадцать, тридцать или сто рабочихъ могутъ образовать кооперативное анонимное общество для того, чтобы взять на себя снабженіе предпринимателей продуктами труда или услугами, въ которыхъ они нуждаются. Результаты труда будутъ разсматриваться такъ же, какъ всякій другой предметъ торговли.

Подобное общество является такой формой группировки труда, которая одновременно обеспечиваетъ и коллективную организацию труда, и независимость индивидуума. Профессиональный союзъ есть ассоціація лицъ; анонимное же трудовое общество должно быть ассоціаціей, предназначенной для доставленія опредѣленнаго предмета: продуктовъ труда или услугъ. Человѣкъ вступаетъ въ ассоціацію исключительно только для того, чтобы найти примѣненіе своего труда—и ничего болѣе; при этомъ трудъ является здѣсь анонимнымъ.

Когда человѣкъ доставитъ условленное количество труда опредѣленнаго качества, то онъ становится столь же независимымъ отъ ассоціаціи, какъ акціонеръ анонимнаго общества, уплатившій свою акцію. Въ профессиональномъ союзѣ членъ можетъ подвергнуться исключенію и въ такомъ случаѣ онъ теряетъ свою долю въ общественномъ имуществѣ. Въ предлагаемомъ же обществѣ онъ сохраняетъ эту долю въ видѣ акціи, которая можетъ быть сохранена за нимъ или продана по курсу, при чемъ обществу принадлежитъ лишь право преимущественной покупки ея.

Такимъ образомъ, проблема организации труда въ промышленности сводится къ организации анонимныхъ обществъ труда или—какъ ихъ можно еще назвать—трудовыхъ кооперативовъ.

Эти ассоціаціи будутъ товариществами на паяхъ (actions) (каждый изъ членовъ является однимъ изъ собственниковъ общественного имущества), и имѣютъ своимъ назначеніемъ договариваться о доставленіи продуктовъ труда или услугъ своихъ членовъ. Имъ не зачѣмъ будетъ интересоваться вопросами о хорошемъ или плохомъ управленіи въ той фирмѣ, съ которой онъ вступаетъ въ сношенія, или требовать участія въ прибыляхъ, ибо единственной задачей ассоціаціи служить снабженіе промыш-

денника известными продуктами или услугами въ теченіе опредѣленнаго времени и за условленное вознагражденіе.

Но какую же форму должны принять эти товарищества—будутъ ли они основываться по профессіямъ, простираться на обширный районъ, или будутъ связаны съ отдѣльными предпріятіями? По мнѣнію Гюйо, они могутъ принять столь же разнообразныя формы, какъ и обыкновенныя торговыя товарищества. Если они ставятъ себѣ цѣлю, напр., снабженіе предпріятія кочегарами, то ясно, что они могутъ образовываться только для болѣе или менѣе обширной области. Наоборотъ, они могутъ быть связаны съ тѣмъ или инымъ заводомъ, если послѣдній занимаетъ значительное количество рабочихъ одной и той же профессіи.

Въ предпріятіи, охватывающемъ нѣсколько мастерскихъ или отдѣленій, вырабатывающихъ различные продукты, можетъ существовать нѣсколько товариществъ; но, съ другой стороны—рабочіе, принадлежащіе хотя и къ различнымъ, но объединеннымъ въ известныхъ предпріятіяхъ профессіямъ, могутъ образовать сообщество одно только товарищество. Въ случаѣ, если послѣднее объединяетъ членовъ, разбѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, то оно выступаетъ, какъ биржа труда, сообщая ей тотъ экономическій характеръ, какой рекомендовалъ въ 1842 г. Молинали—мобилизаціи труда въ соотвѣтствіи съ развитіемъ путей сообщенія.

Въ другомъ мѣстѣ группа въ двадцать пять рабочихъ можетъ составить товарищество для того, чтобы собрать известное количество локомотивовъ или автомобилей; по окончаніи работы оно можетъ прекратить свое существованіе или принять новую форму, съ присоединеніемъ новыхъ членовъ, для заключенія другаго соглашенія.

Трудовые кооперативы будутъ одновременно ассоціаціями и капиталовъ, и лицъ; ихъ продолжительность будетъ опредѣлена уставомъ и они будутъ обязаны представлять точные отчеты. Этими они будутъ содѣйствовать экономическому воспитанію своихъ членовъ, каждый изъ которыхъ будетъ всегда имѣть известную долю въ общественномъ имуществѣ.

Предпринимателямъ эти кооперативы гарантируетъ рабочую силу за известное вознагражденіе и на известный срокъ. Каждому же изъ своихъ членовъ они обезпечиваютъ независимость отъ нанимателя и увѣренность въ смыслѣ труда сообразно профессиональной подготовкѣ, по существующимъ рыночнымъ цѣнамъ. Промышленники будутъ заинтересованы въ силѣ и благополучіи этого товарищества, ибо оно можетъ предоставить ему гарантіи въ отношеніи точнаго исполненія заключеннаго договора. Въ случаѣ нарушенія послѣдняго предприниматели могутъ примѣнить къ нему ст. 1142 или 1780 гражданскаго кодекса и требовать возмѣщенія причиненныхъ убытковъ, и отвѣтственность здѣсь будетъ вполне дѣйствительная—не только въ случаѣ сознательнаго

неисполненія договора, но и въ случаѣ плохого исполненія работы, зависящаго отъ непредвиденныхъ причинъ.

Заключая соглашеніе съ торговымъ трудовымъ товариществомъ, предприниматель будетъ имѣть передъ собой дѣйствительно отвѣтственное общество—какъ и въ томъ случаѣ, когда онъ заключаетъ соглашеніе съ торговымъ домомъ о поставкѣ ему необходимыхъ сырыхъ матеріаловъ. И чѣмъ солиднѣе будетъ это товарищество, тѣмъ большія гарантіи оно можетъ предоставить. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія предпринимателя подобный образъ дѣйствій представляетъ слѣдующія преимущества: 1) получение рабочей силы оптомъ, вмѣсто того, чтобы нанимать ее въ розницу; 2) гарантія качества и продолжительности труда для условленнаго срока или условленнаго количества продуктовъ, позволяющая промышленнику установить себѣ стоимость предметовъ производства; 3) простота операций и 4) дѣйствительная отвѣтственность товарищества въ отношеніи доставляемыхъ имъ рабочихъ—за плохую работу или ошибки его членовъ и служащихъ.

Каковы теперь преимущества трудовыхъ кооперативовъ съ точки зрѣнія лицъ, ищущихъ приложенія своего труда?

Здѣсь прежде всего Гюйо сталкивается съ возраженіемъ, что рекомендуемая имъ система есть не что иное, какъ обобщеніе подрядной работы, вызывающей рѣзкія возраженія въ социалистическихъ кругахъ и подвергшейся запрещенію во время февральской революціи. „Принимая во вниманіе,—говорится въ декретѣ 2 марта 1848 г.,—что эксплуатація рабочихъ подрядчиками по существу своему несправедлива, тягостна и противорѣчитъ принципамъ братства, временное правительство Республики объявляетъ: эксплуатація рабочихъ подрядчиками при работахъ, отдаваемыхъ съ торговъ, уничтожается.“

Это запрещеніе однако существовало лишь на бумагѣ, ибо слишкомъ расхитилось съ потребностями экономической жизни.

Кромѣ того, въ самомъ декретѣ о запрещеніи подрядной работы допускалось исключеніе, а именно—для трудовыхъ артелей, въ которыхъ, предполагается, нѣтъ мѣста для эксплуатаціи однихъ рабочихъ другими; подъ это исключеніе подходятъ и торговые товарищества для доставленія рабочихъ рукъ.

Правда, предубѣжденіе противъ подрядной работы до сихъ поръ еще сильно въ радикальныхъ кругахъ, и Милльеранъ въ свою бытность министромъ декретомъ 10 августа 1899 г. вновь подтверждаетъ запрещеніе подрядчикамъ передавать свой заказъ по частямъ мелкимъ подрядчикамъ, за исключеніемъ, какъ говорится далѣе, случаевъ ясно выраженаго согласія со стороны администраціи и при условіи сохраненія личной отвѣтственности по отношенію, какъ къ администраціи, такъ и рабочихъ и третьихъ лицъ.

Это послѣднее ограниченіе показываетъ, по мнѣнію Гюйо, что Милльеранъ не скрывалъ отъ себя, что передача подряда (*le marchandage*) продолжаетъ имѣть мѣсто въ дѣйствительности, несмотря на декретъ 1848 г., и будетъ практиковаться далѣе, такъ какъ она въ природѣ вещей. Предприниматель дѣлитъ свое предпріятіе на части въ видахъ экономіи силъ, ибо онъ знаетъ, что ему трудно наблюдать за всѣми дѣлами. Поэтому отъ предпочитаетъ имѣть дѣло съ немногими, но отвѣтственными подрядчиками, чѣмъ съ большимъ количествомъ рабочихъ, не несущихъ фактически никакой отвѣтственности.

Во всякомъ случаѣ, нужно стремиться не къ запрещенію подрядной работы, а, напротивъ, къ расширенію области ея примѣненія. Промышленное предпріятіе должно все болѣе и болѣе становиться серіей работъ, сдаваемыхъ подряднымъ способомъ; послѣдній долженъ стать общимъ правиломъ (*le marchandage doit devenir le règle*)...

И въ этомъ Гюйо видитъ средство къ разрѣшенію острыхъ соціальныхъ конфликтовъ между трудомъ и капиталомъ. Въ 1900 г. во Франціи насчитывалось до 222,000 лицъ, участвовавшихъ въ стачкахъ, при чемъ было выставлено 178,000 требованій увеличенія заработной платы и 78,000 требованій сокращенія рабочаго дня. Такимъ образомъ, означенные два пункта служатъ главной причиной стачечной борьбы.

Между тѣмъ, если образуются и получаютъ примѣненіе вышеуказанныя торговая и трудовая товарищества, то тогда эти поводы къ конфликтамъ исчезнутъ сами собой. Товарищество заключаетъ соглашеніе прежде чѣмъ взяться за работу и ведетъ себя такъ, какъ всякій неогіантъ, согласившійся за извѣстную цѣну поставить опредѣленное количество сырья. И если товарищество откажется отъ выполненія своихъ обязательствъ, то къ нему можетъ быть примѣнена ст. 1141 гражданскаго кодекса, гласящая, что всякій споръ по вопросу о выполненіи или невыполненіи обязательства разрѣшается путемъ иска о возмѣщеніи убытковъ. Слѣдующимъ обстоятельствомъ, дающимъ поводъ къ стачкамъ, является вопросъ о дисциплинѣ и внутреннемъ распорядкѣ. Но при функціонированіи трудовых товариществъ и этотъ вопросъ терять, по мнѣнію Гюйо, свою остроту, ибо при этой системѣ предпринимателю остается лишь заботиться о сохраненіи и лучшемъ использованіи орудій производства, но не о поддержаніи порядка или надзора за рабочими. Въ качествѣ примѣра авторъ приводитъ дѣятельность парижекаго общества типографскихъ рабочихъ, которое внушило ему идею коммерціализаціи труда. Это общество представляетъ собой профессиональный союзъ, который существовалъ еще задолго до закона 1884 г., благодаря терпимости администраціи. Прежде онъ былъ проникнутъ тѣмъ же духомъ исключительности, какъ и другіе синдикаты, и устраивалъ стачки; но затѣмъ дѣятельность

его измѣнилась и приняла коммерческій характеръ. Предполагимъ, напр., что какой-нибудь газетѣ нуженъ извѣстный комплектъ рабочихъ. Ей нужно будетъ имѣть дѣла не съ метранпажемъ, а съ делегатомъ общества, который заключить соглашеніе отъ имени послѣдняго.

Вотъ, напр., ст. 3 договора, который заключенъ редакціей одной газеты съ этимъ обществомъ: „вы обязуетесь доставлять персоналъ наборщиковъ изъ членовъ синдиката и должны сообщать мнѣ фамиліи рабочихъ, входящихъ въ данный комплектъ, а равно и ихъ замѣстителей. Ни одинъ наборщикъ или корректоръ не можетъ быть допущенъ въ присылаемый комплектъ (equipe) безъ моего одобренія и я сохраняю за собой безусловное право потребовать замѣны того или иного рабочаго, не указывая мотивовъ“.

Какъ видно отсюда, администраціи предпріятія предоставляется право требовать безъ объясненія мотивовъ отозванія однихъ лицъ и замѣны ихъ другими. Такъ, напр., въ той смѣнѣ, которая будетъ обслуживать редакцію реакціоннаго журнала, можетъ оказаться рабочій анархистъ, но обычно паганы не интересуются этой стороною дѣла и на этой почвѣ недоразумѣній не происходитъ.

Парижское общество типографскихъ рабочихъ требуетъ болѣе высокой платы, чѣмъ другіе рабочіе, но зато оно беретъ на себя гарантію за надлежащее выполненіе работы. Предпринимателю не нужно заботиться ни о лицахъ, ни о качествахъ ихъ труда; объ этомъ заботится общество, а ему нужно только аккуратно выплачивать деньги. И для тѣхъ, кто предпочитаетъ заключать договоръ найма съ каждымъ рабочимъ въ отдѣльности, Гюйо приводитъ слѣдующій примѣръ, доказывающій выгоду новаго порядка. Согласно ст. 4 договора, „всякій наборщикъ, который въ состояніи опьяненія произведетъ безпорядокъ въ мастерской, долженъ быть немедленно уволенъ“. Лица, входящія въ данную смѣну, очень ревниво относятся къ поведенію своихъ товарищей. Если кто либо является въ мастерскую пьянымъ, то тотчасъ поднимается крикъ: „господа, давайте голосовать“. Затѣмъ происходитъ голосованіе, и виновнаго обыкновенно изгоняютъ. Но онъ исключается не совсѣмъ, а только изъ данной смѣны. Ему предоставляется обратиться къ правленію общества, которое опредѣляетъ его въ другую смѣну и только въ случаѣ повторенія проступка ему угрожаетъ уже исключеніе изъ общества. Теперь представьте, что наемъ производится предпринимателемъ съ каждымъ рабочимъ отдѣльно. Если рабочій провинится, напр.—явится въ нетрезвомъ состояніи, то онъ приходитъ къ хозяину, приводитъ разныя оправданія, воздѣйствуетъ на его чувствительность ссылкой на жену и дѣтей и проситъ оставить его. Что остается дѣлать предпринимателю?—онъ подумаетъ, подумаетъ и оставляетъ его. Такимъ образомъ, отношеніе къ проступкамъ ра-

бочихъ является болѣе строгимъ со стороны ихъ товарищей, чѣмъ предпринимателя, и это можетъ имѣть большое воспитательное значеніе.

Такъ, профессиональный союзъ парижскихъ типографщиковъ, даже не принимая формы торговаго товарищества, сумѣлъ придать коммерческій характеръ своимъ отношеніямъ къ предпринимателямъ. Почему же не расширить область примѣненія этого опыта?

Изъ изложеннаго видно, въ чемъ заключается разница между производительнымъ и трудовымъ товариществомъ. Учредителямъ послѣдняго нѣтъ надобности заботиться о собираніи крупнаго капитала, какъ это необходимо при организаціи производительной ассоціаціи.

Анонимное торговое товарищество по сбыту труда можетъ функціонировать съ весьма незначительнымъ капиталомъ; такъ, напр., товарищество съ переменнымъ капиталомъ для печатанія и распространенія официальныхъ изданій Французской Республики располагаетъ всего капиталомъ въ 6000 фр. Далѣе, ему не приходится также заботиться о закупкѣ сырья, ибо на его обязанности лежитъ лишь доставленіе рабочей силы изъ состава своихъ членовъ, сырье же доставляетъ предприниматель. Наконецъ, и забота о дорогомъ стоящихъ машинахъ и др. орудіяхъ производства также лежитъ не на немъ. Благодаря этому трудовыя товарищества означеннаго типа могутъ основываться съ паемъ въ размѣрѣ 5 фр. вмѣстѣ съ тѣмъ и управленіе ими не представляетъ большихъ затрудненій; ибо функціи товарищества несложны и сводятся къ выполненію только одной задачи. Благодаря этому, всѣ тѣ затрудненія, которыя обычно тормозили развитіе производительныхъ кооперативовъ или приводили ихъ къ гибели,—здѣсь не имѣютъ мѣста и потому трудовыя товарищества могутъ разсчитывать на лучшее будущее.

Но здѣсь возникаетъ вопросъ: конечно, заключеніе коллективнаго договора найма имѣетъ многія несомнѣнныя преимущества, но не могутъ ли профессиональные союзы взять на себя поставку труда на означенныхъ выше условіяхъ—по отношенію ко всѣмъ своимъ членамъ или части ихъ. Флокэ дѣйствительно думалъ, что съ изданіемъ закона о профессиональныхъ синдикатахъ можно вполне реализовать идею Молинали о коммерціализаціи труда. „Въ чемъ же заключается цѣль этихъ рабочихъ ассоціацій—говорилъ онъ въ палатѣ депутатовъ 21 мая 1881 г.,—какъ не въ стремленіи продать самый цѣнный изъ товаровъ—человѣческій трудъ—на возможно лучшихъ условіяхъ. Конечно, цѣль его сводится къ извлеченію барыша и къ распредѣленію его между членами синдиката. Нужно посредствомъ ассоціаціи организовать куплю—продажу того товара, который называется человѣческимъ трудомъ, въ крупномъ масштабѣ, на коллективныхъ началахъ“.

Гражданская правоспособность синдикатовъ дѣйствительно была признана какъ специалистами, такъ и юриспруденціей. Со-

гласно этимъ взглядамъ, синдикатъ имѣетъ все права юридическаго лица и можетъ вступать въ соглашенія не только отъ имени всѣхъ своихъ членовъ, но и части ихъ.

Въ дѣйствительности однако дѣятельность его въ этомъ направленіи наталкивается на затрудненія, ибо по закону онъ не является ни уполномоченнымъ своихъ членовъ, ни управляющимъ ихъ дѣлами. По мнѣнію самого Вальдека Руссо, автора закона 1884 г., профессиональный синдикатъ является представителемъ лишь общихъ интересовъ данной профессіи и не можетъ брать на себя защиту частныхъ интересовъ отдѣльныхъ своихъ членовъ. Въ частности, напр., онъ не можетъ предъявлять иска относительно заработной платы для того или иного члена. Это-то обстоятельство и дѣлаетъ необходимымъ, по мнѣнію Гюйо, образованіе особыхъ товариществъ, исполнительные органы которыхъ были бы надѣлены безусловными полномочіями представлять и защищать передъ лицомъ хозяина матеріальные интересы своихъ членовъ. Этому институту авторъ придаетъ огромное значеніе, видя въ немъ единственное надежное средство къ разрѣшенію современнаго соціальнаго вопроса, т. е. къ устраненію конфликтовъ между трудомъ и капиталомъ.

Трудовые товарищества должны сдѣлать ненужными и излишними, какъ политическую рабочую партію, такъ и профессиональные союзы съ ихъ духомъ исключительности и насилія.

„Соціализмъ ставитъ себѣ цѣлью замѣнить экономическую конкуренцію политической. А что такое представляетъ собой политическая конкуренція? Это—завоеваніе власти. Съ какой же цѣлью? Цѣль эта, какъ для соціалистическихъ, такъ и для религіозныхъ конгрегацій сводится къ одному: обезпечить себѣ власти которая бы позволила имъ обращаться съ остальными людьми, какъ съ ихъ данниками.

Эта надежда на завоеваніе власти заключаетъ въ себѣ все виды иллюзій и мечтаній и даетъ поводъ къ сумасброднымъ выступленіямъ, которыя открываютъ широкій просторъ чисто субъективнымъ концепціямъ.

Нужно замѣнить ихъ объективными реальностями. На мѣсто группъ, организованныхъ для борьбы, нужно поставить трудовые товарищества, имѣющія своей цѣлью полученіе прибыли.

На мѣсто группъ, стремящихся фактически къ сокращенію производства и добивающихся вмѣшательства государства для обезпеченія имъ успѣха, нужно поставить товарищества, которыя были бы заинтересованы въ увеличеніи производства. Общества, имѣющія коммерческій характеръ, являются очень важными орудіями воспитанія: тотъ кто принимаетъ въ нихъ участіе, силою вещей втягивается въ обсужденіе вопросовъ прихода—расхода. Вмѣсто того, чтобы убаюкивать себя феерическими апофеозами, ему приходится сталкиваться съ реальными фактами, и онъ на собственномъ опытѣ, за собственный страхъ и рискъ, научается пони-

мать законъ спроса и предложенія. Онъ оставляетъ свои политическія утопіи ради экономическаго воспитанія и приверженность идеѣ политической борьбы замѣняетъ обученіемъ искусству экономической конкуренціи.“

Какъ видно отсюда, роль, которую отводитъ авторъ для рекомендуемыхъ имъ трудовыхъ товариществъ, претендуетъ на первенствующее значеніе: они должны измѣнить существующія экономическія взаимоотношенія между трудомъ и капиталомъ и вытѣснить всѣ остальные формы организациіи, къ которымъ прибѣгаетъ нынѣ рабочій классъ.

Пропаганда Гюйо, имя котораго пользовалось довольно большою извѣстностью среди французской читающей публики (его перу принадлежитъ рядъ сочиненій по общественно-экономическимъ вопросамъ и онъ занималъ постъ министра общественныхъ работъ), не осталась незамѣченной и вызвала оживленный обмѣнъ мнѣній на страницахъ журналовъ и газетъ. По удостовѣренію автора, онъ получилъ множество писемъ, начиная съ 1899 г., когда имъ были изложены принципы коммерческой организациіи труда, и въ особенности послѣ конференціи въ Льежѣ, организованной бельгійской либеральной рабочей партіей. Многіе промышленники пытались примѣнить рекомендуемую имъ систему у себя на фабрикахъ и заводахъ при наймѣ рабочихъ. Соціалистическій органъ *Journal Charleroi* помѣстилъ воззваніе къ бельгійскимъ профессиональнымъ союзамъ. При обсужденіи въ Парламентѣ закона о профессиональныхъ синдикатахъ, извѣстные бельгійскіе стекольные фабриканты—Baudoux и Lambert предложили придать послѣднимъ форму торговыхъ товариществъ. Точно также Гекторъ Дени, соціалистическій депутатъ г. Брюсселя, внесъ поправку къ законопроекту, сущность которой заключалась въ томъ, чтобы предоставить профессиональнымъ союзамъ право „получать барыши при организациіи совмѣстнаго представительства труда и рабочихъ коллективовъ.“

Однако сколько-нибудь значительныхъ практическихъ успѣховъ это движеніе не достигло и въ настоящее время о немъ ничего не слышно. Сама по себѣ мысль Гюйо не нова: то, что онъ пропагандируетъ, есть не что иное, какъ особая форма трудовыхъ артелей, которыя съ незапамятныхъ временъ возникаютъ, распадаются и вновь образуются, какъ у насъ, въ Россіи, такъ и за-границей. Они тихо дѣлали свое дѣло, но роль ихъ оставалась весьма скромной. Такъ какъ главная причина бѣдственнаго положенія рабочаго класса заключается въ эксплуатаціи его капиталомъ, то вполне естественно, что успія социальныхъ реформаторовъ прежде всего были устремлены на разработку такихъ формъ ассоціаціи, которыя общали освободить рабочаго отъ ига предпринимателя, сдѣлать его свободнымъ и обезпечить ему полный продуктъ труда. Таковы были промышленно-земледѣльческія общины въ духѣ Р. Оуэна и Ш. Фурье, а затѣмъ,

такъ назыв., производительныя рабочія товарищества, пронагандированныя первоначально во Франціи Ф. Бюше и Луи-Вланомъ, и получившія потомъ большую популярность также въ другихъ странахъ. И только, когда всѣ эти попытки оказались неудачными, не оправдавъ возлагавшихся на нихъ надеждъ, наступила очередь для другихъ формъ ассоціацій. Въ частности на трудовыя артели обратилъ вниманіе во Франціи еще задолго до Ивѣ Гюйо нѣкто Гуттъ (Gouttes). На социалистическомъ Конгрессѣ 1879 г. въ Марсели имъ былъ представленъ докладъ отъ имени Тулонскаго рабочаго клуба, въ которомъ онъ указывалъ, что если имѣть въ виду не отдаленное будущее, а настоящее общество, какъ оно есть, то существуетъ лишь двѣ практическихъ формы ассоціаціи: 1) кооперативныя ассоціаціи производства, обладающія орудіями производства и оборотными средствами и 2) рабочія ассоціаціи, не имѣющія ни орудій производства, ни оборотныхъ средствъ.

Однако, въ настоящее время рабочій классъ не имѣетъ средствъ къ основанію ассоціаціи перваго рода (производительныхъ товариществъ) и не обладаетъ подготовкой для того, чтобы руководить ими; поэтому ему остается лишь второй путь—основаніе трудовыхъ товариществъ или артелей, которыя не берутъ на себя предпринимательскихъ функций, а лишь заботятся о снабженіи рабочей силой изъ среды своихъ членовъ. „Этотъ видъ ассоціаціи, первымъ результатомъ котораго будетъ союзъ труда и капитала, долженъ управляться на основаніи уставовъ, имѣть административный совѣтъ и управляющаго, облеченнаго полномочіемъ заключать соглашенія съ промышленными предпріятіями относительно выполненія работъ. Эти товарищества возьмутъ на себя полную отвѣтственность по выполненію работъ, не заботясь ни о пріобрѣтеніи сырыхъ матеріаловъ, ни объ орудіяхъ производства, и не касаясь вопроса въ барышахъ, получаемыхъ промышленными предпріятіями; получая отъ послѣднихъ матеріалы, они должны будутъ обработать ихъ и сдать въ готовомъ видѣ на условіяхъ, заключенныхъ по добровольному соглашенію между управляющими обѣихъ компаній. Означенныя ассоціаціи должны пользоваться гораздо большимъ предпочтеніемъ и являются единственно практичными для нашего времени, ибо: 1) онѣ не требуютъ значительныхъ средствъ; 2) содѣйствуя весьма значительному улучшенію положенія рабочаго класса, онѣ послужатъ средствомъ къ осуществленію настоящихъ производительныхъ товариществъ; 3) рабочій классъ можетъ пользоваться выгодами ассоціаціи тотчасъ же послѣ основанія ея; 4) представляя собой гарантію для капитала, онѣ будутъ пользоваться поддержкой или даже прямо покровительствомъ со стороны предпринимателей, которые будутъ весьма заинтересованы въ томъ, чтобы заключать съ ними соглашенія; 5) онѣ составятъ естественное дополненіе финансовыхъ товариществъ; 6) при ихъ помощи рабочіе получатъ кредитъ, когда дѣло дойдетъ до того, чтобы имъ взяться за какое нибудь промышленное предпріятіе и 7) онѣ могутъ разрѣшить въ короткій срокъ социальный вопросъ и промышленный кризисъ.

Въ 1878 г. Gouttes сдѣлать опытъ примѣненія своихъ идей на практикѣ, заключивъ соглашеніе съ тулонскимъ заводомъ „Mouquille et C.“ о постройкѣ 40 вагоновъ для морского вѣдомства. Опытъ оказался, по его словамъ, весьма удачнымъ: въ три мѣсяца было изготовлено 40 вагоновъ, тогда какъ за десять мѣсяцевъ надлежало поставить только 30. Однако, отъ возобновленія соглашенія пришлось отказаться, ибо возникъ рядъ треній на почвѣ желанія администраціи и нѣкоторой группы служащихъ принять участіе въ прибыли, полученной отъ экономіи при новой системѣ.

Въ 1881 г. было основано анонимное общество съ переменнымъ капиталомъ для набора, печатанія и распространенія официальныхъ изданій, которое функционируетъ и теперь, на основаніи соглашенія, заключеннаго съ правительствомъ республики.

По удостовѣренію Гюйо, члены его довольны достигнутыми результатами, но въ чемъ они выражаются авторъ не говоритъ; по этому трудно судить о томъ, насколько основательно его удивленіе, почему это общество остается почти совершенно неизвѣстнымъ и его примѣръ не вызываетъ подражаній.

Это и неудивительно. Можно конечно согласиться съ авторомъ, что основать и вести трудовую артель гораздо легче, чѣмъ производительное товарищество, но нельзя упускать изъ виду, что эта легкость имѣетъ свою отрицательную сторону, имѣнно: она тѣсно связана съ малозначительностью тѣхъ результатовъ, которые способна дать эта форма кооперации. Вѣдь главная причина тяжелаго положенія труда заключается въ его эксплуатаціи капиталомъ; устранить же или хотя бы только смягчить эту эксплуатацію рабочимъ можно, оставаясь на почвѣ экономической борьбы, только двумя способами: или взять на себя функціи предпринимателя, собирая собственный капиталъ и организуя разнаго рода предприятия, или же стремиться къ измѣненію условій продажи рабочей силы путемъ организаціи своихъ членовъ. Производительныя товарищества, на которыя возлагали когда-то большія надежды, трудно удаются и рѣдко выживаютъ; но нельзя отрицать, что если бы они удались, то роль ихъ была бы весьма значительна: они стремятся дѣйствительно взять быка за рога—превратить рабочаго изъ придатка къ машинѣ въ сознательнаго участника и руководителя общественнымъ процессомъ производства.

Считаясь съ трудностями ихъ организаціи, Гюйо выдвигаетъ на первый планъ такую форму кооперации, которая не вмѣшивается въ сферу отношений, составляющихъ главнѣйшую функцію предпринимателя, на которой покоится вся его власть и все могущество. Это несомнѣнно облегчаетъ ихъ организацію, но зато съ другой стороны въ значительной мѣрѣ подрываетъ интересъ къ ихъ устроиву, уменьшая социальное-преобразующее значеніе ихъ дѣятельности.

Анонимныя трудовыя товарищества должны, по мысли автора, сосредоточить все свое вниманіе на улучшеніи условій сбыта

рабочей силы, но вѣдь эта функція не составляетъ ихъ монополии, ибо подобную же задачу ставятъ себѣ и профессиональные союзы. Какъ тѣ, такъ и другіе принадлежатъ къ одному и тому же типу организаціи, который можно назвать въ своей классификаціи (см. В. К. № 7 за 1916 г.) кооперативами продавцевъ рабочей силы. Между тѣмъ, возлюбивъ одну изъ этихъ формъ, Гюйо другую, т. е. профессиональные союзы, рѣшительно отвергаетъ.



Отдѣлъ III.

Германія.

ГЛАВА IX.

Шульце-Деличъ и Райффейзенъ.

Шульце Делича принято называть отцомъ нѣмецкой кооперации, однако этотъ терминъ можетъ быть примѣненъ къ нему только съ большими оговорками. Онъ не принадлежалъ къ людямъ того склада, какъ Оуэнъ или Фурье, которые заглядывали далеко впередъ, чтобы указать человечеству новые пути, и которые въ поискахъ новаго міра не боялись разорвать съ основами стараго; его міросозерцаніе не выходило за предѣлы буржуазныхъ понятій и существующій общественно—экономическій порядокъ представлялся ему нуждающимся не въ коренной ломкѣ и замѣнѣ новымъ, а лишь въ нѣкоторомъ усовершенствованіи и починкѣ. Съ большимъ правомъ его, казалось бы, можно назвать отцомъ кредитной кооперации, но и въ этомъ отношеніи пальма первенства должна быть отдана Райффейзену, который создалъ типъ кредитныхъ товариществъ и гораздо болѣе распространенный, и несравненно болѣе проникнутый духомъ истинной кооперации.

Чтобы наша характеристика не показалась пристрастной, сошлемся на отзывъ Л. Луццати, единомышленника и близкаго друга Шульце.

По его словамъ, послѣдній „не былъ глубокимъ мыслителемъ и не оставилъ безсмертныхъ твореній въ наукѣ и литературѣ. Написанное имъ по экономическимъ вопросамъ не закрѣпляетъ за нимъ выдающагося положенія; онъ не можетъ быть сравниваемъ напр. съ В. Рошеромъ. И не имъ была изобрѣтена форма кооперативнаго общества, извѣстная и примѣняемая до него во Франціи и въ Англіи. Его вѣрный биографъ, Бернштейнъ, съ нѣмецкой честностью признаетъ, что профессоръ Губеръ въ своей работѣ объ англійскихъ кооперативныхъ обществахъ описалъ, тонко анализируя, происхожденіе и значеніе кооперативныхъ учреждений, миссія которыхъ превращать рабочихъ въ капиталистовъ. Однако Шульце-Деличъ превосходитъ своихъ предшествен-

никовъ, потому что конкретизируетъ свои идеи въ крупныя дѣла, изучаетъ истину, чтобы дѣлать добро. Его слово ласково и сильно; оно—какъ искра, за которой слѣдуетъ пламя,*)

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію его взглядовъ и дѣятельности. Германнъ Шульце родился въ 1808 г. въ г. Деличѣ, гдѣ отецъ его былъ городскимъ головой и судьей. Занимая должность судьи въ родномъ городѣ, Шульце близко познакомился съ нуждами ремесленнаго сословія и захотѣлъ помочь ему улучшить свое положеніе.

Познакомившись во время своего посѣщенія Англіи съ дѣятельностью тамошнихъ обществъ взаимопомощи, онъ задумалъ примѣнить эти принципы и у себя на родинѣ. Такъ возникли ферейны взаимопомощи и для совмѣстной закупки сырья, за которыми послѣдовало основаніе въ 1850 г. перваго ссуднаго товарищества, впоследствии усовершенствованнаго д-ромъ Бернгарди. Когда же правительство стало преслѣдовать Шульце за его оппозиціонныя выступленія въ прусскомъ національномъ собраніи, онъ оставилъ государственную службу и всецѣло отдается кооперативной работѣ.**) Его выступленіе на арену общественной дѣятельности относится къ тому времени, когда Германія переживала глубокий промышленный переворотъ, аналогичный тому, какой Англія переживала еще въ концѣ XVIII вѣка: натуральное хозяйство все болѣе и болѣе вытѣснялось мѣновымъ, а въ послѣднемъ крупный капиталъ сталъ играть первенствующую роль, оттѣсня на задній планъ мелкую ремесленную промышленность. Прежніе цехи, которыми гордились средніе вѣка, приходили все болѣе и болѣе въ упадокъ, а ихъ члены должны были встать въ ряды наемныхъ рабочихъ. „Фабрика вытѣсняетъ ремесло и лишаетъ его рынка въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя она вовлекаетъ въ свою сферу, и дѣлаетъ невозможной всякую конкуренцію съ нею. Овладевъ одной за другой новыми и новыми отраслями труда, какъ это мы видимъ ежедневно, фабрика въ недалекомъ будущемъ не оставитъ ни одного уголка, гдѣ могло бы найти себѣ пріютъ ремесло. И если уже теперь многіе самостоятельные раньше мастера ищутъ работъ на фабрикахъ, то нельзя не опасаться, что постепенно вся масса ремесленниковъ опустится до роли простыхъ наемныхъ рабочихъ крупныхъ предпріятій и пополнитъ рядъ злополучнаго пролетаріата.“

Вмѣстѣ съ нимъ и положеніе послѣдняго въ первый періодъ развитія капитализма не только не улучшилось, но наоборотъ—упало вслѣдствіе усиленія предложенія труда,

*) Избранныя рѣчи по коопераціи и экономикѣ. 1915 г. 15 стр.

**) Einführung in das deutsche Genossenschaftswesen. Von H. Crüger, 1907.

какое явилось въ результатъ гибели мелкаго производства и привлеченія на фабрики женщинъ и дѣтей.

Но что же дѣлать и какъ бороться съ этимъ новымъ зломъ, засиліемъ крупнаго капитала? Мечтать о возвратѣ къ прошлому, о возстановленіи прежняго цехового строя не приходится, ибо крупное производство съ его раздѣленіемъ труда и широкимъ примѣненіемъ машинъ является технически несравненно болѣе совершеннымъ, увеличивая производительность труда и понижая себѣ—стоимость единицы продукта. Нужно поэтому обратить свое вниманіе въ другую сторону и подумать о томъ, чтобы создать такую форму промышленной дѣятельности, которая бы давала возможность трудящимся пользоваться выгодами крупнаго производства, сохраняя при томъ свою самостоятельность. Этимъ якоремъ спасенія для утопающихъ среди бурнаго водоворота капиталистической конкуренціи мелкихъ производителей и можетъ стать ассоціація, которая получила уже практическое осуществленіе въ Англіи и Франціи. „Ассоціація является единственнымъ средствомъ спасенія для нуждающихся рабочихъ и ремесленниковъ; въ ней воскреснетъ съ новыми силами для ремесленниковъ старый цехъ, ставшій въ наше время бесполезнымъ и бессмысленнымъ учрежденіемъ“. По этому ассоціаціи можетъ быть присвоено названіе „цеха будущаго“ (*Innung der Zukunft*), подъ которымъ заглавіемъ и выходилъ первый кооперативный журналъ, основанный Шульце-Деличемъ въ 1853 г.

Подвергая капиталистическій строй рѣзкой критикѣ и не закрывая глазъ на его отрицательныя стороны, Шульце-Деличъ вовсе не былъ социалистомъ и не отрицалъ въ сущности основъ существующаго порядка, довольствуясь внесеніемъ въ него частичныхъ поправокъ и усовершенствованій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только его принадлежность къ прогрессивной, т. е. умѣренно—либеральной партіи, въ рядахъ которой онъ принималъ участіе въ политической жизни страны, но и разсмотрѣніе его социально—экономическаго міровоззрѣнія. „Сущность социализма—какъ справедливо замѣчаетъ М. И. Туганъ-Барановскій*)—заключается въ требованіи экономическаго равноправія всѣхъ членовъ общества. Социалисты утверждаютъ, что экономическій строй современнаго общества не соответствуетъ правовымъ воззрѣніямъ нашего времени, признаваемаго, что всѣ члены общества имѣютъ равныя права на участіе въ благахъ культуры. Отрицаніе социалистами права частной собственности вытекаетъ изъ ихъ требованія экономической равноправности всѣхъ. При господствѣ частной собственности—говорятъ они—между отдѣльными лицами возникаетъ экономическая борьба, въ

*) Соціальныя основы коопераціи, 1916 г. 6 стр.

которой побѣждаетъ сильнѣйшій; право наслѣдства закрѣпляетъ и усиливаетъ возникшее социальное неравенство, ведущее къ эксплуатаціи однѣхъ общественныхъ группъ другими и въ концѣ концовъ такъ торжественно провозглашаемая современнымъ правомъ равноправность всѣхъ оказывается пустымъ словомъ. Вотъ почему социализмъ въ своемъ стремленіи къ равенству приходитъ къ болѣе или менѣе широкому отрицанію права частной собственности, иначе говоря—къ требованію общности владѣнія“.

Что касается Шульце-Делича, то онъ не шелъ такъ далеко въ этомъ отношеніи и вполне удовлетворялся тѣмъ строемъ понятій, который былъ выработанъ господствующей буржуазной школой. „Здѣсь нужно остерегаться смѣшенія понятій—читаемъ мы въ его катехизисѣ для рабочихъ. Есть только одно равенство, къ которому мы должны стремиться, это—равенство всѣхъ передъ закономъ. Соціальное же, общественное равенство, одинаковое положеніе и оцѣнка человѣка въ соціальной жизни—невозможно, ибо это противорѣчитъ природѣ. Люди одарены природою различно, и нѣтъ ни одного, кто былъ бы совершенно одинаковъ съ другимъ. ...И именно потому, что способности людей различны—и мы этого измѣнить не можемъ,—различно и ихъ положеніе въ человѣческомъ обществѣ. Мы можемъ дѣлать все, что угодно, и создавать какіе угодно законы, но мы не можемъ ни теперь, ни когда-либо въ будущемъ достигнуть того, чтобы слабый цѣнился такъ же, какъ и сильный, а простакъ—какъ умница, и чтобы прилежаніе, мужество, трудоспособность и знанія не давали большаго уваженія, чѣмъ лѣнность, склонность къ бездѣльничеству или невѣжество. Отъ этихъ особенностей и даровъ природы зависить успѣхъ въ жизни, они даютъ власть.

И это не можетъ быть иначе. Человѣкъ, который такимъ образомъ создалъ себѣ положеніе, вліяющее на благосостояніе и судьбу многихъ изъ его соотечественниковъ (напр. государственный дѣятель или ученый), вокругъ котораго группируются серьезные интересы многихъ частныхъ лицъ или съ предпріятіемъ котораго связано существованіе многихъ лицъ (возьмемъ напр. крупнаго помѣщика или фабриканта),—вполнѣ естественно пользуется большимъ вліяніемъ, ибо за нимъ стоятъ и его поддерживаютъ также тѣ, благосостояніе коихъ болѣе или менѣе тѣсно связано съ его благосостояніемъ. И хочетъ ли кто-нибудь измѣнить подобное положеніе, даже если бы онъ былъ въ состояніи сдѣлать это? Развѣ природа не мудро поступила, создавъ людей не одинаковыми и одаривъ ихъ разными способностями“.*)

*) Capitel zu einem deutschen Arbeiterkatechismus. 1863. 94—95 S.

Вполнѣ естественно поэтому, что отводя въ теоріи производительнымъ товариществамъ очень важное мѣсто и считая ихъ вѣнцомъ кооперативной системы, онъ практически занимался ими очень мало и затѣмъ совсѣмъ охладѣлъ къ нимъ. Какъ человѣкъ практической складки, онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на болѣе элементарныхъ формахъ коопераціи, менѣе всего угрожающихъ капитализму. Его главнымъ дѣломъ были ссудосберегательныя и потребительныя общества, но и сюда онъ внесъ опредѣленно выраженный мелко-буржуазный духъ. Его система имѣла въ виду не устраниеніе капитализма новымъ социальнымъ строемъ, а лишь частичное усовершенствованіе его благодаря искорененію наиболѣе вопіющихъ золъ и „укрѣпленію здоровыхъ среднихъ классовъ, этихъ незамѣнимыхъ носителей здороваго какъ политическаго, такъ и соціальнаго, духовнаго и матеріальнаго развитія“.

Но какіе же виды ассоціаціи могутъ быть признаны пригодными для достиженія указанной выше цѣли?

По мнѣнію Шульце, ассоціаціонное или-какъ его стали называть потомъ—кооперативное движеніе должно начаться съ основанія кредитныхъ и потребительныхъ обществъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ дать возможность ремесленникамъ и фабричнымъ рабочимъ накопить нѣкоторыя сбереженія, которыя бы позволили имъ подняться на вторую ступень коопераціи. На этой ступени должны основываться уже сырьевыя и магазинныя товарищества (т. е. по закупкѣ и сбыту), которыя имѣютъ уже болѣе сложный составъ и функціи и даютъ возможность своимъ членамъ достигнуть болѣе значительныхъ экономическихъ выгодъ, приучая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ самостоятельному веденію сложныхъ коллективныхъ предпріятій и знакомя съ торговыми операціями. Наконецъ, по накопленіи достаточнаго капитала и по достиженію достаточно высокаго уровня кооперативнаго воспитанія члены означенныхъ товариществъ могутъ перейти къ высшей, заключительной стадіи движенія—производительнымъ ассоціаціямъ, съ достиженіемъ которой кооперативы низшихъ ступеней становятся уже излишними.

„Въ производительной коопераціи мы привѣтствуемъ завершеніе всей системы. Въ то время какъ ассоціаціи первыхъ ступеней обезпечиваютъ своимъ членамъ въ ихъ мелкихъ предпріятіяхъ и домашнемъ хозяйствѣ выгоды крупнаго капитала только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, производительныя ассоціаціи даютъ возможность имъ создать крупное предпріятіе со всѣми выгодами новыхъ приемовъ хозяйства и такимъ образомъ заполнить пропасть, которая теперь отдѣляетъ рабочихъ и мелкихъ мастеровъ отъ класса крупныхъ предпринимателей“.

Тѣмъ не менѣе Шульце не отрицалъ капитализма цѣликомъ и не стремился къ тому, чтобы вытѣснить его при помощи коопераціи. Разсматривая послѣднюю какъ движеніе внѣклассовое, объединяющее самыя разнообразныя слои населенія, онъ мечталъ о томъ, чтобы уже въ предѣлахъ существующаго капиталистическаго строя какъ-нибудь устранить антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ. Сообразно съ этимъ основанный имъ въ 1859 г. Всеобщій Союзъ стремился объединить всѣ виды кооперативовъ, а въ предѣлахъ каждаго изъ послѣднихъ объединить всѣ слои населенія. Формально это и достигалось, но по существу конечно въ каждомъ кооперативѣ получали преобладаніе тѣ общественныя слои, интересамъ которыхъ эти кооперативы наиболѣе соответствовали. Такъ напр. въ ссудо-сберегательныхъ фереинахъ или народныхъ банкахъ господствующая роль принадлежитъ мелкимъ торговцамъ и ремесленникамъ, а въ примыкающихъ къ Всеобщему Союзу потребительныхъ обществахъ—такъ назыв. среднимъ классамъ, т. е. той же мелкой буржуазіи. И какъ показали опыты, какъ тѣ, такъ и другія въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи обнаружили стремленіе къ превращенію въ обыкновенныя акціонерныя общества, очень далекія отъ тѣхъ социальныхъ задачъ и цѣлей, которыя свойственны современному кооперативному движенію.

Болѣе успѣшной и плодотворной въ этомъ отношеніи оказалась дѣятельность Райффейзена, который можетъ быть названъ отцомъ сельской или крестьянской коопераціи.

Райффейзенъ родился въ Вестфаліи въ 1818 г. и былъ на десять лѣтъ моложе Шульце.*) Окончивъ народную школу, онъ избралъ было сначала военную карьеру и дослужился до чина оберъ-фейерверкера, но затѣмъ болѣзнь глазъ заставила его выйти въ отставку и поселиться въ глухой деревушкѣ Вестервальда. Будучи свидѣтелемъ голода, постигшаго Германію въ 1847 г., онъ отдается общественной дѣятельности и организуетъ союзъ для снабженія нуждающихся крестьянъ хлѣбомъ, сѣменами и картофелемъ. Въ 1849 г. при его участіи возникаетъ въ Фламмерфельдѣ фереинъ для помощи неимущимъ сельскимъ хозяевамъ, который ставилъ себѣ цѣлью помогать имъ пріобрѣтать и сбывать скотъ безъ посредничества ростовщиковъ, державшихъ въ кабалѣ мѣстное крестьянское населеніе. Перейдя въ качествѣ бургомистра въ 1860 г. въ Гедесдорфъ, Райффейзенъ создаетъ здѣсь такой же благотворительный фереинъ, который ставилъ себѣ задачей выдачу ссудъ, воспитаніе безпризорныхъ дѣтей, основаніе народныхъ библіотекъ и т. п. Такимъ образомъ, пер-

*) Г. Вольфъ—Народные банки 1915 г. В. Косинскій—Учрежденія для мелкаго кредита въ Германіи. 1901 г.

вья учрежденія, созданныя Райффейзеномъ, были собственно не кооперативными, а благотворительными, и въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ упорно придерживался этого принципа. Однако, въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ признать его несостоятельность, ибо ферейны, основанныя на этомъ принципѣ, оказались нежизнеспособными; такъ напр. основанное имъ въ Геддерсдорфѣ благотворительное общество пришлось ликвидировать въ 1864 г., такъ какъ его задолженность достигла болѣе 25 тысячъ талеровъ. Эти неудачи заставили Райффейзена измѣнить характеръ дѣятельности своихъ организацій и преобразовать ихъ въ кооперативныя товарищества, по образцу тѣхъ, которыя успѣшно насаждались въ то время Шульце-Деличемъ. Первой такой организаціей новаго типа является Ангаузенское кредитное товарищество, учрежденное имъ въ 1862 г., за нимъ послѣдовалъ рядъ другихъ и скоро по своей численности они далеко обогнали ссудо-сберегательныя товарищества своего учителя. Въ первыхъ организаціяхъ этого типа вліяніе Шульце-Делича отражается еще очень сильно и ихъ уставы очень немногимъ отличаются отъ уставовъ послѣдняго, но мало-по-малу изъ нихъ стали вырабатываться затѣмъ кооперативы совсѣмъ иного рода. Райффейзенъ не ограничился простымъ заимствованіемъ того, что ему казалось жизненнымъ въ народныхъ банкахъ Шульце-Делича, но проявилъ недюженныя творческія способности и, примѣняясь къ своеобразнымъ условіямъ деревенской жизни, создалъ глубоко отличный отъ нихъ типъ организацій, вдохнулъ въ нихъ новый духъ. Такъ, прежде всего райффейзеновское товарищество характеризуется принципиальнымъ отрицаніемъ паевъ.

Работая для деревни и ставя себѣ цѣлью помочь именно наиболѣе нуждающимся элементамъ, Райффейзенъ пришелъ къ заключенію, что нельзя требовать отъ нихъ никакихъ денежныхъ жертвъ при вступленіи въ товарищество. И дѣйствительно, по первоначальному уставу члены не обязаны были платить ни паевъ, ни вступныхъ взносовъ. Эти послѣдніе не требуются и нынѣ; что же касается паевъ, то законъ 1889 г., отразившій на себѣ вліяніе Шульце-Делича, измѣнилъ этотъ порядокъ, сдѣлавъ пай обязательнымъ для всякаго рода товариществъ. Но это требованіе закона фактически обходится райффейзеновскими товариществами, которыя устанавливаютъ незначительный размѣръ своихъ паевъ—обычно 10 или 12 марокъ, выплачиваемыхъ въ разсрочку. Отвергнувъ пайное начало, Райффейзенъ—дальше—вполнѣ послѣдовательно проводитъ также отказъ и отъ выдачи дивиденда. Такъ какъ члены не принимаютъ участія въ составленіи основного капитала, то, естественно, они не имѣютъ права и на полученія диви-

денда; кромѣ того это имѣетъ и моральное значеніе, ограждая членовъ отъ увлеченія исключительно корыстолюбивыми матеріальными разсчетами. Получаемая отъ кредитныхъ операцій прибыль обычно отчисляется здѣсь въ запасный капиталъ и такъ называемый учредительный фондъ, за исключеніемъ 50 пф. на человѣка, которая тратятся на выписку официальныхъ изданій.

Запасный капиталъ предназначается для покрытія возможныхъ убытковъ; учредительный же фондъ, въ который ежегодно отчисляется двѣ трети всей прибыли, представляетъ нѣчто весьма своеобразное. Онъ принадлежитъ всецѣло товариществу и ни въ коемъ случаѣ не долженъ распределяться между членами. Его первая цѣль—покрывать тѣ убытки, отвѣтственность за которые трудно было бы возлагать на отдѣльныхъ членовъ товарищества. Второе его назначеніе—замѣнять чужой (заемный) капиталъ и тѣмъ самымъ дѣлать кредитъ болѣе доступнымъ, а въ дальнѣйшемъ—можетъ быть и совсѣмъ бесплатнымъ для членовъ. Наконецъ, если онъ превыситъ извѣстную сумму, необходимую для оборотовъ товарищества, то по усмотрѣнію послѣдняго можетъ быть назначенъ на какое-нибудь общественное дѣло, полезное для всего района. Даже при ликвидаціи дѣла запрещается распределять этотъ фондъ между членами, чтобы у нихъ не было искушенія прекратить существованіе товарищества ради использованія накопленныхъ капиталовъ между участниками. Въ случаѣ ликвидаціи собранныя средства должны быть переданы какому-нибудь общественному учрежденію, которое должно хранить ихъ до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ потребность въ новомъ товариществѣ съ аналогичнымъ уставомъ въ данномъ районѣ. Если же въ теченіе извѣстнаго времени такое товарищество не будетъ организовано, то назначенный фондъ можетъ быть обращенъ на какое-нибудь мѣстное общепользное дѣло. Идея недѣлимаго фонда впрочемъ не можетъ считаться личнымъ достояніемъ Райффейзена; какъ мы знаемъ, она была высказана задолго до него—Кингомъ въ Англіи примѣнительно къ потребительской коопераціи и Бюше во Франціи примѣнительно къ производительнымъ ассоціаціямъ. И повидимому именно отъ Бюше—хотя и не прямо, а черезъ посредство нѣмецкихъ эмигрантовъ—заимствовалъ Райффейзенъ эту идею, удачно соединивъ ее съ принципомъ отрицанія паевыхъ взносовъ. Впрочемъ практическое значеніе ея до сихъ поръ остается весьма незначительнымъ. Но откуда же кредитное товарищество можетъ получить необходимыя ему средства, не имѣя собственнаго обезпеченія? Эти средства привлекаются со стороны, въ видѣ вкладовъ, отдаваемыхъ подъ проценты. Гарантіей же того, что вносимыя въ товарищество вклады не пропадутъ, служатъ съ одной стороны

неограниченная отвѣтственность членовъ, а съ другой—выдача ссудъ только для производительныхъ цѣлей и на основаніи личнаго довѣрія къ должнику. Отсюда вытекаетъ принципъ локализаціи, рѣзко отличающій Райффейзеновскія товарищества отъ народныхъ банковъ Шульце-Делича. Кредитное товарищество должно имѣть небольшой районъ, охватывая одинъ большой или нѣсколько маленькихъ приходо-въ—не менѣе 400 и не свыше 1500 душъ населенія. Это необходимо для того, чтобы правленіе могло дѣйствительно лично знать всѣхъ обращающихся за ссудами и контролировать ихъ назначеніе. Всякій, кто на самомъ дѣлѣ нуждается въ деньгахъ для производительныхъ цѣлей, имѣетъ шансы получить ихъ; но въ каждомъ случаѣ онъ обязанъ сообщить, для чего именно нужны ему деньги, а также доказать свою надежность, какъ заемщика, и хозяйственную цѣлесообразность своего начинанія. Если это будетъ выполнено, то онъ навѣрное получитъ деньги, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ; въ противномъ случаѣ ссуда не будетъ выдана, хотя бы обращающійся за ней былъ вполне зажиточнымъ хозяиномъ. Далѣе, разъ ссуда выдана, то она должна быть употреблена именно на тѣ цѣли, для которыхъ предназначалась. Въ этихъ видахъ наблюдательный совѣтъ товарищества разъ въ каждые три мѣсяца разсматриваетъ, на что употреблены занятыя деньги, а также провѣряетъ имущественное положеніе заемщиковъ и ихъ поручителей.

Если окажется, что финансовое положеніе какого-нибудь поручителя пошатнулось, то правленіе требуетъ немедленно представленія новаго поручителя. Если это требованіе не исполняется или если окажется, что ссуда употреблена заемщикомъ не надлежащимъ образомъ, то отъ него на основаніи устава требуется возвращеніе ссуды въ четырехнедѣльный срокъ. На практикѣ эта мѣра примѣняется очень рѣдко, но именно потому, что заемщикъ состоитъ въ тѣсной связи съ товариществомъ и находится постоянно подъ живымъ и бдительнымъ контролемъ всѣхъ его членовъ. Товарищество требуетъ также, чтобы и проценты, и долгъ всегда уплачивались точно въ назначенный срокъ. При всѣхъ долгосрочныхъ ссудахъ послѣдняя погашается равномерными частичными уплатами и товарищество строго слѣдитъ за своевременной и исправной расплатой. Это не только существенно облегчаетъ веденіе дѣла, но и имѣетъ большое воспитательное значеніе, приучая заемщиковъ къ аккуратности.

Благодаря прекрасной репутаціи, установившейся за кредитными товариществами вслѣдствіе образцоваго веденія дѣла въ нихъ, и благодаря гарантіи, которую даетъ неограниченная отвѣтственность всѣхъ членовъ, Райффейзеновскіе народные банки очень скоро сумѣли завоевать

такое довѣріе къ себѣ, что въ большинствѣ случаевъ получаютъ въ свое распоряженіе нужныя имъ средства по самымъ дешевымъ рыночнымъ цѣнамъ. Довѣріе къ нимъ такъ велико, что суды въ Рейнской провинціи разрѣшаютъ класть въ эти банки сиротскія деньги, и въ общі критическія эпохи, когда нѣмецкіе банки подверглись тяжелому испытанію, именно во время войнъ 1866 и 1870 г., когда изъ всѣхъ другихъ кредитныхъ учрежденій населеніе вынимало свои вклады и достать деньги было очень трудно—въ райффейзеновскихъ товариществахъ притокъ вкладовъ не ослабѣвалъ и деньги прямо навязывались, хотя вкладчики не получали по нимъ тогда никакихъ процентовъ.

Возникнувъ позже, чѣмъ Шульце-Деличевскія ссудосберегательныя общества, кредитныя товарищества Райффейзена стали однако развиваться значительно быстрѣе и въ настоящее время оставили ихъ далеко позади себя: такъ къ 1 января 1908 г. на 2,022 кредитныхъ кооператива городского характера (изъ коихъ около тысячи приходится на организациі шульцевскаго типа) насчитывалось 14,084 сельскихъ кредитныхъ товариществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдніе дали также сильный толчокъ къ возникновенію другихъ формъ крестьянской кооперациі.

До того времени нѣмецкая деревня являлась кооперативной пустыней и была предоставлена всецѣло эксплоатациі разнаго рода посредниковъ—спекулянтовъ. Въ настоящее же время при содѣйствіи кредитныхъ товариществъ она покрылась густой сѣтью молочныхъ, яичныхъ, сѣменныхъ, машинныхъ и разныхъ иныхъ кооперативовъ по сбыту продуктовъ сельскаго хозяйства.

Каково же общее значеніе кооперативнаго движенія въ глазахъ Райффейзена и къ какой цѣли должно стремиться оно?

Въ отличіе отъ большинства руководителей ассоціаціоннаго движенія отецъ крестьянской кооперациі относился равнодушно не только къ политикѣ, но и къ социальнымъ преобразованіямъ; главнымъ назначеніемъ кооперативной системы должно быть—по его мнѣнію—содѣйствіе нравственному возражденію человѣчества, испорченнаго матеріализмомъ современной цивилизациі.

„Среди предпринимальскаго класса—говорится въ предисловіи къ главному труду его о ссудо-сберег. ферейнахъ^{*)}—царитъ дикая погоня за наживой..., а въ низшихъ классахъ также распространяется все большая и большая жажда чувственныхъ удовольствій; ненависть и зависть къ имущимъ получаютъ среди нихъ все большее распространеніе и партія социальной революціи находитъ себѣ

^{*)} См. Тутанъ—Вариновскій—Соціальныя основы коопераціи—1916 г. 281—286 стр.

среди нихъ несмотря на всѣ препятствія, которыя законъ ставитъ ея планамъ, направленнымъ на ниспроверженіе всего существующаго государственнаго и общественнаго порядка, все болѣе и болѣе сторонниковъ... Наступило время дать другое направленіе духу нашего времени, пошедшему по ложному пути. Каково должно быть это новое направленіе, для истиннаго христіанина не можетъ быть сомнѣнія. Оно указано нашимъ Господомъ... Нужно стремиться не къ преходящимъ земнымъ, а къ вѣчнымъ небеснымъ благамъ, къ чему самъ Христосъ указалъ намъ путь своимъ ученіемъ и примѣромъ“.

Г Л А В А X.

Фердинандъ Лассаль, Эдуардъ Пфейфферъ и Францъ Оппенгеймеръ.

Придавая теоретически очень важное значеніе производительнымъ товариществамъ, какъ вѣнцу всей кооперативной системы, Шульце-Деличъ практически занимался ими очень мало и главное вниманіе обратилъ въ сторону народныхъ банковъ и отчасти потребительныхъ обществъ. Поэтому дальнѣйшая разработка вопросовъ производительной кооперации и пропаганда ея является болѣе тѣсно связанной уже съ именами другихъ дѣятелей.

Оптимистическая оцѣнка той роли, которую могутъ сыграть разрозненные и предоставленные всецѣло своимъ силамъ кооперативы встрѣтила рѣзкій отпоръ со стороны талантливѣйшаго нѣмецкаго агитатора Фердинанда Лассалья, полемика котораго съ „отцомъ“ нѣмецкой кооперации привлекла къ себѣ общественное вниманіе не только въ Германіи, но и за предѣлами ея. Начиная свою кампанію въ пользу образованія независимой рабочей партіи, онъ естественно долженъ былъ опредѣлить свое отношеніе къ тому экономическому движенію среди ремесленниковъ и рабочихъ, которое находилось подъ руководствомъ Шульце-Делича и направлялось имъ въ русло либеральной, т. е. чисто буржуазной политики.

Въ своемъ „Гласномъ отвѣтѣ“ центральному Комитету, учрежденному для созванія общаго германскаго рабочаго конгресса въ Лейпцигѣ, онъ отмѣчаетъ, что Шульце-Деличъ „своей неутомимой дѣятельностью въ самое тяжелое время единственно личными силами сдѣлался отцомъ и основателемъ германскихъ ассоціацій и далъ этому дѣлу толчокъ, представляющій въ высшей степени важныя и обширныя послѣдствія. Я пишу это съ самымъ теплымъ

чувством признательности и мысленно искренно жму ему руку за эту заслугу, хотя въ теоріи мы противники. Честно и справедливо судить даже противника есть первый долгъ человѣка, и рабочее сословіе прежде всего должно глубоко проникнуться этимъ убѣжденіемъ... Но теплое чувство, съ которымъ я признаю эту заслугу, не должно мѣшать намъ съ критической строгостью взглянуть на вопросъ: могутъ ли Шульце-Деличевскія ассоціаціи, кредитныя и ссудныя общества, сырьевыя и потребительныя складчины, улучшить положеніе рабочего сословія? На этотъ вопросъ приходится рѣшительнѣйшимъ образомъ отвѣтить — нѣтъ!*)

Что касается ссудосберегательныхъ и сырьевыхъ товариществъ, то — по мнѣнію Лассаля—они могутъ имѣть значеніе лишь для того, кто ведетъ дѣло за свой счетъ; для рабочаго въ тѣсномъ смыслѣ, для лицъ, занятыхъ въ фабричной крупной промышленности, не имѣющихъ собственного промысла, для котораго имъ были бы нужны кредитъ и сырые матеріалы—эти ассоціаціи не нужны. Помощь ихъ можетъ слѣдовательно пригодиться только для ремесленной мелкой промышленности. Но и въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать ихъ роли. Они могутъ сравнять положеніе неимущаго ремесленника съ положеніемъ имущаго ремесленника, имѣющаго маленький капиталъ, достаточный для его промысла. Стало быть, самое большее, что они могутъ сдѣлать, это—дать неимущему ремесленнику возможность конкурировать съ хозяиномъ, обладающимъ собственнымъ капиталомъ, достаточнымъ для его ремесла. Но дѣло въ томъ, что и хозяинъ, обладающій собственнымъ достаточнымъ для ремесленного производства капиталомъ не можетъ выдерживать конкуренціи съ капиталистической фабрикой, потому что крупное производство удешевляетъ всѣ расходы, даетъ возможность довольствоваться меньшей прибылью съ единицы продукта и по многимъ другимъ причинамъ. Но ссудосберегательныя и сырьевыя общества по большей части только уравниваютъ неимущаго работника съ мелкимъ капиталистомъ, владѣльцемъ ремесленного заведенія. А такъ какъ этотъ послѣдній не можетъ выдержать конкуренціи съ крупной фабричной промышленностью, то и ремесленникъ, ведущій дѣло съ помощью вышеуказанныхъ ассоціацій, также не можетъ выдержать ее.

Такимъ образомъ, эти ассоціаціи могутъ только на нѣкоторое время продлить смертельную борьбу, въ которой мелкому ремеслу суждено погибнуть подъ гнетомъ крупной промышленности, уступивъ ей свое мѣсто; черезъ это они лишь усилятъ муки этой борьбы и бесполезно за-

*) Сочиненія Ф. Лассаля. Т. I. 1870 г.

держатъ развитіе нашей культуры. Но и это значеніе они имѣютъ лишь для малочисленнаго ремесленнаго класса, рабочаго же сословія, занятаго въ крупной промышленности и непрерывно умножающагося, вовсе не касаются.

Но, можетъ быть, для нихъ могутъ стать орудіями освобожденія потребительныя общества? Конечно, нельзя отрицать, что рабочіе сильно страдаютъ отъ эксплуатаціи мелкихъ лавочниковъ, и потребительныя общества дѣйствительно могутъ имъ помочь избавиться отъ многихъ лишнихъ переплатъ при закупкѣ предметовъ первой необходимости; но все же—по мнѣнію Лассалля—это не есть выходъ для рабочаго класса въ его цѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, пока въ потребительныя общества будутъ вступать только небольшія группы рабочихъ, до тѣхъ поръ общая заработная плата не потерпитъ измѣненія и вступившія въ нихъ рабочія могутъ на нѣкоторое время получить облегченіе своего положенія. Но какъ скоро они пріобрѣтутъ большую популярность и охватятъ собою широкія массы рабочаго класса, то тогда вступить въ дѣйствіе такъ называемый желѣзный законъ заработной платы (по которому средній размѣръ заработной платы всегда сводится къ безусловно необходимому содержанію, требуемому привычками народа для поддержанія жизни и размноженія) и понизитъ ее настолько же, насколько потребительныя общества удешевили средства существованія.

„Такимъ образомъ, потребительныя общества никогда не смогутъ помочь всему рабочему сословію, а составляющимъ ихъ отдѣльнымъ кружкамъ рабочихъ могутъ принести разсмотрѣнную выше слабую помощь лишь до тѣхъ поръ, пока примѣръ этихъ кружковъ еще не найдетъ себѣ достаточно подражанія. Чѣмъ больше будутъ распространяться потребительныя общества, чѣмъ большія массы рабочихъ будутъ они обнимать, тѣмъ болѣе будетъ ослабѣвать та ничтожная выгода, которую они могутъ приносить своимъ членамъ, пока наконецъ она не обратится въ нуль въ тотъ самый день, когда потребительныя общества обнимутъ собою большую часть всего рабочаго сословія.

Но можно ли серьезно толковать, чтобы рабочее сословіе обратило вниманіе на средство, которое совершенно не можетъ помочь ему, какъ сословію, а отдѣльнымъ членамъ его можетъ доставить слабое облегченіе, лишь пока за него не примется все сословіе или даже хотя большинство его?

Если германское рабочее сословіе вздумаетъ заняться подобнымъ толченіемъ воды, то придется еще долго ждать дѣйствительнаго улучшенія его положенія“.

Такимъ образомъ, учрежденія, основываемыя Шульце-Деличемъ, не могутъ помочь рабочему классу. Но значитъ ли это, что вообще принципъ свободной ассоціаціи

рабочихъ несостоятельны и онѣ не могутъ улучшить положенія рабочаго сословія. Нѣтъ, могутъ, но лишь по обращеніи и распространеніи ихъ на фабричную крупную промышленность. „Сдѣлать рабочее сословіе своимъ собственнымъ предпринимателемъ — вотъ единственное средство устранить желѣзный и жестокій законъ, опредѣляющій заработную плату!

Если бы рабочее сословіе сдѣлалось своимъ собственнымъ предпринимателемъ, тогда уничтожилось бы различіе между заработной платой и барышемъ предпринимателя и вознагражденіемъ труда стала бы продуктъ труда“.

Но, рекомендуя рабочимъ образованіе производительныхъ товариществъ, которыя до него выдвигались Шульце-Деличемъ, Губеромъ и Пфейфферомъ, Лассаль вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркиваетъ, что эти товарищества могутъ сыграть приписываемую имъ роль при непремѣнномъ условіи поддержки со стороны государства.

Правда, эта мысль была уже высказана раньше Луи-Бланомъ, но зато перомъ Лассалья она получаетъ и новое обоснованіе, и дальнѣйшее логическое развитіе.

Взгляните на желѣзныя дороги, на машиностроительныя заводы, на корабельныя верфи, хлопчатобумажныя фабрики и пр. и пр., подумайте о милліонахъ, которыхъ все это требуетъ, вспомните о пустотѣ своихъ кармановъ и спросите себя, гдѣ вы возьмете когда либо огромныя капиталы, нужныя для этихъ предпріятій и слѣдовательно можно ли будетъ когда-нибудь вамъ приняться за крупную промышленность на свой счетъ?

Разумѣется, нѣтъ ничего несомнѣннѣе и достовѣрнѣе, какъ то, что вамъ это будетъ всегда невозможно, пока вы исключительно предоставлены своимъ изолированнымъ индивидуальнымъ силамъ.

Но вотъ поэтому-то государство и обязано доставить рабочимъ эту возможность, взявши на себя поощреніе развитія свободныхъ рабочихъ ассоціацій. Не давайте сбивать себя съ толку криками, будто такое вмѣшательство государства уничтожаетъ общественную самопомощь. Не правда, будто, давая человѣку лѣстницу или веревку, я этимъ мѣшаю ему собственными силами взобраться на башню. Не правда, будто, держа для молодежи учителей, школы и библіотеки, государство мѣшаетъ ей этимъ образовывать себя собственными силами. Не правда, будто, давая человѣку оружіе, я этимъ мѣшаю ему собственными силами разбить nepřіятельское войско.

Правда, бывало, что люди влѣзали на башни безъ лѣстницъ и веревокъ; правда, случается, что человѣкъ образовываетъ себя безъ помощи учителей, школъ и библіотекъ; правда, во время революціи вандейскіе крестьяне безъ оружія иногда поражали nepřіятеля,—но эти исклю-

ченія не опровергаютъ, а подтверждаютъ правило. И если въ Англіи при исключительныхъ условіяхъ нѣсколько рабочихъ кружковъ нѣсколько улучшили свое положеніе въ нѣкоторыхъ мелкихъ отрасляхъ крупной промышленности посредствомъ ассоціаціи, созданной ихъ собственными усиліями, то все же неопровержимымъ остается положеніе, что только помощь государства можетъ произвести дѣйствительное улучшение въ положеніи всего рабочего сословія.

Останавливаясь на судьбѣ кооперативной ткацкой фабрики, основанной при содѣйствіи Рочдэльскаго потребительнаго общества въ 1858 г., Лассаль и здѣсь находитъ подтвержденіе своему мнѣнію. Согласно ея уставу, работникамъ, занятымъ на фабрикѣ, полагалось сверхъ обычной заработной платы по равной долѣ дивиденда изъ прибылей; однако черезъ нѣкоторое время рабочіе-акціонеры поднимали агитацію противъ участія въ прибыляхъ тѣхъ рабочихъ, которые не состоятъ пайщиками (и скоро добились этого), ссылаясь на то, что во всемъ промышленномъ мірѣ расчесть съ трудомъ считается поконченнымъ съ выдачей ему заработной платы, а размѣръ послѣдней въ свою очередь опредѣляется закономъ спроса и предложенія. Отсюда авторъ выводитъ заключеніе, что великіе вопросы могутъ рѣшаться только въ великихъ размѣрахъ и никогда въ малыхъ. Пока вся вообще заработная плата опредѣляется вышеупомянутымъ желѣзнымъ закономъ, до тѣхъ поръ и мелкія ассоціаціи не могутъ избѣгнуть его вліянія. Но тогда какая же особая польза будетъ рабочему работать не на предпринимателя—буржуа, а на предпринимателя—работника? Никакой! Вся разница будетъ въ томъ, что предприниматели, которымъ достанется продуктъ труда, раздробятся, но ни трудъ, ни рабочее сословіе не освободятся. Личности предпринимателей перемѣнились, но сущность осталась та же; какъ прежде, такъ и теперь единственный источникъ всякаго продукта—трудъ—остается на такъ назыв. заработной платѣ, т. е. на кускѣ хлѣба, безъ котораго уже нельзя жить. И до того доходитъ извращеніе понятій при господствѣ этого закона, что даже незанятые на фабрикѣ рабочіе—акціонеры не понимаютъ, что обязаны своими дивидендами труду занятыхъ рабочихъ и не хотятъ уступить имъ даже скромной доли продукта ихъ собственного труда. Рабочіе со средствами пролетаріевъ и съ алчностью предпринимателей—вотъ какую отвратительную картину представляютъ собою члены этихъ ассоціацій!

Далѣе, чтобы получить капиталъ, необходимый для основанія указанной фабрики, дающей работу 500 человѣкъ, надо было собрать 1,600 акціонеровъ изъ среды рабочихъ, такъ какъ они располагаютъ только очень скромными

средствами. Наблюдающіеся здѣсь отношеніе акціонеровъ къ занятымъ у нихъ рабочимъ, какъ 3:1, нужно считать болѣе чѣмъ благопріятнымъ, ибо человѣческій трудъ все болѣе замѣняется машиной и слѣдовательно все болѣе возрастаетъ отношеніе затрачиваемаго въ предпріятіи мертваго капитала къ количеству живого человѣческаго труда. „Но если вздумать распространить ассоціацію на все рабочее сословіе, — а вѣдь рѣчь идетъ о немъ, а не объ отдѣльных лицахъ, желающихъ выльзти въ люди, — если съ теченіемъ времени хотятъ основать столько фабрикъ, чтобы все рабочее сословіе было на нихъ занято, то откуда же возьмется тройной, четверной и т. д. комплектъ всего рабочаго сословія, необходимый — сверхъ занятыхъ рабочихъ — въ качествѣ акціонеровъ, чтобы основать эти фабрики“.

Отсюда ясно, что освободить рабочее сословіе этимъ путемъ, т. е. изолированными индивидуальными усиліями его членовъ — есть просто математическая невозможность, и предаваться подобнымъ мечтамъ могутъ только люди, лишенные всякой критики. Прѣжнее ассоціационное движеніе имѣетъ только въ одномъ отношеніи огромное значеніе — оно указало практическій путь къ освобожденію труда, представило блестящія доказательства въ опроверженіе всѣхъ искреннихъ или напускныхъ сомнѣній въ его практической выполнимости и такимъ образомъ поставило государству въ непрѣмѣнный долгъ протянуть руку помощи этому величайшему интересу культуры человѣчества.

Но какъ же склонить государство къ этому вмѣшательству? Для этого есть только одно средство — завоеваніе всеобщаго избирательнаго права путемъ образованія самостоятельной и мощной рабочей партіи.

Въ дальнѣйшихъ своихъ рѣчахъ по рабочему вопросу, произнесенныхъ въ апрѣлѣ и маѣ 1863 г., Лассаль оставилъ болѣе подробно на выясненіи своего проекта.

Отвѣчая на возраженіе Шульце-Делича о невозможности достать тысячи милліоновъ для того, чтобы взять въ свои руки крупное промышленное производство, онъ указываетъ, что даже сумма въ 100 милліоновъ талеровъ слишкомъ велика на первое время. Эту же сумму государство легко можетъ ссудить производительнымъ товариществамъ рабочихъ посредствомъ выпуска кредитныхъ билетовъ государственнѣмъ банкомъ.

На эту сумму въ 100 милліоновъ талеровъ можно организовать такое количество ассоціацій, что въ нихъ будетъ занято около 400,000 рабочихъ, а считая съ семьями — до 2 милліоновъ человѣкъ; кромѣ того на проценты съ капитала (считая по 5%) можно будетъ устраивать подобнымъ же образомъ до двадцати тысячъ новыхъ рабо-

чихъ ежегодно. Рабочія ассоціаціи должны быть, конечно, добровольными и свободными въ своей внутренней жизни.

Сначала эти ассоціаціи возникали бы въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя бы оказались наиболѣе подходящими по роду своей промышленной дѣятельности или по склонности населенія къ ассоціаціи, а затѣмъ по мѣрѣ успѣха стали бы распространяться все шире и шире. Возникшія товарищества должны находиться между собою въ самой тѣсной связи—какъ въ дѣлахъ полученія кредита, такъ и для организаціи взаимнаго страхованія отъ убытковъ.

Но какъ быть съ сельскими рабочими, которыхъ больше, чѣмъ промышленныхъ, и которые не менѣе ихъ нуждаются въ помощи? Опираясь на авторитетъ Милля и Тюннена, Лассаль высказываетъ полную увѣренность въ примѣнимость принципа ассоціаціи и къ области сельскаго хозяйства—тѣмъ болѣе, что именно здѣсь „больше, чѣмъ гдѣ-либо крупное производство, производство въ обширныхъ размѣрахъ, есть источникъ національнаго богатства и умноженія валового продукта земли, кромѣ развѣ тѣхъ исключительныхъ мѣстностей, гдѣ преобладаетъ садовая обработка земли“. Но начинать онъ рекомендуетъ исключительно съ промышленныхъ рабочихъ, ибо сельскій работникъ, хотя бы имѣлъ только одну корову и обрабатывалъ свою пащю заступомъ и лопатой, все же воображаетъ себя собственникомъ; онъ еще не расположенъ къ ассоціаціи, а это расположеніе нельзя вызвать насильственно—его можно создать только нагляднымъ опытомъ, показавъ на практикѣ великій успѣхъ ассоціаціи у промышленныхъ рабочихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ съ измѣненіемъ оплаты простого труда въ промышленности измѣнится также вслѣдствіе существованія органическаго взаимодѣйствія въ человѣческомъ обществѣ и расцѣнка умственнаго труда всякаго рода. Теперь, напр., государство находитъ себѣ чиновниковъ за 200—300 талеровъ, ибо плата за простой трудъ составляетъ 100—150 талеровъ въ годъ. Но предположимъ, что удалось бы поднять доходъ простого рабочаго до 600 напр. талеровъ, неужели вы думаете, что государство найдетъ тогда мелкихъ чиновниковъ, которые согласятся за 200—300 талеровъ исполнять свой трудъ? Нѣтъ, они найдутъ гораздо выгоднѣе пойти въ простые поденщики... Такимъ образомъ, ассоціація можетъ измѣнить „положеніе всѣхъ: и земледѣльческаго населенія, и промышленныхъ рабочихъ, и сельскихъ, и фабричныхъ, и ремесленныхъ, и тѣхъ, которые занимаются умственнымъ трудомъ всякаго рода, стало быть и мелкой буржуазіи противъ крупной. Но армія, выступая въ походъ, поднимается не вся сразу, а прежде всего выступаетъ авангардъ; по тысячѣ же причинъ авангардомъ человѣчества должны быть промышленные рабочіе“.

Для характеристики взглядов Лассалья нужно добавить еще, что онъ не разсматриваетъ свой проектъ, какъ средство разрѣшенія всего соціального вопроса: послѣдній можетъ быть разрѣшенъ окончательно только трудомъ поколѣній, въ результатъ цѣлаго ряда учреждений и мѣръ, изъ которыхъ каждая послѣдующая должна органически развиваться изъ предыдущей. „Я требую отъ государства только мизинца. Изъ него все остальное развилось бы органически само собой плодотворной силой жизни. Черезъ 50 лѣтъ послѣ этой мѣры нашъ міръ былъ бы неузнаваемъ!“

Пропаганда Лассалья оказала огромное вліяніе на первые шаги германскаго рабочаго движенія, и, возникшій въ 1863 г. „Всеобщій германскій рабочій союзъ“, въ основу своей программы положилъ именно требованіе всеобщаго избирательнаго права и производительныхъ ассоціацій, котораго онъ придерживался затѣмъ до конца своего существованія. Такъ, принятая на генеральномъ собраніи въ Берлинѣ 24 мая 1872 г. резолюція рекомендуетъ „постоянной и правильной агитаціей мирными и законными средствами дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобы использовать всеобщее равное и прямое избирательное право въ цѣляхъ избранія въ законодательныя и административныя учрежденія лишь такихъ депутатовъ, которые—по завоеваніи полной политической свободы—поставятъ своей задачей основаніе производительныхъ ассоціацій съ государственной субсидіей, согласно предложеніямъ Фердинанда и Лассалья“.

При сліяніи на конгрессѣ въ Готѣ (1875 г.) Всеобщаго рабочаго союза съ Эйзенахцами, т. е. партіей марксистовъ, въ общую программу ихъ былъ включенъ пунктъ, въ которомъ говорится, что „для того чтобы проложить путь къ рѣшенію соціального вопроса, германская рабочая партія требуетъ созданія производительныхъ ассоціацій съ государственной помощью при условіи демократическаго контроля трудящаго народа. Слѣдуетъ создать производительныя ассоціаціи въ промышленности и земледѣліи въ такихъ размѣрахъ, чтобы изъ нихъ развилась еоціалистическая организація общественнаго труда“. Въ дальнѣйшемъ, однако, скептическое отношеніе къ производительнымъ товариществамъ начинаетъ развиваться все болѣе и болѣе, и въ новой программѣ, принятой на эрфуртскомъ съѣздѣ, о нихъ не упоминается уже совсѣмъ. Резолюція Берлинскаго партейтага (1893 г.) рекомендуетъ устройство ихъ лишь тамъ, гдѣ они имѣютъ цѣлью поддержать существованіе товарищей, потерявшихъ средства къ существованію въ политической или экономической борьбѣ, или гдѣ они должны облегчить агитацію и освободить ее отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній противниковъ. Партія рекомендуетъ основаніе товариществъ лишь тогда, когда имѣется въ

распоряженіи достаточно средствъ и существуетъ гарантія умѣлаго веденія дѣла и руководства имъ. Въ остальныхъ же случаяхъ члены партіи должны противиться основанію ассоціацій и въ особенности бороться противъ взгляда, будто онѣ могутъ вліять на капиталистическія отношенія производства, улучшить положеніе рабочаго класса и устранить или хотя бы смягчить политическую и экономическую борьбу, ведущуюся имъ.

Почти одновременно съ выступленіемъ Лассалья появилась въ 1863 г. книга Эд. Пфейффера — „Ueber Genossenschaftswesen“, которая обратила на себя вниманіе, какъ первая попытка подвести итоги и дать нѣкоторыя обобщенія въ области кооперативнаго движенія.

Однако, самая идея производительной кооперации не потеряла своей цѣнности, и съ середины девяностыхъ годовъ истекшаго столѣтія теоретическій интересъ къ ней вновь оживился въ связи съ появленіемъ работы Франца Оппенгеймера о поселковыхъ товариществахъ.

Какъ уже указывалось выше, ни Лассаль, ни Пфейфферъ, выдвигая на первый планъ организацию производительныхъ товариществъ въ обрабатывающей промышленности, не отрицали возможности ихъ возникновенія въ сельскомъ хозяйствѣ. Они считали только, что городскіе рабочіе, какъ болѣе развитые и болѣе подготовленные къ организации, первые подадутъ примѣръ, за которымъ послѣдуютъ и сельскохозяйственные батраки.

На этой точкѣ зрѣнія стоялъ также и Фегеръ, который первый заговорилъ о производительныхъ товариществахъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Оригинальность Оппенгеймера заключается въ томъ, что вопреки этому общему убѣжденію онъ, наоборотъ, считаетъ индустрію мало подходящей для опытовъ въ данномъ направленіи и всѣ свои надежды возлагаетъ прежде всего именно на сельскія производительныя товарищества. Наиболѣе ярко точка зрѣнія Оппенгеймера была выражена въ его главномъ произведеніи, вышедшемъ въ 1896 г. подъ названіемъ: „Поселковыя товарищества—опытъ преодоленія коммунизма путемъ разрѣшенія кооперативной проблемы и аграрнаго вопроса“, *) а также въ брошюрѣ „о социальномъ значеніи кооперации“ **).

Высказывая полное сочувствіе потребительнымъ обществамъ и рекомендуя ихъ, какъ предварительную школу кооперативнаго воспитанія и поддержку въ борьбѣ за существованіе малообеспеченныхъ слоевъ населенія, авторъ

*) Die Siedlungsgenossenschaft: Versuch einer Ueberwindung des Kommunismus durch Lösung des Genossenschaftsproblems und der Agrarfrage. 1896.

**) Die soziale Bedeutung der Genossenschaft. 1899.

однако подчеркиваетъ, что пробить брешь въ капиталистическомъ строѣ они не въ состояніи. Надежды нѣкоторыхъ кооперативныхъ круговъ на то, что путемъ организаціи потребителей можно разрѣшить социальный вопросъ въ его полномъ объемѣ, нужно признать тщетными. Центр тяжести социальнаго вопроса лежитъ въ эксплуатаціи рабочихъ не какъ потребителей, а какъ производителей. Поэтому потребительныя общества важны, какъ подготовка къ производительнымъ товариществамъ и въ этой роли они могутъ считаться идеальнымъ средствомъ эмансипаціи труда.

Но, говоря о производительныхъ товариществахъ, нужно прежде всего имѣть въ виду не промышленность, а сельское хозяйство, ибо сельскіе рабочіе составляютъ самый низшій и находящійся въ наиболѣе тяжелыхъ условіяхъ слой населенія.

Но возможны ли производительныя товарищества сельскохозяйственныхъ рабочихъ, имѣютъ ли они шансы на успѣхъ? Опытъ говорить, что—да. Авторомъ былъ собранъ обширный матеріалъ и написана исторія этихъ товариществъ. Результатъ оказался, по его словамъ, поразительный, какой никому изъ предшествовавшихъ кооператоровъ не приходилъ въ голову: въ противоположность тому, что наблюдалось въ области промышленности, сельскохозяйственныя производительныя товарищества всегда имѣли успѣхъ! Гдѣ предприятие въ основѣ своей хотя бы въ отдаленной степени приближалось къ данному типу, тамъ ни разу не было отмѣчено случаевъ неудачи. Въ то время, какъ изъ тысячи слишкомъ промышленныхъ производительныхъ товариществъ ни одно не уцѣлѣло, наоборотъ, изъ семидесяти слишкомъ извѣстныхъ автору попытокъ къ устройству подобныхъ товариществъ въ сельскомъ хозяйствѣ ни одно не испытало неудачи. „Всюду поразительный матеріальный успѣхъ, всюду блестящій подъемъ нравственности, всюду сердечныя отношенія между товарищами. Независимо отъ того, была ли организація построена болѣе на коллективистскихъ или капиталистическихъ началахъ, было ли управленіе въ ней демократическое, аристократическое или монархическое, объединялись ли въ ней ирландцы, англичане, шотландцы или шведы, квакеры или атеисты, происходило ли дѣйствіе въ Ирландіи, Англіи, Америкѣ или Алжирѣ—вездѣ одинъ и тотъ блестящій успѣхъ“. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ является исторія Ралахайнскаго эксперимента.

Такимъ образомъ, опытъ показываетъ, что производительныя товарищества въ сельскомъ хозяйствѣ вполне возможны. Тоже самое говоритъ и вычисленіе. Представимъ себѣ, что подобное товарищество въ составѣ около двадцати семействъ взялось за обработку имѣнія размѣромъ прибли-

зительно въ 2000 моргеновъ и сравнимъ его съ другимъ такимъ же имѣніемъ, которое принадлежитъ отдѣльному лицу и обрабатывается наемными рабочими.

Не трудно понять, что члены товарищества будутъ работать для себя и своей семьи гораздо прилежнѣе и бережнѣе обращаться съ инструментами, чѣмъ если бы они были поденщиками, которые съ машинами обращаются, какъ попало, и прямо заинтересованы въ томъ, чтобы работать медленнѣе, такъ какъ тѣмъ больше дней они будутъ заняты. Со стороны аграріевъ постоянно слышатся жалобы на недостатокъ сельскихъ рабочихъ. Здѣсь нѣтъ резервной арміи труда, какъ въ городской промышленности, и хозяинъ не можетъ съ такой легкостью разсчитать рабочихъ; поэтому послѣдніе не имѣютъ не только интереса, но и страха, чтобы работать какъ слѣдуетъ.

Совершенно иное дѣло членъ товарищества — онъ относится къ работѣ такъ же, какъ и крестьянинъ, обрабатывающій собственный клочекъ земли. Поэтому онъ дѣлаетъ вдвое больше и портитъ разныхъ орудій вдвое меньше, чѣмъ поденщикъ.

Такимъ образомъ, если считать, что въ предполагаемомъ имѣніи товарищество можетъ получить только на 3000 марокъ больше благодаря лучшей работѣ и еще на 3000 марокъ сдѣлаетъ экономіи вслѣдствіе болѣе бережнаго отношенія къ инвентарю, то это для каждаго изъ двадцати семействъ составитъ триста марокъ въ годъ, что при теперешнемъ обычномъ бюджетѣ его въ 400—500 м. является очень хорошимъ дивидендомъ. Могутъ, пожалуй, возразить, что товарищества будутъ переобременены долгами и потому существованіе ихъ будетъ весьма тяжелое. Однако, достаточно сдѣлать небольшой подсчетъ, чтобы убѣдиться въ ошибочности этого предположенія. Въдь если капитализировать 6000 марокъ добавочнаго ежегоднаго дохода, о которомъ говорилось выше, изъ 3%, то это составитъ 200,000 марокъ, т. е. другими словами—имѣніе будетъ стоить на эту сумму больше только потому, что хозяйство на немъ будетъ вестись кооперативнымъ, т. е., товарищескимъ способомъ. Поэтому, если оно было куплено, напр., за 250,000 м., то его задолженность теперь выразится въ цифрѣ 60%, т. е. будетъ ниже, чѣмъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ, гдѣ она обычно составляетъ 70%.

Но члены товарищества будутъ получать не только большій денежный доходъ, чѣмъ если бы они были поденными рабочими; покупательная сила ихъ заработка также увеличится, т. е. на каждую марку они будутъ получать больше продуктовъ, нежели теперь. Въ самомъ дѣлѣ, ими можетъ быть основано небольшое потребительное общество, въ которомъ они за 50 или—самое большее—65 пфенниговъ получатъ такое количество продуктовъ, которое у мелочныхъ

лазовчниковъ стоитъ цѣлую марку. Далѣе, каждому изъ нихъ можетъ быть предоставлено въ наслѣдственное арендное пользованіе небольшой клочекъ земли въ 6—8 моргеновъ, съ небольшимъ чистымъ домикомъ, на подобіе того, какъ это уже давно практикуется въ вестфальскихъ экономіяхъ по отношенію къ рабочимъ. Здѣсь члены товарищества могли бы держать коровъ, свиней, куръ и гусей, а также воздѣлывать свой огородъ и поле ржи. И если, далѣе, они войдутъ членами въ другія спеціальныя товарищества, напр.: кредитное, чтобы получать необходимыя средства для построекъ и меліорацій; сырьевое, чтобы пріобрѣтать по себѣ стоимости удобреніе и сѣмена; машинное—для полученія разныхъ орудій производства, затѣмъ для сбыта масла, яицъ и птицы и т. д.,—то они избавятся отъ разорительнаго посредничества, покупательная сила ихъ заработка увеличится по меньшей мѣрѣ вдвое и тогда получить свое осуществленіе тотъ идеаль, къ которому стремился Шульце-Деличъ: система взаимно дополняющихъ другъ друга кооперативовъ съ производительнымъ товариществомъ, какъ завершеніемъ всего зданія!

Но здѣсь возникаютъ два вопроса. Во первыхъ, почему производительнымъ товариществамъ въ сельскомъ хозяйствѣ можно предсказывать такую блестящую будущность, тогда какъ въ области промышленности они не имѣютъ никакихъ шансовъ на успѣхъ? Во вторыхъ, какую пользу эти сельскохозяйственныя производительныя товарищества могутъ принести городскимъ ремесленникамъ и рабочимъ?

На первый вопросъ авторъ отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что условія существованія и постановка дѣла въ сельскихъ производительныхъ товариществахъ совершенно иная, чѣмъ въ промышленныхъ, и это обстоятельство до сихъ поръ ускользало отъ вниманія теоретиковъ.

Промышленное производительное товарищество разбивается о три подводныхъ камня—кредитъ, сбытъ и дисциплину. Для сельскохозяйственнаго товарищества всѣ эти три подводныхъ камня не представляютъ опасности.

Промышленное товарищество требуетъ довѣрія къ себѣ безъ обезпеченія и, если и получаетъ кредитъ, то лишь при условіи высокой премии за рискъ. И это не только при учрежденіи общества, но и въ дальнѣйшемъ—ибо увеличиваясь путемъ вступленія новыхъ членовъ, оно нуждается въ дальнѣйшемъ кредитѣ наличностью для расширенія своихъ мастерскихъ и пріобрѣтенія новыхъ машинъ и сырья.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ сельскохозяйственнымъ товариществомъ: оно вообще не нуждается въ личномъ довѣрїи для учрежденія, а только въ обезпеченномъ закладной земельномъ имуществѣ. Самое большее—ему пришлось-бы взять нѣкоторую сумму на полгода, которая была-бы обезпечена хозяйственнымъ инвентаремъ и скотомъ

участниковъ. При вступленіи новыхъ членовъ наличныхъ денегъ больше не потребуется, развѣ только для стройки, но эти суммы будутъ вполне обезпечены увеличившейся стоимостью земли въ болѣе густо населенной мѣстности; для развитія же дѣла новыхъ средствъ не потребуется, товариществу придется лишь вести болѣе интенсивное хозяйство, чтобы полностью использовать рабочую силу вновь вступившихъ, напр.: постепенно перейти отъ болѣе интенсивной формы хозяйства—хлѣбопашества—къ огородной культурѣ и далѣе—къ садоводству.

Вторымъ подводнымъ камнемъ промышленнаго товарищества является борьба за сбытъ. Товариществу не подѣ силу будетъ бороться съ конкуренціей обладающихъ большими капиталами частныхъ производителей, которые его убьютъ. Съ сельскохозяйственнымъ товариществомъ этого никогда не можетъ случиться, такъ какъ хлѣбъ и мясо могутъ, правда, сильно упасть въ цѣнѣ, но сбытъ имъ обезпеченъ всегда, не то что роялямъ или трубкамъ. Кроме того здѣсь имѣется еще огромная разница: чѣмъ больше членовъ войдутъ въ составъ промышленнаго товарищества, тѣмъ больше производство ихъ приблизится къ крупной промышленности, будетъ выдѣлывать массу предметовъ и все болѣе и болѣе приобщаться къ борьбѣ и соревнованію съ большимъ рынкомъ, а при увеличеніи числа участниковъ сельскохозяйственнаго товарищества получается обратное явленіе: чѣмъ больше лицъ занято обработкой одного клочка земли, тѣмъ благороднѣе и рѣдкостнѣе становится ихъ производство—отборныя сѣмена, племянной вышнихъ породъ скотъ, лучшихъ сортовъ убойный скотъ, наиболѣе нѣжные овощи и цвѣты. Подобные предметы не имѣютъ общерыночной цѣны, а любительскую, и оплачиваются тѣмъ дороже, чѣмъ они рѣдкостнѣе. Такимъ образомъ ясно, что, какъ разъ въ противоположность своему собрату въ промышленности, сельскохозяйственное товарищество съ увеличеніемъ числа своихъ членовъ становится менѣе зависимымъ отъ конъюнктуры большого рынка.

Третьимъ подводнымъ камнемъ промышленнаго производителя товарищества нужно считать борьбу за дисциплину; здѣсь замѣчается та-же противоположность жизненныхъ условій, а именно: чѣмъ больше участниковъ объединяются въ промышленномъ товариществѣ, тѣмъ труднѣе соблюденіе порядка работъ, т. к. въ фабричномъ производствѣ рабочіе тѣмъ больше должны подчиняться, чѣмъ ихъ больше, а въ товариществѣ это представляетъ непреодолимая затрудненія. Въ сельскомъ же хозяйствѣ наоборотъ — дисциплина становится тѣмъ слабѣе, чѣмъ больше рабочихъ соединяется вмѣстѣ, они всегда больше распределяются рядомъ другъ съ другомъ. На большихъ помѣщичьихъ поляхъ косари и жнецы работаютъ рядами,

шеренгами—почти какъ солдаты. Въ садовыхъ работахъ, при окапываніи, подчищеніи и прививкѣ каждый работаетъ почти самостоятельно. Словомъ—сельское хозяйство при возрастающей интенсивности культуры все болѣе и болѣе приближается къ художественному ремеслу, а уже давно установлено, что ни одна отрасль не имѣетъ столько шансовъ на успѣхъ при организаціи на началахъ товариществъ, какъ художественная промышленность. Это было извѣстно уже Шульце-Деличу.

Прежде всего—промышленное производительное товарищество принадлежитъ къ негармоничнымъ товариществамъ, которыя приговорены къ смерти внутреннимъ органическимъ недостаткомъ; сельскохозяйственное-же принадлежитъ къ гармоничнымъ товариществамъ, устроеннымъ такъ, что интересы всѣхъ участниковъ согласуются, и потому они почти всегда процвѣтаютъ. Сельскохозяйственное товарищество такъ-же гармонично, какъ потребительные союзы или кредитныя товарищества, поэтому оно можетъ надѣяться процвѣтать, какъ и они, а промышленное производительное товарищество не гармонично и никогда не можетъ достигнуть процвѣтанія.

Теперь возникаетъ второй и самый важный вопросъ: какую же пользу можетъ сельско-хозяйственное товарищество оказать горожанамъ—нашимъ рабочимъ и ремесленникамъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть полученъ только послѣ отвѣта на другой слѣдующій вопросъ: Слѣдуетъ-ли признать, что такое товарищество должно повліять на улучшеніе положенія всего класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ? Въ такомъ случаѣ, какъ легко можно понять, само собой явится улучшеніе положенія болѣе высокихъ слоевъ рабочихъ. Если-же признать, что товарищество послужитъ только къ улучшенію положенія лишь отдѣльныхъ рабочихъ, выдѣливъ ихъ изъ ихъ среды, то тогда и эта форма кооператива не будетъ имѣть никакого рѣшительнаго вліянія на разрѣшеніе великой задачи социальнаго вопроса.

Авторъ того мнѣнія, что сельскохозяйственное товарищество окажется на высотѣ своей задачи—поднять весь классъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, а тѣмъ самымъ и всѣ другіе классы.

Прежде всего вообще маловероятно, чтобы правительство при какой либо формѣ правленія, хотя бы самаго усовершенствованнаго вида, согласилось на отобрание земель у помѣщиковъ и передачу ихъ товарищескимъ организаціямъ. Правительство до сихъ поръ, насколько извѣстно изъ исторіи, никогда не было ни чѣмъ другимъ, какъ избранникомъ господствующаго класса, и только мечтатель можетъ надѣяться на то, что оно само откинетъ тотъ сукъ, на которомъ сидитъ. Къ тому же едва ли бы эта прави-

тельствственная поддержка могла принести пользу. Тамъ, гдѣ до сихъ поръ товарищеское начало одерживало побѣду, оно сражалось подъ знаменемъ самопомощи. Такіе товарищества, которыя живутъ въ долгъ, только парализуютъ нервъ хозяйственной дѣятельности.

Если вспомнить то, что говорилось выше объ увеличеніи цѣнности имѣнія съ переходомъ его во владѣніе товарищества, то нельзя не согласиться, что основаніе такого денежными людьми уже съ первыхъ опытовъ окажется весьма выгоднымъ предпріятіемъ, общающимся почти безъ всякаго риска приличныя выгоды и хорошій процентъ на вложенный капиталъ. Ну, а на выгодное предпріятіе всегда найдутся охотники. Сколько имѣній въ настоящее время заложены уже за почти полную стоимость и даже выше стоимости. Всѣмъ извѣстно, что многіе ипотечные банки давно не получаютъ исправно процентовъ и только потому не приступаютъ къ отобранію имущества, что управленіе собственными служащими обойдется еще дороже и что они избѣгаютъ „списывать со счетовъ.“ Если они увидятъ предъ собой путь спасти свое достояніе, то они не задумаются вступить на него, т. е. отобрать имущества и отдать ихъ въ аренду, или продать создавшемуся для этой цѣли и находящемуся подъ надежнымъ управленіемъ товариществу. Точно также есть тысячи помѣщиковъ съ высокой задолженностью имѣній, которые еще съ трудомъ держатся, но съ удовольствіемъ бы воспользовались средствомъ выйти съ честью изъ этого положенія съ сохраненіемъ вложеннаго капитала. При желаніи и при умѣнии хозяйничать они могутъ передать свое имѣніе товариществу и за определенное содержаніе и тантьему остаться, при пожизненномъ сохраненіи усадьбы и права охоты, управляющими и представителями товарищества.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что если первый опытъ удастся, то большое число имѣній превратится въ товарищества. Тотъ, кто сочтетъ это утопіей, пусть вспомнитъ, что изъ 16-ти ткачей, основавшихъ въ 1844 году въ Ротдэлѣ первый потребительскій кооперативъ, въ 1896 году уже получилось полтора милліона участниковъ, собственный капиталъ которыхъ составлялъ 360 милліоновъ и которые при оборотѣ въ полторы тысячи милліоновъ марокъ могли выплатить 155 милліоновъ дивиденда. Да будетъ ему напомяно еще, что изъ пары членовъ основанныхъ Шульце-Деличемъ народныхъ банковъ въ 1897 уже образовалось почти 500000 человекъ, капиталъ которыхъ равнялся 150 милліонамъ марокъ, а сумма выданныхъ ссудъ достигла 1750 милліоновъ марокъ. Да будетъ ему указано, что изъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ товариществъ, основанныхъ Шульце-Деличемъ въ суровой борьбѣ съ реакціей, выросло въ настоящее время болѣе 16.000,

число участников которых составляет нѣсколько миллионовъ представителей семей. Эти цифры доказываютъ, что каждое товарищество, которое какъ предпріятіе является выгоднымъ, чрезвычайно быстро увеличивается численно. Поэтому нельзя сомнѣваться въ томъ, что и сельскохозяйственное товарищество, если оно дѣйствительно окажется прибыльнымъ предпріятіемъ, разрастетъ такъ-же быстро. Будетъ-ли оно выгоднымъ, конечно, можетъ показать опытъ, но что оно имѣетъ всѣ данныя для этого, объ этомъ никто спорить не станетъ.

Однако могутъ возразить, что ожидать улучшенія положенія всѣхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, какъ класса, нельзя, потому что какъ можемъ мы улучшить положеніе тѣхъ, которые живутъ въ имѣніяхъ помѣщиковъ съ небольшою задолженностью или на совершенно свободныхъ отъ долговъ земляхъ фидеикомисныхъ собственниковъ?

Эти люди будутъ вынуждены сдать свои позиціи не вслѣдствіе революціи, не въ слѣдствіе давленія со стороны правительства, а въ силу чисто экономическихъ причинъ.

На нашихъ большихъ имѣніяхъ, какъ извѣстно изъ жалобъ аграріевъ, уже и теперь царитъ хроническій недостатокъ рабочихъ рукъ. Если кооперативное сельскохозяйственное предпріятіе хочетъ вести разумное хозяйство, то оно должно привлечь рабочія руки, въ особенности если оно рѣшитъ перейти къ интенсивной формѣ хозяйства. Эта рабочая сила можетъ явиться только изъ большихъ имѣній, находящихся еще въ частныхъ рукахъ.

Расчетъ показываетъ, что на раздѣленномъ на участки дворянскомъ имѣніи размѣщается и имѣетъ заработокъ приблизительно въ три раза большее число семей, чѣмъ прежде было поденщиковъ. Такимъ образомъ, если даже только нѣсколько сотъ большихъ имѣній превратятся въ товарищества, то уже многія тысячи семей рабочихъ отхлынутъ отъ частновладѣльческихъ имѣній. Тогда на сельскомъ рынкѣ труда измѣнятся условія спроса и предложенія въ пользу рабочихъ, ихъ заработная плата возрастетъ, а значитъ улучшится положеніе всего рабочаго класса этой категоріи.

Увеличеніе платы рабочихъ влечетъ за собой однако уменьшеніе доходовъ землевладѣльца. Если-бы въ настоящее время каждому помѣщику пришлось платить каждой изъ 50 семей рабочихъ, напр., на 300 марокъ или въ общей сложности на 15000 марокъ заработной платы больше, то большинство теперешнихъ помѣщиковъ разорилось-бы. Они не были-бы въ состояніи выплачивать проценты по закладнымъ, имѣнія ихъ были-бы отобраны и ихъ кредиторы *volens nolens* вынуждены были-бы передать имѣнія това-

риществамъ. Этимъ созданъ бы новый отливъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ на эти имѣнія, новое повышеііе цѣнъ на рабочія руки, новыя банкротства, новыя товарищества и такъ далѣе, пока не осталось бы ни одного большого частновладѣльческаго имѣнія, имѣющаго вообще залоговыя обязательства.

Нѣсколько майоратныхъ и фидеикомисныхъ имѣній, которыя быть можетъ еще сохраняются, не могутъ имѣть значенія для хода этого дѣла. Если ихъ владѣльцы будутъ упорствовать и если правительство допустить такое расточеніе его лучшаго національнаго имущества, то имъ придется оставить земли втунѣ, такъ какъ обрабатывать ихъ они не будутъ имѣть возможности за недостаткомъ рабочихъ рукъ.

Когда въ 1000 г. по Р. Х. нѣкоторые умные владѣльцы большихъ имѣній отдали свои земли крестьянамъ въ наслѣдственную аренду, то черезъ весьма короткое время всѣ остальные были вынуждены сдѣлать то-же самое, такъ какъ ихъ поденщики просто бѣжали отъ нихъ. А эти поденщики были еще прикрѣплены къ мѣсту и ихъ можно было вернуть силой, если найдешь! Наши восточно германскіе рабочіе, однако, имѣютъ право свободнаго передвиженія и могутъ идти куда хотятъ.

Итакъ, сельскохозяйственное производительное товарищество является по всему вѣроятію средствомъ для улучшенія положенія всего класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Представимъ себѣ, что доходъ каждой семьи сельскохозяйственнаго рабочаго, живущей къ востоку отъ Эльбы, съ теченіемъ времени увеличится въ среднемъ на 300 марокъ. Такъ какъ эти люди почти вполне обезпечены питательными продуктами собственнаго производства, то все это громадное увеличеніе покупательной способности пойдетъ на увеличеніе спроса на ремесленныя издѣлія городской промышленности. Какоіо это можетъ имѣть значеніе, ясно показываетъ состояніе промышленности запада и юго-запада, гдѣ покупателями являются состоятельные крестьяне, вмѣстѣ изголовавшіеся поденщиковъ. Объ этомъ можно также спросить ремесленниковъ Кольберга, гдѣ промышленность сразу снова обрѣла золотое дно, благодаря тому, что одинъ еврей—скупщикъ имѣній—заселилъ пару дворянскихъ имѣній крестьянами и приэтомъ обдѣлалъ еще блестящее дѣльце. Опустевшій было еженедѣльный базаръ сразу наполнился и въ кассахъ ремесленниковъ появились деньги.

Вернемся къ нашему разсужденію. Мы пришли къ тому, что существенно увеличившее свой доходъ сельское рабочее населеніе явится на рынокъ со спросами на промышленныя издѣлія, увеличеннымъ на миллиардъ. Спросъ на издѣлія является вмѣстѣ съ тѣмъ и спросомъ на тѣхъ,

кто ихъ изготовляетъ, т. е. рабочихъ—мастеровыхъ. Когда спросъ увеличивается, а предложеніе остается тѣмъ-же, то, какъ извѣстно, увеличивается цѣна; цѣной рабочей силы является рабочая плата, значитъ увеличивается заработная плата рабочихъ мастеровыхъ.

Но это еще далеко не все. До сихъ поръ излишекъ прироста сельскаго населенія регулярно уходилъ въ города, чтобы тамъ, вставъ въ ряды резервной арміи, вліять на пониженіе заработка промышленныхъ рабочихъ. Теперь эти сельскіе рабочіе правда тоже уходятъ изъ господскихъ имѣній, но уже не въ города, а въ сельскія товарищества. Быть можетъ, и даже весьма вѣроятно, что даже городскіе ремесленники возвратятся въ деревню, чтобы тамъ производить плотничьи, столярныя, сапожныя и др. работы.

Что-же это значитъ? Это значитъ, что въ то время, какъ спросъ на ремесленный трудъ сильно возрастаетъ, предложеніе труда со стороны такихъ рабочихъ все болѣе уменьшается. Въ силу этого сильно повышается и заработная плата. Изъ этого слѣдуетъ, что участіе труда въ созданіи національнаго богатства растетъ, а участіе капитала падаетъ. Это обозначаетъ начало разрѣшенія социальнаго вопроса.

Это можетъ показаться крайне „утопичнымъ“, но на дѣлѣ это не такъ, ибо эта такъ называемая утопія существовала четыреста лѣтъ.

Пока нѣмецкая земля была въ рукахъ свободныхъ крестьянскихъ товариществъ, въ теченіе четырехсотъ счастливыхъ лѣтъ, до тѣхъ поръ существовало народное хозяйство безъ истощенія хозяйствъ, безъ кризисовъ, безъ нужды; общественная нравственность была на высотѣ, ремесло было обдагорожено искусствомъ. Въ тѣ времена, съ XI по XIV в., силы природы еще не были подчинены человѣку и животная и мускульная человѣческая сила были единственными двигателями. Тѣ времена были нищенски бѣдны сравнительно съ нашимъ, когда подъ рукою каждаго рабочаго имѣется двадцать стальныхъ слугъ, но тѣмъ не менѣе они были чрезвычайно богаты. Разсчитайте же, какъ безгранично богаты должны бы были быть мы, если бы могли такъ-же развить наши хозяйственныя силы, какъ они развили свои ничтожныя.

Можно, пожалуй, сказать: это было такъ давно, это можетъ быть дошло до насъ въ неправильной исторической передачѣ; наконецъ, это можетъ быть вѣрно само по себѣ, но для нашего времени не доказательно, такъ какъ наше время считается въ основахъ своей производительности съ совершенно другими силами и средствами.

Такими замѣчаніями нельзя пренебрегать, но ихъ слѣдуетъ сопоставить съ рядомъ опытовъ, произведенныхъ въ настоящее время и въ странѣ съ наиболѣе сильнымъ

капиталистическимъ развитіемъ — въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

Дѣло идетъ о трехъ общинахъ, экономической основой которыхъ является общее владѣніе землей, такъ что каждому желающему предоставляется столько земли, сколько требуется для жилья и хозяйственныхъ надобностей, но не болѣе. Тутъ нѣтъ никакой возможности спекулировать землей, поэтому нѣтъ и повышенія арендной платы за землю совершенно такъ-же, какъ это было въ средніе вѣка въ Германіи.

И на этихъ основахъ повсюду поконится зданіе товарищескаго кооператива. О пролетаріатѣ, о бѣдности и разореніи и помину нѣтъ нигдѣ, никакой „кризисъ“ не въ состояніи поколебать прочное зданіе общинности. Повсюду наблюдается удивительно высокая степень всеобщаго и довольно ровно распределеннаго благосостоянія, высокая нравственность, проявляющаяся въ отсутствіи преступленій и проституціи. Самая маленькая изъ этихъ общинъ это колонія Риверсайдъ въ Калифорніи, знаменитѣйшій апельсиновый садъ Зап. Америки, какъ-бы по волшебству созданный прилежными соединившимися въ общину рабочими на одной изъ песчаныхъ пустынь, считавшихся совершенно негодными. Смайсъ (Smythe) пишетъ объ этомъ въ *Atlantic Monthly*:

„Дома и улицы колоніи, появившіеся въ короткій промежутокъ одной человѣческой жизни на плохомъ пастбище для овецъ, принадлежать къ прекраснѣйшимъ въ свѣтѣ. Когда смотришь на нихъ съ восторгомъ, то долженъ всѣ время напоминать себѣ, что это жилища и среда людей средняго достатка, живущихъ сельскохозяйственнымъ трудомъ. Разумѣется, въ важныхъ предмѣстьяхъ большихъ городовъ восточной Америки встрѣчаются столь-же прекрасныя виллы, но онѣ принадлежатъ высшему классу, небольшому меньшинству богатыхъ или по крайней мѣрѣ очень состоятельныхъ людей. Это не крестьяне и не садовники, а дѣловые люди и фабриканты, достигшіе верховъ. Но въ Риверсайдѣ почти 90% общаго населенія живутъ въ домахъ, расположенныхъ въ прекрасныхъ, покрытыхъ садами улицахъ съ почти непрерывно идущими, хорошо содержащимися газонами, богатыми цвѣтниками и красивыми парками. Газетчики спуютъ по великолѣпнымъ улицамъ съ издающимися въ самомъ мѣстечкѣ утренними и вечерними газетами, а обитатели, хотя и состоящіе изъ крестьянъ, наполняютъ ванны свои изъ обслуживающаго весь городъ водопровода и освѣщаютъ свои дома электричествомъ. Въ центрѣ колоніи расположены прекрасныя магазины, церкви, гостиницы и помѣщенія для собраній. Ихъ школы стоятъ на самой высокой ступени и помѣщаются въ зданіяхъ, своей красотой и удобствами свидѣтельствующихъ

о высокомъ развитіи художественнаго пониманія гражданъ. Хорошо обставленъ также и клубъ и его читальня. Во всей колоніи имѣется только одинъ трактиръ, но посѣщеніе его считается рѣшительно неприличнымъ.

Въ основу здѣсь положено мелкое крестьянское землевладѣніе (отъ 6 до 12 морговъ), всякое крупное землевладѣніе исключается; на этомъ строится зданіе равномерно распределеннаго благосостоянія при товарищеской организаціи хозяйства во всемъ существенномъ. Водопроводъ, жизненный нервъ колоніи, и сбытъ фруктовъ подлежатъ общинному управленію. Эксплуатація рабочихъ не можетъ имѣть мѣста, т. к. тамъ, гдѣ каждый можетъ сдѣлаться землевладѣльцемъ, не можетъ быть ни слугъ, ни поденщиковъ. Поэтому работа такъ уважается, что на одномъ банкетѣ, данномъ колоніей въ честь конгресса водопроводныхъ техниковъ, дамы прислуживали гостямъ за столомъ. Къ крайнему удивленію европейскихъ гостей Сенноръ де Иборолла, поднявъ бокалъ за „любезныхъ кельнершъ“.

Второй случай относится къ чисто земледѣльческой колоніи Вайнлендъ, въ Нью-Джесеѣ. Чарльзъ К. Цандисъ, владѣлецъ весьма крупной земельной площади, сдержалъ свое обѣщаніе продать всю эту землю по одной и той же опредѣленной цѣнѣ отъ перваго акра до послѣдняго; этимъ онъ исключилъ возможность возникновенія повышающейся аренды и достигъ того, что въ теченіе двѣнадцати лѣтъ его участокъ заселился, при чемъ число жителей дошло до одиннадцати тысячъ. Благосостояніе ихъ было всеобщее, и жили они при такой же высокой культурности и нравственности, какъ плодороды колоніи Риверсайды.

Третій случай обнимаетъ уже цѣлый штатъ, а именно—мормонскій штатъ Утахъ. И здѣсь тѣ-же основы—мелкая крестьянская собственность и полное исключеніе крупнаго землевладѣнія. И здѣсь бросающееся въ глаза благосостояніе при отсутствіи бѣдности, эксплуатаціи и кризисовъ, также общинная организація водопровода, производства и потребленія. Полное описаніе можно найти въ *Atlantic Monthly* за май 1886, вышедшее изъ подъ пера А. Smythe'a.

Не принадлежа ни къ социалистической, ни къ коммунистической школѣ, авторъ все же высказываетъ рѣшительное осужденіе тому строю общественно-экономическихъ отношеній, который установился въ передовыхъ странахъ Западной Европы съ воцареніемъ свободы конкуренціи. „При нынѣшнемъ нашемъ устройствѣ капиталъ есть все, а трудъ—ничто; и однако-жь о трудѣ съ такой же справедливостью можно сказать, какъ передъ первой французской революціей говорили о среднемъ сословіи: что значить въ настоящее время трудъ? Ничто. Чѣмъ онъ долженъ быть? Всѣмъ“.

Между вопросами, занимающими современное общество, на первом планѣ стоитъ вопросъ о такъ называемомъ рабочемъ классѣ*). Даже поверхностный взглядъ на положеніе въ современномъ государствѣ этого многочисленнаго класса открываетъ такія ужасныя несообразности, такую возмутительную несправедливость нашихъ учреждений, что рѣшительно непостижимо, какъ они еще могутъ существовать такъ долго, и мы невольно убѣждаемся, что человѣкъ не видитъ именно того, что ближе всего къ нему. Но истина, какъ только она разъ открыта и высказана, сама уже пролагаетъ себѣ путь и ведетъ къ дѣлу.

Такъ, ученіе Христа быстрыми шагами повело къ уничтоженію рабства въ Европѣ; такъ—недавно исчезло въ ней крѣпостное право, послѣ того какъ увидѣли, что этимъ унижается человѣчество; точно также не долго ждать, когда съ новымъ социальнымъ устройствомъ исчезнетъ пропасть, раздѣляющая капиталиста отъ работника, и когда трудъ будетъ получать должное вознагражденіе“.

Реформа современнаго состоянія, говоритъ далѣе авторъ, неизбежна даже въ интересахъ владѣющихъ классовъ, потому что это единственный путь, которымъ можно избѣжать революціи. Политическое устройство Европы непременно должно измѣниться въ пользу демократіи; необходимо измѣнить также и социальное ея положеніе. И какъ въ политическомъ отношеніи тамъ, гдѣ къ этому не шли мирнымъ путемъ, перемѣна была добыта силой посредствомъ революцій, точно то же будетъ и здѣсь.

Но, говоря о социальной реформѣ, нужно имѣть въ виду, что леченіемъ сверху ничего здѣсь не сдѣлаешь. Кто хочетъ строить, тотъ долженъ начать снизу. Дерево я могу облагородить тщательнымъ уходомъ за нимъ, но мое искусство только тогда поможетъ ему, когда оно само твердо стоитъ на своемъ корнѣ. Рабочимъ классомъ можно руководить, люди болѣе образованные могутъ сообщить ему свои свѣдѣнія, могутъ возбуждать въ немъ чувства высокаго и прекраснаго, но если рабочіе желаютъ улучшить свое социальное положеніе на твердыхъ и неизмѣнныхъ началахъ, то этого они могутъ достигнуть только помогая сами себѣ. Задача рабочихъ трудна, но не невозможна.

Они имѣютъ противъ себя превосходство капитала и часто направленные противъ нихъ предписанія законовъ, но зато они обладаютъ численностью. Чтобы привести ее въ дѣйствіе, есть только одно средство—кооперация, дѣйствіе общими силами. Въ то время какъ одинъ ничего не мо-

*) Подъ рабочимъ классомъ Пфейфферъ разумѣетъ тѣхъ, которые „поддерживаютъ свое существованіе грубыми механическими работами, слѣдовательно, главнымъ образомъ, ремесленниковъ, подмастерьевъ, поденщиковъ, мелкихъ земледѣльцевъ“.—Ассоціація. Современное состояніе рабочаго сословія и чѣмъ оно должно быть. 1866 г.

жетъ сдѣлать для себя, не въ состояніи даже дать отпоръ, всѣ они, вмѣстѣ взятые, составляютъ величайшую силу.

Это—старая исторія о пукѣ прутьевъ. Ассоціація не новый принципъ; она такъ же стара, какъ міръ.

Соединеніе людей для веденія войны или совершенія богослуженія, что мы встрѣчаемъ въ исторіи самыхъ древнихъ народовъ, было также свободной ассоціаціей для достиженія общей цѣли; то же самое мы видимъ въ послѣдствіи въ монашескихъ орденахъ. Само рыцарство можетъ быть названо громадной ассоціаціей, распространенной по всей Европѣ, потому что у него были извѣстныя общія правила и предписанія, которыми преслѣдовалась вполне опредѣленная цѣль. Въ новѣйшее время широкое распространеніе получила ассоціація капиталовъ для какого либо общаго предпріятія.

И эти ассоціаціи сыграли огромную роль. Изъ перваго соединенія людей, въ видахъ общей безопасности и общественнаго богослуженія, возникли государства. Могущество, котораго достигло рыцарство, также хорошо извѣстно; извѣстно и вліяніе, пріобрѣтенное въ прошломъ нѣкоторыми религіозными орденами. Собственно, въ наше время на примѣрѣ желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, банковъ, промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій всѣхъ родовъ мы видимъ, что можетъ сдѣлать ассоціація.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что при помощи ассоціаціи достигаются наилучшіе результаты, осуществляются самые разнообразныя умственные и нравственные интересы, пріобрѣтается капиталъ. Но до самаго послѣдняго времени принципъ ассоціаціи не прилагался къ труду; заглядить этотъ пробѣлъ—задача коопераціи.

Средневѣковые цехи нельзя считать даже попыткой внести въ трудъ принципъ ассоціаціи или же, если считать ихъ таковою, то въ очень ограниченномъ смыслѣ. Въ основаніи цехового устройства, разумѣется, лежала мысль объ охраненіи общихъ интересовъ труда и пока они ограничивались этимъ, дѣятельность ихъ была благотворна и плодотворна. Но положеніе дѣлъ скоро измѣнилось, объ общихъ интересахъ труда не было больше и рѣчи, а имѣлись въ виду лишь избранные классы и эксплуатація ими остальныхъ. Путъ, по которому шло развитіе цехового устройства, можетъ быть развѣ только поучителенъ для новыхъ ассоціацій—не больше, потому что сама кооперація столь же отлична отъ какой бы то ни было корпораціи, сколько самая свободная республика отлична отъ феодальнаго государства. Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, кооперація является продуктомъ новаго времени, когда крупная промышленность выдвинула на очередь вопросъ объ антагонизмѣ между трудомъ и капиталомъ и о способахъ его разрѣшенія.

„Сущность кооперации—въ общей совокупной дѣятельности рабочаго класса. Люди, у которыхъ интересы одинаковы, должны соединиться въ общество и идти впередъ по одному общему плану.

...Главная цѣль кооперации не только нравственно и матеріально поддерживать своихъ членовъ, но главнымъ образомъ возстановить право труда, освободить его отъ оковъ, наложенныхъ на него въ настоящее время капиталомъ“. И какъ скоро трудъ прибѣгаетъ къ ея помощи, враждебный ему капиталъ теряетъ свое могущество, трудъ перестаетъ быть подданнымъ немилосерднаго господина, напротивъ, самъ становится хозяиномъ и употребляетъ капиталъ для своихъ услугъ. Все это возможно и дѣлается при помощи ассоціаціи.

Но какъ же это случится и въ чемъ выразится это возстановленіе права труда?

Когда Пфейфферъ писалъ свою книгу, кооперативное движеніе находилось еще въ младенческомъ состояніи и насчитывало всего 15—20 лѣтъ своего существованія. Такимъ образомъ, результаты его еще далеко не успѣли проявиться въ полной мѣрѣ—ихъ можно было только предугадывать.

„Если участіе въ кооперативныхъ союзахъ станетъ возрастать все болѣе и болѣе; если вмѣсто теперешнихъ 200.000 членовъ этихъ обществъ число ихъ увеличится до 400.000 и затѣмъ скоро до миллиона и т. д., то какое же вліяніе будетъ имѣть это обстоятельство на общественныя отношенія, какого рода преобразованія поведетъ оно за собою?“—вотъ вопросъ, который ставитъ передъ собою авторъ и въ отвѣтъ на который вскрываются характерныя особенности его міросозерцанія.

Начиная съ потребительныхъ обществъ, которыя явились первыми ласточками новаго движенія, Пфейфферъ отмѣчаетъ, что они „имѣютъ въ виду произвести и производятъ весьма благодѣтельную реформу въ распредѣленіи богатствъ, коль скоро распространеніе этихъ обществъ сдѣлается всеобщимъ. А это не долго заставитъ себя ждать, потому что скоро и болѣе зажиточныя классы послѣдуютъ примѣру рабочихъ и съ своей стороны станутъ стараться извлечь пользу изъ такого цѣлесообразнаго учрежденія. Почему бы въ самомъ дѣлѣ каждому не участвовать въ такихъ ассоціаціяхъ, когда черезъ нихъ всѣ жизненныя потребности могутъ обойтись на 15—20% дешевле, чѣмъ они обходятся до сихъ поръ, и при этомъ каждый могъ бы быть увѣреннымъ, что онъ будетъ получать товары всегда лучшіе и болѣе доброкачественные? Въ Лиллѣ уже многіе изъ средняго класса приняли участіе въ таможнемъ обществѣ, и этотъ примѣръ повсюду будетъ находить для себя болѣе и болѣе подражателей. Хотя въ Ан-

глии 100.000 членовъ тамошняго союза состоятъ почти исключительно изъ фабричныхъ рабочихъ, но коль скоро проектъ общества оптовыхъ закупокъ для кооперативовъ осуществится, тогда преимущества этого учрежденія будутъ все яснѣе и яснѣе обнаруживаться, и можно предвидѣть, что въ относительно короткое время участіе въ потребительныхъ обществахъ въ Англіи сдѣлается повсемѣстнымъ“.

Но если бы потребительныя общества ставили своей единственной цѣлью переводить барышъ изъ однихъ рукъ въ другія, то съ народно-хозяйственной точки зрѣнія ихъ роль была бы невелика. Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ иначе, и при распространеніи потребительныхъ обществъ распредѣленіе товаровъ можетъ производиться со значительно меньшими издержками и значительно меньшимъ количествомъ людей, такъ что многочисленный классъ торговцевъ, живущій и обогащающійся теперь за счетъ потребителей, вынужденъ будетъ мало-по-малу перемѣнить свой трудъ распредѣленія на трудъ производительный.

Далѣе идутъ ссудо-сберегательныя товарищества, съ успѣхомъ насаждаемыя Шульце-Деличемъ и его послѣдователями; съ ихъ помощью ремесленники получаютъ возможность пріобрѣтать себѣ кредитъ на льготныхъ условіяхъ и тѣмъ улучшить свое положеніе. Немалую пользу могутъ принести и такъ называемыя сырьевыя товарищества, имѣющія своей цѣлью доставить мелкому производителю выгоды совместной закупки сырыхъ матеріаловъ.

Всѣ эти формы коопераціи, однако, сами по себѣ не могутъ разрѣшить социальнаго вопроса. Ихъ роль заключается въ томъ, что онѣ даютъ возможность рабочимъ (къ которымъ авторъ причисляетъ и ремесленниковъ) хоть нѣсколько улучшить свое тяжелое положеніе и служить переходомъ къ высшей формѣ трудового сотрудничества, долженствующей въ корень устранить современныя противорѣчія между трудомъ и капиталомъ, а именно—производительнымъ товариществамъ.

Говоря о томъ, что ссудо-сберегательныя товарищества помогаютъ мелкимъ ремесленникамъ въ конкуренціи съ крупной промышленностью и даютъ иногда рабочимъ возможность самостоятельно заниматься промысломъ, онъ подчеркиваетъ затѣмъ, что „подобныя общества будутъ имѣть только плачевныя послѣдствія, если цѣль ихъ не прострется далѣе поддержки на нѣкоторое время жалого существованія, на которое осуждена мелкая промышленность“. Ибо всюду, гдѣ послѣдняя вступала въ борьбу съ фабричнымъ производствомъ, она не въ силахъ была долго бороться, такъ какъ крупная промышленность благодаря раздѣленію труда и примѣненію машинъ имѣетъ возможность, къ выгодѣ для общества, продавать свои товары дешевле. „Поэтому съ народно-хозяйственной точки зрѣнія не слѣдуетъ

желать ни того, чтобы мелкое ручное производство продолжало еще существовать, ни даже того, чтобы ему покровительствовали тамъ, гдѣ возможна крупная промышленность. Слѣдовательно, вышеупомянутыя кредитныя товарищества не должны быть высшей и послѣдней цѣлью рабочихъ ассоціацій. Самой высшей и вмѣстѣ достижимой ихъ цѣлью въ этомъ направленіи должно быть производство въ большихъ размѣрахъ, совершаемое товариществами самихъ рабочихъ. Въ этомъ случаѣ задача и заслуга ссудныхъ обществъ будетъ состоять лишь въ постепенномъ приготовленіи той почвы, на которой, если они исполняютъ это, кооперативное производство уже въ скоромъ времени принесетъ прекрасные плоды“.

Усвоивъ выгоды раздѣленія труда, примѣненія машинъ и сокращенія издержекъ и присоединивъ сюда еще большую старательность и заботливость рабочихъ, которые будутъ имѣть свою долю въ результатахъ производства, кооперація получитъ возможность не только конкурировать съ капиталистическими фабриками, но и побивать ихъ, и капиталъ будетъ вынужденъ служить труду на справедливыхъ условіяхъ.

Далѣе авторъ останавливается на вопросѣ о томъ, насколько ассоціація примѣнима къ сельскому хозяйству, которое „по самой природѣ своей только до известной степени способно къ раздѣленію труда“. Склоняясь къ мнѣнію тѣхъ экономистовъ, которые считаютъ болѣе выгоднымъ преобладаніе въ странѣ мелкаго землевладѣнія, онъ находитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и здѣсь производительныя товарищества могутъ найти себѣ благопріятную почву.

„Ассоціація, примѣненная къ сельскому хозяйству, соединяетъ преимущества и выгоды какъ крупнаго, такъ и мелкаго производства. По новой системѣ каждый работникъ дѣлается владѣльцемъ и, слѣдовательно, съ такимъ же усердіемъ пойдетъ на работу, какъ и мелкій хлѣбопашецъ. Равнымъ образомъ, можно пользоваться выгодами, какія возможны только въ большомъ хозяйствѣ. Болѣе трудныя работы, какъ осушка или орошеніе полей, почти только и возможны въ большомъ хозяйствѣ; равнымъ образомъ, почти только для нихъ возможно заведеніе и употребленіе многихъ машинъ. Только при большомъ хозяйствѣ можно устроить побочныя производства, какъ-то: винокуренные и пивоваренные заводы, фабрикацію свекловичнаго сахара и т. д. Такимъ образомъ, ассоціація дѣлаетъ доступными и сельскому пролетаріату, и мелкимъ землевладѣльцамъ всѣ тѣ выгоды, которыми до сихъ поръ могли пользоваться только богатѣйшіе помѣщики“.

Но сельскій пролетаріатъ, въ которомъ главнымъ образомъ должно было бы обнаружиться стремленіе къ коопераціи, большей частью не имѣетъ рѣшительно никакихъ

средствъ. По мнѣнію автора, можно представить только два способа, которые отдѣльно или вмѣстѣ могутъ быть приложены къ дѣлу для достиженія желанной цѣли—сельско-хозяйственныхъ ассоціацій. Одинъ способъ—это введеніе потребительныхъ обществъ по образцу англійскихъ въ сельскіе округа, гдѣ ихъ почти вовсе не существуетъ, и гдѣ они обѣщаютъ дать наилучшіе результаты. Ибо когда сельскіе работники при помощи потребительныхъ обществъ сдѣлаются капиталистами, они могутъ брать въ аренду или покупать земельные участки, чтобы—образовавъ общину—превратить въ капиталъ свой трудъ.

Второй, болѣе прямой способъ можетъ быть приложимъ тамъ, гдѣ раздробленіе помѣстьевъ уже достигло такой степени, что оно тягостно для самихъ владѣльцевъ. Тогда, если нѣкоторая часть этихъ мелкихъ владѣльцевъ соединится для общинной обработки, то изъ ничтожныхъ кусочковъ составитъ большой участокъ земли: тогда эти владѣльцы сообща могутъ завести машины, устроить зданія, привести въ непрекрасное состояніе свой скотъ—однимъ словомъ, устроить раціональное хозяйство и воспользоваться всѣми выгодами крупнаго производства.

Имущество и инструменты, которыя удастся собрать ассоціаціи, должны быть оцѣнены и на нихъ должно смотрѣть, какъ на денежные вклады, какъ это дѣлается въ производительныхъ товариществахъ ремесленниковъ во Франціи, гдѣ каждый доставлялъ обществу свои инструменты. Тогда каждый долженъ былъ бы отказаться отъ всякой претензіи на особый участокъ земли и развѣ могъ бы только требовать отъ общины соотвѣтственной суммы денегъ. Естественно, что при распредѣленіи прибыли должны были бы образоваться двѣ части, изъ которыхъ одна давалась труду, а другая—капиталу. Такія ассоціаціи имѣли бы вѣрнѣйшую надежду на успѣхъ и скоро могли бы получить широкое распространеніе. Такъ мало по-малу современныя социальныя отношенія подвергнутся коренному измѣненію.

Въ производствѣ и торговлѣ будетъ меньше обмановъ и барышничества. Разумная соразмѣрность и строгая законность заступитъ мѣсто шарлатанства и плутовства. Отдѣльныя личности не будутъ болѣе такъ быстро наживаться, какъ теперь, но всѣ будутъ достигать болѣе или менѣе высокаго благосостоянія, и общественная нравственность получитъ для себя прочные устои.

Тогда въ обществѣ не будетъ уже двухъ враждебныхъ классовъ, которые, подобно египетскимъ кастамъ, грозятъ людямъ вѣковымъ разъединеніемъ. Съ уничтоженіемъ непримиримыхъ интересовъ, раздѣляющихъ теперь общество, прекратятся постоянные споры между предпринимателями и рабочими. Въ настоящее время работода-

тель стремится получить отъ рабочаго какъ можно больше за возможно меньшую плату; интересъ рабочаго побуждаетъ его дѣлать какъ можно меньше и какъ можно дороже. Съ распространеніемъ системы коопераціи не будетъ ни господъ, ни подчиненныхъ, всѣ соединятся, будутъ участниками въ общемъ дѣлѣ и имѣть одинъ общій интересъ—споспѣшествовать своему предпріятію и заботиться о его процвѣтаніи.

Рабочій, получившій самостоятельность при новой организаціи, возвышается нравственно, какъ рабъ, ставшій свободнымъ человекомъ; онъ будетъ сознавать свое достоинство и возвысится, пользуясь большей свободой. Привыкну повиноваться только тѣмъ законамъ, въ составленіи коихъ онъ самъ участвовалъ, онъ и въ жизни политической будетъ выше цѣнить свободу и лучше хранить ее...

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, въ основѣ всей этой системы лежитъ идея производительнаго товарищества, въ которомъ авторъ видитъ „единственный путь“ для достиженія эмансипаціи рабочаго класса отъ ига капитала. Однако, опытъ тѣхъ тридцати слишкомъ лѣтъ, которыя прошли со времени появленія произведенія Ф. Бюше, совершенно не оправдывалъ столь оптимистическихъ ожиданій. Практика показала, что производительныя ассоціаціи, предоставленныя собственнымъ силамъ, развиваются очень медленно и скоро или вырождаются, или распадаются. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ не согласенъ и съ планами Луи-Блана и Лассалля, которые хотѣли прибѣгнуть къ помощи государства; онъ строго критикуетъ ихъ и считаетъ этотъ путь вреднымъ и несущественнымъ.

„Лассаль считаетъ невозможнымъ — говоритъ онъ — чтобы работники, опираясь только на свои собственные силы, могли достигнуть чего-нибудь полезнаго въ этомъ отношеніи (въ дѣлѣ освобожденія отъ ига капитала), и потому требуетъ отъ государства, чтобы оно давало имъ необходимый капиталъ для ихъ предпріятій, а нашъ планъ идетъ къ тому, что работники могутъ достигнуть желаемой цѣли своими собственными усиліями, и приведенные нами до сихъ поръ примѣры, кажется, достаточно доказали это.

Такимъ образомъ, мы требуемъ отъ государства только того, чтобы оно поддерживало и споспѣшествовало добруму дѣлу, насколько это возможно для него, не вмѣшиваясь прямо во внутреннія дѣла ассоціацій и не нарушая чужихъ правъ“.

Коммунизмъ и социализмъ оказались несостоятельными, когда ихъ пытались осуществить на практикѣ въ условіяхъ современной жизни. Другое дѣло та система, которую развилъ авторъ и которую онъ окрестилъ первые именемъ кооператизма—ей онъ „смѣло предска-

зываетъ несомнѣнный успѣхъ и рѣшительную побѣду, потому что задача коопераціи не ниспроверженіе всего существующаго однимъ ударомъ и созданіе совершенно новыхъ отношеній, а постепенное стремленіе измѣнить существующее въ пользу бѣднѣйшихъ классовъ населенія“...

Съ тѣхъ поръ прошло еще пятьдесятъ лѣтъ, и мы видимъ теперь, что предсказаніе автора дѣйствительно оказалось слишкомъ смѣлымъ, но только въ иномъ смыслѣ! Кооперативное движеніе дѣйствительно мощно развилося за это время во всѣхъ странахъ, но производительная ассоціація находится въ столь же жалкомъ положеніи, какъ и раньше; вмѣстѣ съ тѣмъ не приходится уже говорить и о разрѣшеніи при помощи ея социальнаго вопроса или о побѣдѣ труда надъ капиталомъ.

Эти факты представляютъ, разительное доказательство справедливости его общаго экономическаго представленія и прежде всего подтверждаютъ изложенную имъ теорію о средневѣковомъ народномъ хозяйствѣ. Эти основы разумнаго гармоничнаго хозяйства могутъ быть возстановлены и въ старой Европѣ, не смотря на ея въ развалинахъ стоящіе замки,—возможность для cadaго получить землю, не платя изъ года въ годъ все возрастающую аренду. Путь къ этому ведетъ черезъ сельскохозяйственное производительное товарищество къ поселковому товариществу (Siedlungsgenossenschaft).

Крестьяне-мормоны сумѣли за 50 лѣтъ скопить 463 милліона долларовъ за вычетомъ расходовъ на свое содержаніе; это составитъ въ годъ на семью, при наибольшемъ числѣ фермеровъ въ 19500, почти 1800 марокъ. А эти люди начали съ ничего, въ пустынѣ, которая, казалось, могла давать только соль, и жили вдали отъ цивилизаціи и ея раздѣленія труда, повышающаго производительность! Какъ-же повысилось-бы благосостояніе такой колоніи въ старой культурной странѣ, на плодородной почвѣ и при возможности пользоваться всѣми вспомогательными средствами широко развитаго народнаго хозяйства!

Наше общественное богатство тормозится невыносимыми оковами. Потому что, хотя и совершенно вѣрно положеніе, что мы не можемъ потребить больше, чѣмъ мы можемъ произвести, но столь-же вѣрно и обратное положеніе, которое ремесленники науки до сихъ поръ не хотятъ признать: мы не можемъ производить больше, чѣмъ мы смѣемъ потребить. Мы смѣемъ потреблять только немного, такъ какъ покупная сила народныхъ массъ стоитъ на весьма низкомъ уровнѣ благодаря нашей злосчастной системѣ оплаты труда; поэтому то мы и не можемъ использовать ту безграничную мощь, которую уже теперь даютъ намъ прирученныя силы природы для добычи богатства. Мы выработываемъ гораздо меньше товаровъ, чѣмъ мы могли-бы

выработать, если-бы все, что мы производимъ, шло тѣмъ, кто въ этомъ нуждается. Этотъ путь, однако, прегражденъ имъ системой оплаты труда, а эта система является прямымъ слѣдствіемъ занятія земель частными владѣльцами. Стоитъ только убрать это препятствіе съ дороги, какъ мы освободимъ отъ оковъ нашихъ покорныхъ слугъ—силы природы, которая осыпаетъ насъ такими богатствами, о которыхъ мы и понятія сейчасъ не можемъ составить. Яркимъ примѣромъ этого являются богатства Риверсайда, Вайнлянда и Утаха; о томъ-же свидѣлствуютъ церкви Себальда въ Нюрнбергѣ и Мюнстеръ Страсбурга.

Безъ кровавой революціи, безъ государственнаго и экономическаго переворота, даже безъ измѣненія хотя-бы одного закона можетъ быть это достигнуто—это чудо совершить одна лишь община.

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ о томъ успѣхѣ, котораго можетъ добиться борющаяся демократическая и социальная идея, черезъ разцвѣтъ кооперативнаго движенія сельскихъ рабочихъ.

Прежде всего надо сознаться, что лучшіе умы социаль-демократической партіи и направляющіе слои рабочаго класса отказались отъ вѣры въ скорое наступленіе государства будущаго. Положеніе Фольмара, Гейне, Бернштейна, что „конечная цѣль“—ничто, а движеніе—все, повидимому побуждаетъ и потому партіи грозитъ опасность утратить элементъ религіозности, вѣру, которая дѣлаетъ людей счастливыми и двигаетъ горами. Моя система—говоритъ авторъ—представляетъ новое исповѣданіе вѣры, а именно, идеаль будущаго, основы котораго опредѣлены со всей возможной теоретической и исторической точностью; и идеаль этотъ не можетъ пострадать ни отъ какихъ инсинуацій, которыми до сихъ поръ наши реакціонные противники встрѣчали коллективистскіе идеалы.

Во вторыхъ, община является не однимъ ихъ средствомъ, а единственнымъ средствомъ завоеванія политической мощи. Мнѣ часто говорятъ, что успѣхъ вышеуказаннаго плана будетъ весьма сомнительнымъ, если только пролетаріатъ добьется политической мощи и большинства въ парламентѣ. Я считаю это дѣтскимъ разсужденіемъ, такъ какъ нѣтъ ничего невѣроятнѣе, чтобы пролетаріатъ добился политической мощи, если онъ въ корнѣ не измѣнитъ своей тактики и, притомъ, въ указанномъ мною направленіи.

Что даетъ реакціи въ Пруссіи и Германіи перевѣсъ въ парламентскомъ представительствѣ? Только то несчастное обстоятельство, что сельское населеніе, то-ли подъ давленіемъ, то-ли отъ недостатка образованія, посылаетъ своими представителями консерваторовъ и клерикаловъ помѣщиковъ. Но послѣдніе никогда не дадутъ права коали-

цій, никогда не допускать улучшенія народнаго образованія и просвѣщенія въ политическомъ смыслѣ, никогда не допускать, чтобы путемъ новаго дѣленія выборныхъ округовъ промышленное населеніе получило соотвѣтствующее его росту большинство представительства. Это значитъ, что пролетаріатъ получить, правда, больше голосовъ, но не выиграетъ въ отношеніи мандатовъ, т. е. политической мощи. Пройдутъ еще цѣлыя поколѣнія, прежде чѣмъ социальная демократія займетъ то выдающееся мѣсто, которое уже и теперь должно было бы принадлежать ей по числу голосовъ ея.

Противъ этого есть только одно средство—привлеченіе на свою сторону сельскихъ выборныхъ округовъ путемъ пробужденія сельскихъ рабочихъ. Но для социаль-демократической партіи съ ея теперешней программой и тактикой это почти или даже совершенно невозможно. Не слѣдуетъ ослѣпляться единичными успѣхами. Примѣняемая въ городахъ тактика агитаціи съ одного завода на другой, изъ дома въ домъ, публичныя рѣчи, собранія, летучіе листки и пресса—почти безсильна противъ засилья помѣщиковъ и ихъ мѣстной полиціи, и противъ духовной отсталости поденщиковъ. А программа партіи является помѣхой для сельской агитаціи.

Система производительной коопераціи представляетъ аграрную программу одинаково заманчивую, какъ для сельскихъ рабочихъ, такъ и для мелкихъ собственников—крестьянъ. „Государство должно произвести экспроприацію большихъ имѣній и передать ихъ рабочимъ, обрабатывающимъ ихъ. Собственность крестьянъ остается неприкосновенной, но ихъ младшимъ сыновьямъ будутъ указаны новыя земли на востокѣ!“ Я считаю, что лучшей программы придумать нельзя.

Моя тактика преодолеваетъ всѣ затрудненія. Дѣйствовать надо не словомъ, а дѣломъ. Надо поднять хозяйственное благосостояніе сельскихъ рабочихъ, чтобы послѣ воспитать ихъ и духовно. Слѣдуетъ укорениться на землѣ и измѣнять политическія условія, работая изнутри, а не поддаваться случайной агитаціи извнѣ. Надо подчинить свободѣ ту великую силу, которую мѣстная полиція даетъ помѣщику. Такимъ образомъ сельское рабочее населеніе не будетъ больше входить въ свиту помѣщиковъ, а будетъ представителемъ собственныхъ интересовъ, совпадающихъ съ интересами городского пролетаріата, и вырветъ съ корнемъ политическое могущество изъ рукъ феодаловъ.

Двѣ-три общины въ каждомъ выборномъ округѣ, какъ центръ поднятія хозяйственнаго благосостоянія и политическаго просвѣщенія—и политическое могущество, перейдетъ въ руки пролетаріата. Другого пути нѣтъ. И этимъ

вопросомъ, подчеркиваетъ Оппенгеймеръ, слѣдуетъ заняться не послѣ побѣды рабочаго класса, а для того чтобы организовать эту побѣду; на тѣ деньги, которыя безъ всякой пользы поглотила Гамбургская забастовка, можно было превратить въ общины двадцать помѣщичьихъ имѣній. Рабочія потребительскія общества не подвергались-бы ни малѣйшей опасности, если бы захотѣли приобрести имѣнія и вести тамъ хозяйство для собственныхъ нуждъ. Организация кліентуры городскихъ рабочихъ могла-бы ежегодно доставлять средства для большого числа новыхъ приобретений, ремесленные товарищества могли-бы присоединиться съ частью своего наличнаго капитала, такъ что въ случаѣ забастовки безработные члены ихъ могли удалиться и на время забастовки съ пользою работать на землѣ. Словомъ городскимъ рабочимъ представляются почти безграничныя возможности, если они захотятъ вступить на этотъ путь. Они могли-бы вести созидательную работу для обезпеченія собственной будущности.

ОТДѢЛЪ IV.

РОССІЯ.

ГЛАВА XI.

Когда въ началѣ XIX вѣка на Западѣ стали распространяться ученія соціальныхъ реформаторовъ—Р. Оуэна, Сень-Симона, Ш. Фурье и ихъ послѣдователей, выступившихъ съ рѣзкой критикой существующаго общественнаго строя и мечтавшихъ объ обновленіи жизни человѣчества путемъ примѣненія принципа ассоціаціи, въ которомъ означенные реформаторы усматривали могущественное средство уничтоженія пауперизма и освобожденія наемнаго рабочаго отъ ига капитала,—то новыя идеи скоро обратили на себя вниманіе передовой интеллигенціи и у насъ въ Россіи. Знакомство съ ними обнаружили уже нѣкоторые изъ декабристовъ, какъ, напр.: Пестель, фон-Визинъ и др. Въ тридцатыхъ годахъ кружокъ Герцена-Огарева сильно увлекался ученіемъ Сень Симона, а вскорѣ затѣмъ въ кругахъ интеллигенціи заговорили и о другихъ соціальныхъ системахъ. „Когда осенью 1843 г. я прибылъ въ Петербургъ—говорить въ своихъ воспоминаніяхъ П. В. Анненковъ,—то далеко не покончилъ всѣ расчеты съ Парижемъ, а, напротивъ, встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной его жизни. Книга Прудона о собственности, тогда уже почти старая, „Икарія“ Кабе, мало читаемая въ самой Франціи, за исключеніемъ небольшого круга мечтательныхъ бѣдняковъ-работниковъ, гораздо болѣе ея распространенная и популярная система Фурье—все это служило предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чаяній всякаго рода... Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху, подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ, а нѣсколько позднѣе, чего не было съ прежними теоріями, и своихъ мучениковъ. Теоріи Прудона, Фурье, къ которымъ позднѣе присоединился Луи-Бланъ съ извѣстнымъ трактатомъ „Organisation du travail“, образовали у насъ особенную школу,

гдѣ всѣ эти ученія жили въ смѣшанномъ видѣ и исповѣдовались какъ то заразъ адептами ее“.

Особенно посчастливилось у насъ идеямъ Фурье. Въ концѣ сороковыхъ годовъ вокругъ М. В. Петрашевскаго образовался довольно значительный кружокъ лицъ, съ увлеченіемъ предававшихся изученію сочиненій автора „Новаго промышленнаго міра“. Цѣлью собраній у Кашкина было изученіе „системъ социалистическихъ и коммунистическихъ и примѣненіе ихъ къ быту Россіи“. Въ Дуровскомъ кружкѣ также было „нѣсколько жаркихъ социалистовъ“. Увлекаясь туманными утопіями европейскихъ реформаторовъ, они видѣли въ ихъ ученіяхъ начало новой религіи, долженствующей будто бы пересоздать человѣчество и устроить общество на новыхъ началахъ. Все, что являлось новаго по этому предмету во французской литературѣ, постоянно получалось, распространялось и обсуждалось на нашихъ сходкахъ. Толки о Нью-Ланаркѣ Роберта Оуэна и объ Икаріи Кабэ, а въ особеннѣе о фаланстерѣ Фурье и теоріи прогрессивнаго налога Прудона занимали значительную часть вечера^{*)}. Но до сихъ поръ рѣчь шла только объ устномъ распространеніи новыхъ идей путемъ совмѣстныхъ бесѣдъ и чтенія иностранныхъ авторовъ, тайно или явно проникавшихъ въ Россію. О распространеніи же ихъ путемъ печати вначалѣ и не думали, въ виду крайней строгости цензуры Николаевскаго времени. Первая попытка въ этомъ направленіи принадлежитъ Петрашевскому. Будучи человѣкомъ очень начитаннымъ и желая раздвинуть рамки пропаганды, онъ составилъ въ 1845 г. при содѣйствіи критика В. Майкова „Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка“, гдѣ попутно разъяснялось сущность новыхъ социалистическихъ ученій. Такъ, въ статьѣ о натуральномъ правѣ объявляется „несовершенною и переходящей формою быта.. всякое общество, не доставляющее положительно всѣхъ нужныхъ средствъ для всесторонняго развитія его членовъ“, а въ объясненіи слова—натуральное состояніе утверждается, что „золотой вѣкъ“ лежить не позади, а впереди насъ, и что осуществленіе его будетъ состоятъ въ „полномъ благоденствіи и счастіи всякаго человѣка“, при чемъ дѣлаются ссылки на „различныя новѣйшія сочиненія, особенно социальныя, напр: Charles Fourier, Traité de l'association domestique et agricole или Theorie de l'unité universelle“. При нормальномъ состояніи всякій изъ членовъ общества будетъ получать отъ него „средства для удовлетворенія нуждъ пропорціонально потребностямъ“, а всѣ люди въ совокупности явятся полными властелинами

^{*)} Сборникъ „На славномъ посту“. В. Семевскій.—Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ.

живыхъ и дѣйствующихъ силъ земли и, такимъ образомъ, „все, что считается трудомъ удручающимъ, отвратительнымъ, обратится въ источникъ непосредственного наслажденія жизнью“. Далѣе, подѣ словомъ овенизмъ излагается взглядъ Р. Оуэна, слово органическая эпоха даетъ автору поводъ изложить теорію Сентъ-Симона, а слово организація производства—теорію Фурье и т. д. Благодаря, вѣроятно, тому, что онъ былъ посвященъ великому князю Михаилу Павловичу, словарь первое время не обратилъ на себя вниманіе цензуры, и первый выпускъ его былъ благополучно выпущенъ въ свѣтъ, но второй уже подвергся задержанію, ибо въ цензурѣ нашли, что статьи словаря составлялись по извѣстной энциклопедіи Пьера Леру и проникнуты тлетворными идеями. Въ силу тѣхъ же цензурныхъ условій и журналы могли касаться даннаго вопроса только мимоходомъ и урывками.

Первой попыткой познакомить русскихъ читателей на страницахъ журнала съ новѣйшими теченіями западно-европейской жизни и литературы является, повидимому, обстоятельная статья подѣ названіемъ „Пролетаріи и пауперизмъ“ въ первыхъ четырехъ книжкахъ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1847 г., подписанная инициалами В. М-нъ и принадлежащая перу Вл. А. Милютина. Здѣсь авторъ подробно останавливается на изображеніи ужаснаго положенія рабочаго класса въ промышленныхъ странахъ Западной Европы (главнымъ образомъ Англіи и Франціи) подѣ влияніемъ торжества крупной индустріи и свободы торговли, затѣмъ переходитъ къ выясненію причинъ этого явленія и, наконецъ, излагаетъ проекты тѣхъ мѣръ борьбы съ пауперизмомъ, которые были выдвинуты социальными реформаторами.

„До тѣхъ поръ пока работникъ будетъ совершенно чуждъ капиталисту, пока онъ не будетъ участвовать въ его выгодахъ и барышахъ, пока онъ будетъ только наемникомъ его, а не товарищемъ, до тѣхъ поръ между производителями всегда будетъ борьба и всегда борьба эта будетъ оканчиваться для сильнѣйшаго—побѣдой и торжествомъ, для слабѣйшаго—пораженіемъ и нищетой“.

Говоря далѣе объ англійскомъ законодательствѣ, касающемся защиты женскаго и дѣтскаго труда, авторъ продолжаетъ: „Конечно, отъ этихъ частныхъ мѣръ едва ли можно ожидать большого успѣха; нельзя думать, чтобы онѣ могли не только искоренить самое зло, но и уничтожить злоупотребленія. Тѣмъ не менѣе мѣры эти важны въ томъ отношеніи, что въ нихъ видѣнъ первый шагъ къ лучшему образу дѣйствій, болѣе справедливому и болѣе сообразному съ требованіями истинной науки. Нынѣ въ государствахъ Западной Европы уже понимаютъ, что любимый принципъ экономистовъ *laissez faire, laissez passer*

при настоящемъ положеніи вещей совершенно неудовлетворителенъ, что онъ приносить рабочимъ классамъ болѣе вреда, нежели пользы, и что тамъ нѣтъ свободы, гдѣ есть насиліе, анархія и угнетеніе. Если это убѣжденіе существуетъ на самомъ дѣлѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что недалеко то время, когда, не довольствуясь одними частными мѣрами, приступятъ къ полному и существенному преобразованію хозяйственныхъ отношеній и замѣнятъ наше существующее неустройство болѣе правильною, твердою и разумною организаціей труда“.

Авторъ считаетъ безнадежными попытки экономистовъ господствующей школы поправить дѣло частичными реформами и всецѣло становится на сторону того оппозиціоннаго направленія, которое выступило съ критикой самыхъ основъ существующаго строя: социальна-экономическихъ отношеній, покоющагося на принципахъ частной собственности и свободной конкуренціи.

„Представители новой, такъ называемой общественной (соціальной) школы, оставивъ тотъ безплодный путь, по которому шли доселѣ ихъ предшественники, устремили все свое вниманіе на изученіе недостатковъ современнаго экономическаго устройства и на пріисканіе способа къ исправленію этихъ недостатковъ и къ усовершенствованію этого устройства. ... По ихъ мнѣнію, невозможно уничтожить зло, сохранивъ его источникъ; они полагаютъ напротивъ, что улучшить судьбу рабочаго класса можно только улучшеніемъ экономической организаціи и уничтоженіемъ тѣхъ существенныхъ недостатковъ, которые въ ней заключаются. Они требуютъ, чтобы само правительство вмѣшалось въ это дѣло для защиты слабыхъ отъ угнетенія сильныхъ; они хотятъ, чтобы неограниченная свобода промышленности, столь противодѣйствующая справедливому распредѣленію богатствъ, была ограничена и стѣснена, чтобы анархія замѣнена была порядкомъ и чтобы производительность получила новую организацію, болѣе раціональную и справедливую. Никто, конечно, не сомнѣвается, что со стороны правительства нѣтъ ничего безразсуднѣе, какъ сдѣлаться самому хозяиномъ всѣхъ промысловъ, существующихъ въ государствѣ. Но захватить промышленность въ свои руки и давать ей надлежащее направленіе—двѣ вещи совершенно различныя; при нынѣшнемъ положеніи западно-европейскихъ обществъ эта послѣдняя дѣятельность сдѣлалась рѣшительно и безусловно необходимою.

Водворить гармонію между различными классами общества не можетъ никто, кромѣ правительства, которое по самой сущности своей чуждо всякаго пристрастія и къ богатымъ, и къ бѣднымъ, передъ которымъ всѣ граждане равны, какъ члены союза, и которое совершенно свободно отъ мелкаго эгоизма, неизбѣжнаго спутника людскихъ от-

ношеній во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о моемъ и твоёмъ“.

Давъ затѣмъ критику тѣхъ экономистовъ, которые пытаются достигнуть облегченія бѣдствій рабочаго класса „въ предѣлахъ нынѣ существующей экономической организаци“ и считая, что нѣтъ „никакой надобности приводить много доказательствъ односторонности и неправильности ихъ направленія“, авторъ переходитъ къ „новой школѣ экономистовъ“, которые не ожидаютъ—по его словамъ—никакихъ серьезныхъ результатовъ отъ полумѣръ, предлагаемыхъ первыми. Онъ сочувственно относится къ нимъ и полагаетъ, что ихъ трудъ произвелъ серьезную реформу въ области политической экономіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ, что и среди этихъ экономистовъ имѣются существенныя разногласія. „Одни предлагаютъ замѣнить нынѣшнюю задѣльную плату вознагражденіемъ, определяемымъ по мѣрѣ способностей (*sapacité*) и произведеній (*oeuvres*), представляя высшей власти и ея органамъ распоряжаться этимъ распределеніемъ; другіе хотятъ, чтобы всѣ плоды производства раздѣлялись въ извѣстной определенной пропорціи между трудомъ, и капиталомъ и талантомъ, и такъ при томъ, чтобы сами производители рѣшали всѣ дѣла, относящіяся къ этому распределенію! Третьи хотятъ, чтобы не степень участія въ ея производствѣ, но самыя потребности производителей были мѣриломъ ихъ доходовъ и барышей. Что касается до тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ одинъ порядокъ вещей можетъ быть замѣненъ другимъ, болѣе выгоднымъ для рабочихъ классовъ, то тутъ опять встрѣчается множество различныхъ предложеній и проектовъ, по большей части неудобноисполнимыхъ. Одни при этомъ требуютъ радикальныхъ реформъ и насильственныхъ переворотовъ (какъ, напр., уничтоженія частной собственности и наслѣдства); другіе предлагаютъ мѣры менѣе крутыя и болѣе умѣренныя, но также неудобноисполнимыя и не вполне дѣйствительныя, какъ, напр., учрежденіе правительствомъ общественныхъ мастерскихъ (*ateliers sociaux*) для различныхъ отраслей промышленности, или свободное и произвольное составленіе товариществъ (*association*) между работниками и капиталистами для равномѣрнаго участія и въ самомъ производствѣ, и во всѣхъ его результатахъ“.

Несмотря на безуспѣшность всѣхъ мѣръ, предлагаемыхъ современными представителями науки—говорить въ заключеніе авторъ—несмотря на неудовлетворительность всѣхъ развиваемыхъ ими теорій, они все же произвели въ учени политической экономіи радикальную реформу и дали ей болѣе широкое и благотворное направленіе. „Наука поставила себѣ главной цѣлью разрѣшить важный и многообъемлющій вопросъ объ организаціи труда,—во-

прось, находящийся въ тѣсной связи со всѣми интересами общественными, нравственными, политическими и религіозными. ...Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ рано или поздно совершенно успѣшнымъ образомъ и что результаты, выведенные наукой, не оставаясь въ книгахъ, перейдутъ мало по малу въ жизнь практическую и изгладятъ навсегда слѣды тѣхъ бѣдствій, которыми такъ обильна современная организація обществъ въ Западной Европѣ. На пути къ истинѣ человѣку суждено ошибаться, падать въ заблужденія и безпрестанно встрѣчаться съ препятствіями; но ему суждено также и преодолѣвать всѣ эти преграды, открывать свои ошибки и достигать цѣли. Вѣрящіе въ могущество истины и въ постепенное развитіе человѣчества, не должны также сомнѣваться въ возможности уничтоженія пауперизма и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ несчастій. Напрасно многіе называютъ подобныя надежды утопіями, мечтами несбыточными и невозможными. Такая недовѣрчивость совершенно неосновательна и много вредитъ успѣхамъ науки даже тогда, когда бываетъ добросовѣтна. ...Не будемъ же отвѣчать насмѣшкой на усилія людей, которыхъ неограниченная любовь къ своимъ собратіямъ доводитъ часто до крайностей, до преувеличенія, до смѣшныхъ можетъ быть взглядовъ и ученій. Станемъ, напротивъ, поощрять эти усилія, потому что въ нихъ заключается вѣрный залогъ для будущаго усовершенствованія науки и для исцѣленія тѣхъ язвъ, отъ которыхъ страдаютъ современные общества на Западѣ. Станемъ сочувствовать этимъ благороднымъ стремленіямъ и, твердо вѣруя въ обѣтованія Божественнаго Спасителя, съ любовью ожидать пришествія того времени, когда воля Божья осуществится на землѣ“.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, авторъ относится въ общемъ весьма сочувственно къ новой школѣ, но излагаетъ взгляды ея представителей весьма кратко, не вполне точно и не называя ихъ по именамъ... Въ „Письмахъ изъ Avenue Maigny“, печатавшихся въ „Современникѣ“ за 1847 г., Герценъ пытался также высказаться по поводу „новыхъ утопій“, но статья не была пропущена цензурой. Послѣ же возникновенія дѣла Петрашевцевъ строгости цензурныя усилились еще болѣе, такъ что о надлежащемъ освѣщеніи или даже простомъ изложеніи новыхъ социальныхъ ученій думать не приходилось. Это положеніе дѣлъ стало измѣняться лишь со второй половины пятидесятихъ годовъ, когда въ нашей общественной жизни повѣяло новымъ духомъ и начали подготавливаться „великія реформы шестидесятихъ годовъ“. Раньше всѣ общественные вопросы, какъ въ стѣну, упирались въ крѣпостное право; теперь—когда участь его была уже рѣшена, на очередь самъ собою выдвинулся и у насъ социальный вопросъ, вопросъ объ

урегулированіи отношеній между капиталомъ и освобожденнымъ трудомъ и объ улучшеніи положенія послѣдняго. Къ этому-то времени относится выступленіе на литературное поприще Н. Г. Чернышевскаго, который является у насъ первымъ открытымъ пропагандистомъ и теоретикомъ идеи ассоціаціи трудящихся. До сихъ поръ русская интеллигенція воспринимала (т. е. вѣрнѣе—вынуждена была, въ силу цензурныхъ затрудненій, воспринимать) новыя соціальныя теоріи пассивно и безъ разбору. Чернышевскому предстояло теперь произвести имъ критическую оцѣнку.

Относясь съ уваженіемъ къ личности Сень-Симона, Чернышевскій считаетъ его систему ошибочной. Уже въ рецензій на книгу Гакстгаузена подчеркивается, что „въ наше время говорить о сенсимонизмѣ—то же самое, что говорить о какой-нибудь системѣ фیزیократовъ или меркантилистовъ; все это дѣла минувшихъ дней, дѣла „временъ очаковскихъ и покоренія Крыма“. Болѣе подробно онъ останавливается на этомъ предметѣ въ статьѣ о процессѣ Менильмонтанскаго семейства, помѣщенной въ „Современникѣ“ за 1860 г. Основными положеніями сенсимонизма онъ считаетъ слѣдующія: человѣчество идетъ къ учрежденію всеобщей ассоціаціи, основанной на любви; оно идетъ къ тому, чтобы каждый получалъ по своей способности, а каждая способность по своимъ дѣламъ и, наконецъ, къ организаціи промышленности. По мнѣнію Чернышевскаго, человѣчество, дѣйствительно, идетъ къ замѣнѣ товариществомъ или союзомъ той вражды, которая въ современной промышленной жизни принимаетъ видъ конкуренціи. Но не любовь ляжетъ въ основу такого союза, а выгода, расчетъ.

Любовь только въ рѣдкія минуты и только въ немногихъ, особенно способныхъ къ экзальтаціи, людяхъ беретъ верхъ надъ расчетомъ, да и то можетъ побѣждать его только въ одномъ, двухъ отдѣльныхъ фактахъ, а общій характеръ дѣйствій все-таки остается подъ властью расчета или рутины, обычая, т. е. того же расчета, только сдѣланнаго не лично нами, а цѣлымъ обществомъ, и сдѣланнаго не въ эту минуту, а давнымъ-давно и усвоившагося нами по воспитанію“. Что касается второго принципа, то онъ кажется ему явно несправедливымъ. Въ такомъ случаѣ Ньютонъ долженъ былъ бы получить сотни милліоновъ, а какой-нибудь учитель ариметики въ приходской школѣ долженъ оставаться нищимъ. „Если общество располагаетъ такими средствами, что за достаточнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ законныхъ потребностей cadaго человѣка, остается у него излишекъ, пусть оно распределяетъ этотъ излишекъ на какомъ ему угодно основаніи, но прежде всего каждый человѣкъ имѣетъ право на удовлетвореніе своихъ человѣческихъ потребностей“. Неудовлетворяетъ его и третья форма сенсимонистовъ—организація промышлен-

ности. Такая организація конечно возможна, необходима и даже неизбежна. Вопросъ въ томъ только, какимъ способомъ прійти къ ней и какъ ее поддерживать. Ученики Сень-Симона извлекли этотъ способъ изъ фальшивой идеализаціи католицизма. Они хотѣли дѣйствовать авторитетомъ и хотѣли, чтобы выдуманная ими правила исполнялись не по расчету или убѣжденію въ ихъ основательности, а по уваженію и преданности къ людямъ, провозглашающимъ эти правила и повелѣвающимъ хранить ихъ. Мало того: они думали, что люди, облеченные властью, будутъ стоять выше всякихъ правилъ подобно тому, какъ воля папы была, по ихъ мнѣнію, верховнымъ закономъ для католиковъ въ средніе вѣка. Для Чернышевскаго это представляется очевидной нелѣпостью.

„Мы вовсе не сочувствуемъ той формѣ стремленія къ общественнымъ реформамъ, которая называется сенсимо-низмомъ,—такъ резюмируетъ онъ свое отношеніе къ послѣднему.—Это ученіе кажется намъ галлюцинаціей, сформировавшейся изъ ошибочной идеализаціи католицизма и, кромѣ того, носившей какой-то приторный характеръ изящной аристократичности, аффектирующей замашки сентиментальнаго демократизма. Это были свѣтскіе люди, хотѣвшіе не терять своего щегольства, накидывая на себя мужичество. Они напоминаютъ намъ золотой лапотъ, лежащій, какъ говорятъ, на рабочемъ столѣ одного изъ нашихъ миллионеровъ, разыгрывающихъ роль русскаго мужика, напоминаютъ фантастическій бархатный костюмъ, въ которомъ щеголяютъ нѣкоторые наши поклонники народности, имѣющіе съ нашимъ народомъ гораздо меньше общаго, нежели всякій французъ или нѣмецъ. Сенсимонизмъ смѣшитъ нашъ разсудокъ своей фантастичностью, возмущаетъ наше чувство своимъ благонамѣреннымъ іезуитизмомъ, своею апотеозою авторитета, своими поползновениями къ артистичности. Балетная танцовщица можетъ быть очень хороша на своемъ мѣстѣ, но она стала бы противна, если бы, выдѣлывая свои антраша, говорила намъ о страданіяхъ бѣднаго мужика. Но, называя приторной ту форму, которую имѣло первое проявленіе мысли о преобразованіи общества, мы, конечно, должны цѣнить историческую важность этого перваго ея проявленія. Оно важно, какъ признакъ того, что пришла пора обществу заниматься идеями, выразившимися на первый разъ въ этой неудовлетворительной формѣ. Скоро мы увидимъ, что онѣ стали проявляться въ формахъ болѣе разсудительныхъ и доходить до людей, у которыхъ бывають уже не восторженной забавой, а дѣломъ собственной надобности; а когда станетъ разсудительно заботиться о своемъ благополучіи тотъ классъ, съ которымъ хотѣли играть кукольную комедію сенсимо-

нисты, тогда, вѣроятно, будетъ лучше ему жить на свѣтѣ, чѣмъ теперь“.

Гораздо выше ставить Чернышевскій планы соціальнаго преобразованія, принадлежаціе Р. Оуэну, Ш. Фурье и Луи-Блану; его собственныя воззрѣнія очень многимъ обязаны послѣднимъ, хотя онъ и обосновываетъ ихъ по-своему. Съ системой Оуэна читатели „Современника“ были ознакомлены статьей подъ названіемъ „Робертъ Оуэнъ и его попытки общественныхъ реформъ“,—помѣщенной въ № 1 за 1859 годъ и приписывавшейся нѣкоторое время Николаю Гавриловичу, хотя на самомъ дѣлѣ она принадлежала Добролюбову; въ ней авторъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что не только подробности теоретическихъ соображеній или практическихъ попытокъ Оуэна, но даже самое имя его у насъ до сихъ поръ неизвѣстно большинству даже образованной публики, такъ что ее можно считать первымъ изложеніемъ взглядовъ послѣдняго. Ссылаясь на эту статью, Чернышевскій лишь отмѣчаетъ, что Р. Оуэнъ является „дѣйствительно великимъ мыслителемъ“, и добавляетъ, что у него были сподвижники и остаются продолжатели, достойные стать съ нимъ рядомъ и по геніальности, и по благородству стремленій.

Гораздо большее вліяніе на соціально-экономическіе взгляды Чернышевскаго оказало ученіе Фурье. Можно принять съ большою степенью вѣроятности, что именно произведеніе послѣдняго внушили ему мысль о естественной пріятности труда при его разнообразіи и надлежащемъ распредѣленіи, о преимуществахъ крупнаго производства, какъ въ области промышленности, такъ и въ земледѣліи, объ огромныхъ выгодахъ, которыя происходятъ изъ организации потребленія и т. д.; отсюда же онъ почерпнулъ и ту вѣру въ мощь ассоціаціи, которая такъ глубоко проникаетъ его сочиненія.

Первымъ обстоятельнымъ выраженіемъ взглядовъ Чернышевскаго на сущность, задачи и цѣли ассоціаціи является пространная рецензія его на политическую экономію И. Горлова помѣщенная въ № 1 „Современника“ за 1860 г. подъ названіемъ „Трудъ и капиталъ“. Здѣсь онъ намѣчаетъ въ общихъ чертахъ основы теоріи коопераціи, выражаясь современнымъ языкомъ, или—какъ онъ ее называетъ—теоріи трудящихся, въ противовѣсъ ученію буржуазныхъ экономистовъ, берущихъ подъ свою защиту интересы капитала.*)

Основная мысль его, развиваемая въ этой статьѣ, заключается въ слѣдующемъ: успѣшность производства пропорціональна энергіи труда, а энергія пропорціональна

*) Слово кооперація нигдѣ Чернышевскимъ не употребляется; этотъ терминъ впервые появляется у насъ, повидимому, со времени появленія въ 1866 г. перевода книги Эд. Пфейфера объ ассоціаціяхъ.

степени участія трудящагося въ продуктахъ; поэтому наибъ выгоднѣйшее для производства положеніе дѣлѣ то, когда весь продуктъ труда принадлежитъ трудящемуся. Но при современныхъ условіяхъ почти каждое производство для своей успѣшности требуетъ размѣровъ превышающихъ рабочія силы одного семейства. Капиталистъ не нуждается въ союзѣ съ другими, потому что располагаетъ силами множества людей. Трудящійся, располагая силами только своей семьи, долженъ вступать въ товарищество съ другими трудящимися; это для него легко, потому что нѣтъ ему причины враждовать противъ нихъ. Такимъ образомъ, форма, находимая для производства теоріею трудящихся, есть товарищество,—она одна даетъ такое положеніе дѣлѣ, при которомъ производство можетъ достигнуть наибольшаго успѣха. Мы вовсе не подвергаемъ—говоритъ далѣе авторъ—безусловному осужденію теорію Адама Смита и Рикардо. Отличіе новой теоріи отъ этой устарѣлой заключается только въ томъ, что новая теорія, овладѣвая существенными выводами старой, развиваетъ ихъ съ полнотой и послѣдовательностью, которыхъ не могла достигать прежняя. Прежняя теорія провозглашала товарищество между народами, потому что благосостояніе одного народа нужно для благосостоянія другого. Новая теорія, проводя тотъ же принципъ товарищества для каждой группы трудящихся. Прежняя теорія говоритъ: все производится трудомъ; новая же прибавляетъ: и потому все должно принадлежать труду. Прежняя теорія говорила: непроеизводително какое-нибудь занятіе, которое не увеличиваетъ массу цѣнностей въ обществѣ своими продуктами, а новая добавляетъ—непроизводителенъ никакой трудъ, кромѣ того, который даетъ продукты, нужные для удовлетворенія потребностей общества, согласныхъ съ расчетливой экономіей. Прежняя теорія говоритъ: свобода труда; новая теорія прибавляетъ—самостоятельность трудящагося.

Каковы же тѣ способы, которые могутъ привести къ осуществленію требованій этой новой теоріи?

„Способъ зависитъ отъ нравовъ народа и обстоятельности государственной жизни его. Англичанину кажется удобнымъ расположеніе квартиры въ два или три этажа, о чемъ и не думаютъ другіе народы. Строить его домъ по одному плану съ русскимъ или французскимъ значило бы напрасно тревожить его привычки. Можно сказать, вообще, только то, что каждый домъ долженъ быть опрятенъ, сухъ и теплъ“. Считаюсь далѣе съ возраженіемъ, что всѣми этими планами стѣсняется индивидуальная свобода, Чернышевскій развиваетъ свой планъ осуществленія теоріи трудящихся, который „приспособленъ къ нравамъ странъ, потерявшихъ всякое сознаніе о прежнемъ общинномъ бытѣ и теперь начинающимъ возвращаться къ давно забытой идеѣ

товарищества трудящихся въ производствѣ“, прося читателей обратить вниманіе на то, — стѣсняется ли имъ эта свобода. Авторъ исходитъ изъ предположенія, что для первоначальнаго пособія основанію промышленно-земледѣльческихъ товариществъ правительствомъ назначается такая сумма, какая сообразна съ его финансовой возможностью. За эту ссуду оно получаетъ обыкновенные проценты, и ссуда погашается постепенными взносами въ казну изъ прибыли товариществъ. „Само собою разумѣется, что пособія отъ казны предполагаются только для ускоренія дѣла. Теперь есть много примѣровъ, что товарищества основывались безъ всякой посторонней помощи“. Но если правительство ежегодно бросаетъ десятки милліоновъ на покровительство сахарнымъ заводчикамъ или оптовымъ торговцамъ и даетъ десятки милліоновъ займамъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ, то „нельзя назвать излишней притязательностью предположеніе, что трудящійся классъ также имѣетъ нѣкоторое право ожидать отъ государства такого содѣйствія, которое не будетъ стоить ни одной копейки казнѣ: получая проценты и постепенно возвращая выданный капиталъ, она тутъ не жертвовательница, а просто посредница между биржею и трудящимся классомъ“. Теперь идея товарищества — дѣло еще новое, и для ея осуществленія нужна нѣкоторая теоретическая подготовленность. Поэтому на первый разъ веденіе дѣла поручается чело-вѣку, котораго правительство признаетъ представляющимъ надлежащія гарантіи знанія и добросовѣстности. Число участниковъ въ каждомъ товариществѣ полагается отъ 1.500 до 2.000 чело-вѣкъ обо-его пола; они принимаются въ товарищество съ согласія директора, который отдаетъ предпочтеніе семейнымъ людямъ надъ безсеме-йными. Такимъ образомъ, товарищество состоитъ изъ 400 или 500 семействъ, въ которыхъ будетъ до 500 или больше взрослыхъ работниковъ и столько же работницъ. Какъ поступаютъ они въ товарищество по своему желанію, такъ и выходить изъ него каждый можетъ когда ему вздумается. Затѣмъ, товарищество пріобрѣтаетъ участокъ земли съ необходи-мымъ для земледѣлія количествомъ угодій по расчету своихъ рабочихъ силъ и обзаводится зданіемъ съ квартирами для работниковъ. Но кому не угодно жить въ этомъ большомъ зданіи, тотъ можетъ нанимать себѣ квартиру, гдѣ найдетъ удобнымъ. Такое зданіе со всѣми принадлеж-ностями и удобствами будетъ стоить такую сумму, что лица, поселившіяся въ немъ, получаютъ квартиру гораздо лучше и дешевле помѣщеній, въ какихъ живутъ нынѣ. Цѣна за квартиру полагается такая, чтобы, за вычетомъ ремонта, капиталъ, затраченный на зданіе, давалъ про-центъ, обычный въ томъ государствѣ. Товарищество бу-детъ заниматься и земледѣліемъ и промыслами или фабрич-

ными дѣлами, какіе удобны въ той мѣстности. Инструменты, машины и матеріалы, нужные для этого, покупаются за счетъ товарищества. Однимъ словомъ, товарищество находится относительно своихъ членовъ въ такомъ же положеніи, какъ фабрикантъ и домохозяинъ относительно своихъ работниковъ и жильцовъ. Когда зданіе готово и все нужное для работъ приобрѣтено, начинается дѣло.

Однимъ изъ важныхъ экономическихъ расчетовъ служить то, что земледѣліе требуетъ громаднаго количества рукъ въ недолгіе періоды посѣва и уборки, а въ остальное время представляетъ мало занятій. Товарищество должно пользоваться временемъ какъ можно расчетливѣе, а потому во время горячихъ земледѣльческихъ работъ всѣ члены его приглашаются заниматься земледѣліемъ, а другими промыслами и работами занимаются въ свободное отъ земледѣлія время. Впрочемъ, обязанности и тутъ нѣтъ никакой: кто чѣмъ хочетъ, тотъ тѣмъ и занимается. Въ каждомъ промыслѣ для каждаго разряда работниковъ существуетъ та самая плата, какая обычна для него въ тѣхъ мѣстахъ. Какое же средство привлечь всѣ руки къ земледѣлію, когда оно требуетъ наибольшаго числа рукъ? Товарищество знаетъ, что количество работы составляетъ сущность дѣла, а потому во время посѣва и уборки назначаетъ за земледѣльческую работу повышенную плату, чтобы огромное большинство членовъ его, занимающихся обыкновенно промыслами, увидѣло для себя выгоду обратиться на время къ земледѣлію. Работники, не занимавшіеся до той поры земледѣліемъ, на первый годъ, конечно, будутъ пахать или косить хуже записныхъ земледѣльцевъ; но подъ ихъ руководствомъ исполнять новое дѣло сноснымъ образомъ, а на слѣдующіе годы и вовсе привыкнуть къ нему.

Выше говорилось, что каждый занимается той работой, какую знаетъ или какую хочетъ выбрать. Разумѣется, однакожь, что товарищество и въ этомъ случаѣ руководится расчетомъ. Сапожники, портные, столары, конечно, для него нужны, и оно найдетъ выгоднымъ имѣть такіа мастерскія. Но если бы иной членъ вздумалъ заняться производствомъ ювелирныхъ вещей, товарищество разсудить, — нужна ли ему такая работа; если нужна, оно заведетъ ювелирную мастерскую, если нѣтъ, то скажетъ ювелиру, что разъ онъ хочетъ непремѣнно заниматься только ювелирствомъ, а не другимъ чѣмъ-нибудь, то пусть ищетъ себѣ работы гдѣ ему угодно, а оно не можетъ предоставить ему мастерской такого рода. На первое время разрѣшеніе вопроса о томъ, что возможно или невозможно, зависитъ отъ благоразумія директора, который набираетъ членовъ. Но власть послѣдняго не ограничена только до того времени, пока записываются поступающіе члены. Какъ только

составъ товарищества опредѣлится, члены его по каждому промыслу выбираютъ изъ своего числа административный совѣтъ, согласіе котораго нужно во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и вопросахъ, относящихся къ этому промыслу; кромѣ того, всѣ члены товарищества выбираютъ общій административный совѣтъ, который постоянно контролируетъ директора и выбранныхъ имъ помощниковъ и безъ согласія котораго не дѣлается въ товариществѣ ничего важнаго.

По прошествіи года члены успѣютъ узнать другъ друга и приобрѣсть опытность въ томъ, какъ ведутся дѣла. Власть прежняго директора, назначеннаго правительствомъ, становится уже излишнею. Со второго года поэтому все управленіе дѣлами товарищества переходитъ къ нему самому; оно выбираетъ всѣхъ своихъ распорядителей, какъ акціонерная компанія выбираетъ директоровъ.

Каковы же могутъ быть ожидаемы экономическіе результаты? Получая отъ товарищества обыкновенную плату, работники естественно едва ли будутъ работать хуже обыкновеннаго. Поэтому, врядъ ли товариществу придется прибѣгать къ исключенію какого-нибудь изъ своихъ членовъ за лѣность; но если понадобится—что дѣлать!—оно исключить его, какъ отпускаетъ фабрикантъ слишкомъ лѣниваго работника. Но лѣнивыхъ работниковъ будетъ въ товариществѣ меньше, нежели на частныхъ фабрикахъ: имѣя болѣе прямую выгоду отъ усердія въ работѣ, члены товарищества, вѣроятно, останутся вѣрны общему свойству человѣческой природы, по которому усердіе къ дѣлу измѣняется выгодностью его, и потому надобно полагать, что работа въ товариществѣ пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ на частныхъ фермахъ и фабрикахъ, гдѣ наемные рабочіе не участвуютъ въ прибыли отъ своего труда.

Если у фабриканта остается значительная прибыль, за вычетомъ заработной платы и другихъ издержекъ производства, то останется она и у товарищества. Одна часть этой прибыли пойдетъ на содержаніе церкви, школы, больницы и другихъ общественныхъ учрежденій, находящихся при товариществѣ; другая—на уплату процентовъ по ссудѣ изъ казны и на ея погашеніе, третья—на запасный капиталъ, который будетъ служить страхованіемъ товарищества отъ разныхъ случайностей. За покрытіемъ всѣхъ этихъ расходовъ должна остаться значительная сумма, которая пойдетъ въ дивидендъ всѣмъ членамъ товарищества, каждому по числу его рабочихъ дней. На чемъ же основано это предположеніе, что останется значительный дивидендъ? А на томъ, что хозяинъ частнаго предпріятія также имѣетъ всѣ тѣ расходы, о которыхъ говорилось выше; онъ платитъ проценты по своимъ долгамъ и погашаетъ ихъ, содержитъ, если онъ человѣкъ разумный, и церковь, и школу, и больницу, наконецъ, онъ также застра-

ховываетъ свое предпріятіе—и за всѣмъ тѣмъ у него еще остается значительная сумма, которая и составляетъ его прибыль: онъ бросилъ бы свое дѣло, если бы эта сумма, остающаяся въ его рукахъ, не была значительна.

Нѣтъ причины полагать, чтобы у товарищества производство шло менѣе успѣшно, нежели у него; напротивъ, можно думать, что оно пойдетъ успѣшнѣе, поэтому и дивидендъ долженъ быть значительнѣе.

Этотъ дивидендъ составляетъ одну сторону выгоды товарищества для его членовъ; онъ возникаетъ изъ производства, другая—вытекаетъ изъ посредничества товарищества въ расходахъ его членовъ на потребленіе. Какъ упоминалось выше, всѣ желающіе члены пользуются въ общественномъ зданіи квартирами, которыя лучше и дешевле обыкновенныхъ. Точно такъ же они могутъ брать, если захотятъ, всякія нужныя имъ вещи изъ магазиновъ товарищества по оптовой цѣнѣ, которая гораздо дешевле обыкновенной, розничной. Кому, напримѣръ, кажется удобнымъ покупать сахаръ по 20 к. за фунтъ, а не по 30, какъ онъ продается въ маленькихъ лавкахъ, тотъ можетъ брать его изъ магазина товарищества, которое покупаетъ сахаръ прямо съ биржи, стало быть, имѣетъ его 30-ю процентами дешевле, чѣмъ получаетъ онъ изъ мелкихъ лавокъ. Но, разумѣется, кому угодно платить не 20, а 30 копѣекъ, тотъ можетъ покупать его, гдѣ ему угодно.

Для людей небогатыхъ главный расходъ составляетъ пища. Кому угодно самому готовить свой обѣдъ, можетъ готовить его, какъ хочетъ. Но кто захочетъ, тотъ можетъ брать кушанья къ себѣ на квартиру изъ общей кухни, которая отпускаетъ ихъ дешевле, нежели обходятся они въ отдѣльномъ маленькомъ хозяйствѣ; а кому угодно, тотъ можетъ обѣдать за общимъ столомъ, который стоитъ еще дешевле, нежели покупка порцій изъ общей кухни на квартиру. „Намъ кажется, такъ заключаетъ авторъ, что во всемъ этомъ нѣтъ пока ровно ничего особенно ужаснаго или стѣснительнаго. Живи, гдѣ хочешь, живи, какъ хочешь, только предлагаются тебѣ средства жить удобно и дешево и кромѣ обыкновенной платы получать дивидендъ. Если и это стѣснительно, никто не запрещаетъ отказываться отъ дивиденда.

Этотъ планъ насажденія товариществъ представляетъ въ сущности не что иное, какъ популяризацию проекта Луи Блана (стремившагося къ учрежденію производительныхъ ассоціацій при содѣйствіи правительства, которое должно стать „банкиромъ бѣдныхъ“),—какъ на это указываетъ самъ Чернышевскій въ своихъ примѣчаніяхъ къ „Основаніямъ политической экономіи“ Милля (см. главу о собственности). Здѣсь же онъ разъясняетъ, что это обращеніе къ правительству само по себѣ вовсе не является обязательнымъ, а

вызывается лишь характером націи и особыми условіями французской жизни.

„Думай Луи Бланъ вести свое дѣло у англичанъ, онъ и не подумалъ бы объ администраціи. Но, что же было ему дѣлать, когда онъ хотѣлъ вести свое дѣло у французовъ?... Словомъ сказать, теорія административнаго содѣйствія—плану ли, изложенному нами, другому ли какому общественному дѣлу, или частному предпріятію—не принадлежитъ къ самой сущности мысли говорящаго о томъ чело-вѣка, а происходитъ лишь изъ соображеній мѣстныхъ обстоятельствъ и народныхъ привычекъ. Кажется вамъ, что въ данномъ мѣстѣ общественныя привычки и практическая возможность веденія дѣла сходны съ англійскими, ну что жъ, вы можете находить, что административное содѣйствіе не нужно для вашего дѣла, а если находите вы иное, тогда, нечего дѣлать, должны вы чувствовать нужду въ томъ, что не было бы вамъ нужно въ другихъ обстоятельствахъ“.

Раздѣляя общее въ то время увлеченіе, Чернышевскій все свое вниманіе сосредоточиваетъ исключительно на производительныхъ товариществахъ, и о другихъ формахъ коопераціи (напр., потребительныхъ и ссудосберегательныхъ обществахъ и т. д.) нигдѣ не говоритъ ни слова.

При этомъ типѣ этихъ товариществъ рисуется имъ различно: съ одной стороны онъ говоритъ о промышленно-земледѣльческихъ т-хъ, въ значительной мѣрѣ приближающихся къ прежнимъ коммунамъ, ибо они имѣютъ въ виду обслуживать всѣ важнѣйшія нужды своихъ членовъ, въ другихъ же мѣстахъ его сочиненій выдвигаются производительныя ассоціаціи въ современномъ смыслѣ слова, т. е. состоящія изъ лицъ одной профессіи. Мы знаемъ теперь, что ни устройство производительныхъ товариществъ съ государственнымъ кредитомъ, какъ предлагалъ Луи Бланъ, ни образованіе самочинныхъ коммунъ, какъ проповѣдывалъ Р. Оуэнъ, не приближаютъ еще насъ къ разрѣшенію социального вопроса, и что для этого нужно что-то еще. Но Чернышевскій самъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и эти утописты, и думалъ, что мирный ходъ эволюціи приведетъ къ близкому торжеству новыхъ идей.

...„Искать надлежащаго благосостоянія,—говоритъ онъ въ примѣчаніяхъ къ четвертой книгѣ Милля объ экономическомъ прогрессѣ, —будетъ работникъ только тогда, когда станетъ хозяиномъ; вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ сочетанія труда и характеръ улучшенныхъ производительныхъ процессовъ требуетъ производительной единицы очень значительнаго размѣра, а фیزیологическія и другія естественныя условія требуютъ сочетанія очень многихъ различныхъ производствъ въ этой единицѣ; поэтому отдѣльные хозяева-работники должны соединяться въ товарище-

ства. Когда, такъ-называемые, утописты заговорили объ ассоціаціи, теоретики господствующей школы провозгласили эту новую идею злодѣйственной нелѣпостью, точно такъ же, какъ сначала провозглашается нелѣпостью вообще всякая новая мысль. Теперь уже не то. Въ каждомъ рутинномъ курсѣ политической экономіи дѣлается значительная уступка понятіямъ, такъ называемыхъ, утопистовъ; самый отсталый политико-экономъ долженъ признаваться, что экономическая исторія движется къ развитію принципа товарищества, и что оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже оказалось очень полезнымъ“.

Правда, препятствій на пути много; и авторъ самъ задается вопросомъ: почему же такая простая и легкая мысль (т.-е. развитый имъ выше планъ) до сихъ поръ не осуществилась и по всей вѣроятности долго не осуществится? „Это вопросы интересные. Но ими мы займемся когда-нибудь въ другой разъ“. Осуществить свое намѣреніе ему, однако, не пришлось, ибо скоро арестъ и послѣдующая ссылка оторвали его отъ литературной дѣятельности, и вышеноставленный вопросъ такъ и остался безъ отвѣта. Но его не трудно получить, зная общую точку зрѣнія Чернышевскаго. Основная сила прогресса—наука; успѣхи прогресса соразмѣрны степени совершенства и степени распространенности знаній. Народныя массы стоятъ еще на низкой ступени развитія, но разъ новая теорія, открывающая глаза трудящимся на ихъ положеніе и указывающая имъ средства избавленія, уже получила свое развитіе, то будущее можно считать обеспеченнымъ. „Въ цивилизаціи, въ успѣхахъ знаній—пишетъ онъ въ примѣчаніяхъ къ Миллю—лежитъ непобѣдимая сила улучшать общественный бытъ“, соперничество исчезнетъ, „когда заинтересованныя въ этой замѣнѣ сословія пріобрѣтутъ самостоятельность мысли и привычку къ веденію хозяйственныхъ дѣлъ“.

Остановимся теперь на вопросѣ о томъ, въ какомъ видѣ представлялъ Чернышевскій осуществленіе своего идеала примѣнительно къ русскимъ условіямъ. Тотъ планъ, который развивался имъ выше, былъ „приспособленъ къ правамъ странъ, потерявшихъ всякое сознаніе о прежнемъ общинномъ бытѣ“. У насъ этотъ бытъ существуетъ, какъ фактъ, и благодаря ему наша страна была избавлена отъ язвы пролетаріата.

Правда, при теперешнемъ своемъ положеніи общинное владѣніе сохраняетъ индивидуальную обработку земли, но, по мнѣнію автора, отсюда уже легко перейти къ высшей стадіи, т.-е. „къ общинной обработкѣ цѣлой мірской дачи“. Имъ указывается даже и срокъ для этого постепеннаго перехода: „черезъ тридцать или двадцать пять лѣтъ общинное владѣніе будетъ доставлять нашимъ поселянамъ другую, еще болѣе важную выгоду (чѣмъ возможность

быть хозяиномъ), открывая имъ чрезвычайно легкую возможность къ составленію земледѣльческихъ товариществъ для обработки земли“.

Когда расширится нашъ внутренній рынокъ, улучшатся пути сообщенія и явится потребность въ приложеніи большого капитала къ землѣ, эти товарищества окажутся очень полезными для крупныхъ землевладѣльцевъ: являясь соперницами капиталистовъ при наймѣ большихъ помѣстій, они избавятъ помѣщика отъ зависимости, въ которую поставила бы послѣднихъ монополія капиталистовъ, и отъ невыгодныхъ условій контракта, предписываемаго монополіей (см. „Современникъ“ № 3 за 1858 г.—Отвѣтъ на замѣчаніе г. Провинціала...).

Какъ видно отсюда, Чернышевскій не обольщаетъ себя иллюзіями насчетъ настоящаго: развитой критическій духъ и присущее ему реалистическое чутье предохранили его отъ той несообразности, въ которую впали, съ одной стороны, фурьеристъ Петрашевскій, а съ другой—реакціонеръ бар. Гакстгаузенъ, вѣрившіе въ возможность „обобществленія труда“... при крѣпостномъ правѣ; полное развитіе общиннаго начала относится имъ къ будущему, хотя и не очень далекому, т. е., когда экономическія, общественныя и политическія условія жизни измѣнятся къ лучшему. Вполнѣ естественно поэтому, что въ романѣ „Что дѣлать?“, гдѣ разсказывается о новыxъ людяхъ изъ среды умственнаго пролетаріата и намѣчается программа ихъ дѣятельности для ближайшаго времени, мѣстомъ дѣйствія является не деревня и не община, а городъ, гдѣ условія болѣе благоприятны для вліянія интеллигенціи.

Героиня романа—Вѣра Павловна, проникаясь новыми идеями, устраиваетъ швейную мастерскую на началахъ ассоціаціи и въ короткое время достигаетъ блестящихъ результатовъ.

„Вмѣсто бѣдности—довольство; вмѣсто грязи—чистота, даже нѣкоторая роскошь комнатъ; вмѣсто грубости—порядочная образованность. Все это происходитъ отъ двухъ причинъ: съ одной стороны, увеличивается доходъ швей, съ другой—достигается очень большая экономія въ ихъ расходахъ“. Отчего онѣ получаютъ больше дохода—понятно: онѣ работаютъ на свой собственный счетъ, онѣ сами хозяйки, поэтому онѣ получаютъ ту долю, которая оставалась бы въ прибыли у хозяйки магазина. Но это не все: работая въ свою пользу и на свой счетъ, онѣ гораздо бережливѣе и на матеріалѣ работы, и на времени—работа идетъ быстрѣе и расходовъ на нее меньше. Понятно, что и въ расходахъ на ихъ жизнь много сбереженій. Онѣ покупаютъ все большими количествами, расплачиваются наличными деньгами, поэтому вещи достаются имъ дешевле, чѣмъ при покупкѣ въ долгъ и по мелочи; вещи выбираются

внимательно, съ знаніемъ толка въ нихъ, со справками, поэтому все покупается не только дешевле, но и лучше, нежели вообще приходится покупать бѣднымъ людямъ. Мысль эта развивается и доказывается авторомъ устами своихъ героевъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ и цифръ. „Сравните жизнь семейства, расходующаго 1.000 руб. въ годъ, съ жизнью такого же семейства, расходующаго 4.000 руб., не правда ли, вы найдете громадную разницу? При нашемъ порядкѣ—точно такая же пропорція, если не больше: при немъ получается вдвое больше дохода и доходъ употребляется вдвое выгоднѣе. Удивительно ли, что вы нашли жизнь нашихъ швей вовсе не похожей на ту, какую ведутъ швеи при обыкновенномъ порядкѣ“.

Но устройство швейныхъ мастерскихъ и достигнутые имъ результаты—это только начало тѣхъ преобразованій и чудесъ, какихъ авторъ ожидаетъ отъ примѣненія принципа ассоціаціи. Въ четвертомъ снѣ Вѣры Павловны онъ рисуетъ предъ читателемъ заключительную стадію процесса, изображая тотъ фаланстеръ, который былъ созданъ причудливой фантазіей Фурье.

...Вотъ высится громадное зданіе, какихъ теперь лишь по нѣскольку въ самыхъ большихъ столицахъ или даже нѣтъ теперь совсѣмъ ни одного. Оно стоитъ среди нивъ и луговъ, садовъ и рощъ. Нивы—это наши хлѣба, только не такіе, какъ у насъ, а густые и изобильные—только въ оранжереѣ можно бы теперь вырастить такіе колосы съ такими зернами. Сады, лимонныя и апельсиновые деревья, персики и абрикосы—какъ же они растутъ на открытомъ воздухѣ? Очень просто—вокругъ нихъ колонны; это оранжереи, раскрывающіяся на лѣто. Зданіе само—странной архитектуры, какой теперь нѣтъ, и сдѣлано изъ одного чугуна и стекла. Но это лишь снаружи: настоящій домъ, представляющій изъ себя огромный зимній садъ, помѣщается внутри, будучи окруженъ, какъ футляромъ, этимъ зданіемъ изъ чугуна и стекла. Вездѣ алюминій, а промежутокъ оконъ одѣты огромными зеркалами. И какіе ковры на полу!

По нивамъ разсѣяны группы людей; вездѣ мужчины и женщины, старики, молодые и дѣти вмѣстѣ. День зноенъ, но имъ ничего: надъ той частью нивы, гдѣ они работаютъ, раскинутъ огромный пологъ, дающій прохладу; какъ подвигается работа, подвигается и онъ. Почти все дѣлается машинами, которыя и жнутъ, и вяжутъ снопы, и отвозятъ ихъ. Какъ же не работать весело и не пѣть! Но вотъ работа кончена, всѣ идутъ къ зданію и входятъ въ самый большой изъ огромныхъ залъ. Здѣсь обѣдаетъ больше тысячи, но не всѣ; кому угодно, тотъ обѣдаетъ у себя. Приготавливаютъ дѣти и старики, которые не выходили въ поле, ибо готовить кушанье, заниматься хозяйствомъ и приби-

рать въ комнатахъ—слишкомъ легкая работа для другихъ рукъ; ею слѣдуетъ заниматься лишь тѣмъ, кто еще не можетъ или уже не можетъ дѣлать ничего другого. А кто же прислуживаетъ во время обѣда? Никто, да и зачѣмъ. Въдь всего пять или шесть блюдъ; тѣ, которыя должны быть горячія, поставлены въ такихъ мѣстахъ, что не остываютъ; для этого въ углубленіяхъ поставлены ящики съ кипяткомъ. А кто желаетъ имѣть лучший обѣдъ, за то особый счетъ. И во всемъ такъ: то, что могутъ по средствамъ своей компаніи всѣ, за то нѣтъ расчетовъ, а за каждую особую вещь или прихоть—расчетъ.

Но вотъ наступаетъ осень, цвѣты завяли, листья начинаютъ падать съ деревьевъ, и фаланстеръ понемногу пустѣетъ. Изъ 2.000-человѣкъ въ немъ остается лишь десять—двадцать человѣкъ, которымъ кажется пріятнымъ разнообразіемъ остаться здѣсь въ глуши посматрѣть на сѣверную осень, да черезъ нѣкоторое время будутъ пріѣзжать небольшими партіями любители зимнихъ прогулокъ. Остальные же переселяются съ береговъ Оки на югъ—въ Новую Россію. Здѣсь нѣкогда была пустыня, теперь же все пространство обращено въ благодатнѣйшую землю. Горы были прежде голыми скалами; теперь же онѣ покрыты толстымъ слоемъ земли и на нихъ среди садовъ растутъ рощи самыхъ высокихъ деревьевъ: внизу плантаціи кофейнаго дерева, выше финиковыя пальмы, смоковница; виноградники перемежаются съ плантаціями сахарнаго тростника, поля пшеницы—съ рисомъ. По всему пространству, какъ на сѣверѣ, раскинуты громадныя зданія, въ трехъ-четырехъ верстахъ другъ отъ друга, будто безчисленные огромные шахматы на исполинской доскѣ. Зданія эти представляютъ такой же хрустальный огромный домъ, но только колонны его бѣлыя; онѣ сдѣланы изъ алюминія, ибо послѣдній меньше разгорячается на солнцѣ. Кругомъ хрустальнаго дворца на дальнемъ разстояніи идутъ ряды тонкихъ высокихъ столбовъ и на нихъ, высоко надъ дворцомъ и на полверсты вокругъ него, растянута бѣлая пологъ, обрызгиваемый водой. А кто любитъ солнце и зной, тотъ можетъ жить въ павильонахъ и шатрахъ, на вольномъ воздухѣ. Остались и города, но ихъ немного—почти только для того, чтобы быть центрами сношеній и перевозки товаровъ, у лучшихъ гаваней и въ другихъ центрахъ, но эти города больше и великолѣпнѣе прежнихъ; всѣ туда ѣздить на нѣсколько дней для разнообразія, и большая часть ихъ жителей безпрестанно смѣняется, бывая тамъ для труда на недолгое время...

Зная взгляды Чернышевскаго на вліяніе народнаго характера и привычекъ при разрѣшеніи вопроса о цѣлесообразности того или иного плана социальныхъ реформъ, можно было бы заключить, что у насъ, гдѣ, какъ и во

Франціи, административная опека всеобъемлюща, успѣхъ производительныхъ ассоціацій долженъ былъ бы быть поставленъ въ зависимость отъ сочувствія государства этому дѣлу. Въ романѣ его мы не находимъ, однако, подобной тенденціи; очевидно, внутреннее чутье подсказало автору, что, несмотря на вышеуказанное сходство, между Франціей и Россіей имѣются не менѣ существенныя черты отличія, которыя не позволяютъ разсчитывать у насъ на поддержку со стороны государства... Поэтому успѣхъ дѣла оказывается у него всецѣло основаннымъ на развитіи самопониманія и самопомощи трудящихся. „Трудно было людямъ только понять, что полезно, они были въ твоё время такими дикарями, такими грубыми, жестокими, безразсудными, но я учила и учила ихъ; а когда они стали понимать, исполнять было уже не трудно“,—говоритъ старшая сестра въ четвертомъ снѣ Вѣры Павловны, показывая ей будущее царство.

„Вспомни свою мастерскую, развѣ у васъ было много средствъ. Развѣ больше, чѣмъ у другихъ?—Нѣтъ, какія же у насъ были средства! А вѣдь твои швеи имѣютъ въ десять разъ больше удобствъ, въ двадцать разъ больше радостей жизни, въ сто разъ меньше испытываютъ неприятностей, чѣмъ другія, съ такими же средствами, какія были у васъ. Нужно только быть разсудительными, умѣть хорошо устроиться, узнать какъ выгоднѣе употреблять средства“.

Популярность и авторитетъ Чернышевскаго среди демократической интеллигенціи своего времени были очень велики. Естественно поэтому предположить, что если вторая половина шестидесятыхъ годовъ является началомъ нашего кооперативнаго движенія, то не малая доля начинаній въ этомъ направленіи была сдѣлана именно подъ вліяніемъ проповѣди автора примѣчаній къ „Основаніямъ политической экономіи“ Милля и романа „Что дѣлать?“. Когда онъ выступалъ на литературное поприще въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ, идея ассоціаціи трудящихся считалась—говоря его словами—„злѣйшей и вредной нелѣпостью“, послѣ же него она стала достояніемъ широкихъ круговъ интеллигенціи и одной изъ популярнѣйшихъ темъ въ нашей общественно-экономической литературѣ. Газеты и журналы начинаютъ наполняться статьями и замѣтками, посвященными вопросамъ теоріи и практики ассоціаціоннаго движенія. Въ этотъ же періодъ появляется у насъ и книжная литература—какъ переводная, такъ и оригинальная.

Изъ послѣдней нужно отмѣтить слѣдующія произведенія: О. Тернеръ—О рабочемъ классѣ и мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія; Н. Калачовъ—Артели въ древней и нынѣшней Россіи; Бибииковъ—Современныя утопіи;

Садовскій—Потребительныя ассоціаціи; его же—О развитіи рабочихъ ассоціацій; Н. Зиберъ—Потребительныя общества; А. Михайловъ—Пролетаріатъ во Франціи; его же—Ассоціаціи; Очерки практическаго примѣненія принципа коопераціи въ Германіи, въ Англіи и во Франціи; Яковлевъ—Очерки народнаго кредита въ Западной Европѣ и въ Россіи; Н. Колупановъ—Практическое руководство къ устройству сельскихъ и ремесленныхъ банковъ; А. Исаевъ—Артели въ Россіи.

Одновременно съ этимъ пробужденіемъ литературнаго интереса къ вопросамъ коопераціи появляются и—чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе—увеличиваются попытки осуществленія новыхъ идей на практикѣ. Первой попыткой реализаціи плановъ западно-европейскихъ социальныхъ реформаторовъ на русской почвѣ нужно считать, повидимому, опытъ, сдѣланный П. В. Петрашевскимъ зимою 1846—1847 г. г. Будучи ревностнымъ поклонникомъ Фурье, онъ задумалъ устроить у себя въ имѣніи (Новгородской губ.), нѣчто въ родѣ маленькаго фаланстера.

Такъ, по свидѣтельству г. Зотова*), онъ проектировалъ выстроить одну просторную избу, гдѣ бы могли помѣститься всѣ семь семействъ его крѣпостныхъ (около сорока человѣкъ съ дѣтьми), каждое въ отдѣльной комнатѣ, но съ общей кухней и такой же залой для общихъ зимнихъ работъ и посидѣлокъ, съ надворными постройками и амбарами для домашнихъ принадлежностей, запасовъ и инструментовъ, которые также должны были быть общими, какъ и все вообще крестьянское хозяйство... Планъ этотъ онъ неоднократно развивалъ въ разговорахъ со своими крестьянами, но къ его удивленію послѣдніе не обнаруживали никакого энтузіазма по этому случаю. Нѣсколько разъ баринъ водилъ стариковъ въ готовящееся для нихъ помѣщеніе, знакомилъ предварительно съ его планомъ и расположеніемъ комнатъ, съ новыми порядками, какимъ надо было слѣдовать въ общежитіи, спрашивалъ, довольны ли они? Они ходили за нимъ съ видомъ приговоренныхъ къ тюремному заключенію, бормотали угрюмо: „Много довольны! Какъ будетъ угодно вашей милости“.—„Воля ваша—говорилъ староста—вамъ лучше знать, мы люди темные, какъ прикажете, такъ и сдѣлаемъ“. Наконецъ, всѣ приготовленія были закончены. Оставалось только переселиться и начать новую жизнь, но тутъ-то и обнаружилось, что крѣпостное право является мало подходящей почвой для производства социальныхъ экспериментовъ въ духѣ Фурье: въ ночь наканунѣ переселенія въ „фаланстеръ“ мужики сожгли его со всѣми постройками...

*) „Историческій Вѣстникъ“ № 6 за 1890 г.—Петербургъ въ сороковыхъ годахъ.

Эта неудача не обезкуражила однако окончательно Петрашевскаго и онъ еще въ послѣдствіи говорилъ Черно-свитову, что надѣется увидѣть на своемъ вѣку фаланстеръ и жить въ немъ... Послѣ своего ареста въ 1849 г. онъ предлагалъ, между прочимъ, правительству въ числѣ мѣръ, полезныхъ для Россіи, дать для устройства образцоваго фаланстера подѣ Парижемъ два милліона рублей изъ „французскихъ фондовъ, у насъ имѣющихся, подѣ соотвѣтственные проценты“.

Какъ указывалось выше, не мало ревностныхъ фурьеристовъ и поклонниковъ другихъ соціальныхъ системъ, мечтавшихъ о „примѣненіи ихъ къ быту Россіи“, существовало и въ другихъ кружкахъ, организовавшихся въ Петербургѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ. Разгромъ кружка петрашевцевъ и послѣдовавшія затѣмъ суровыя репрессіи конца Николаевского царствованія помѣшали этимъ увлеченіямъ вылиться въ форму практическихъ соціальныхъ опытовъ, но независимо отъ этого и самый фактъ существованія крѣпостного права стоялъ серьезнѣйшей преградой на этомъ пути. Только съ освобожденіемъ народнаго труда на очередь естественно долженъ былъ выдвинуться соціальный вопросъ, вопросъ объ отношеніяхъ между капиталомъ и освобожденнымъ трудомъ и объ улучшеніи положенія послѣдняго.

А этимъ создавалась уже и подходящая почва для возникновенія кооперативнаго движенія. Но къ этому моменту увлеченія фаланстерами Фурье и коммунами въ духѣ Оуэна, Каба и др. уже прошли, уступивъ мѣсто инымъ теченіямъ болѣе реалистическаго характера.

Вмѣсто прежнихъ замкнутыхъ ассоціацій, изготавляющихъ для своихъ членовъ все необходимое, стали выдвигаться (по плану Бюше и Л. Влана) производительныя товарищества, объединяющія рабочихъ только одной и той же профессіи.

Потребительныя общества Рочдальскаго типа выдѣлились въ самостоятельную группу и стали распространяться съ большимъ успѣхомъ, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. Наконецъ, Шульце-Деличъ и Раффайзенъ выработали типъ ссудосберегательныхъ и кредитныхъ товариществъ, получившихъ затѣмъ огромную извѣстность.

Эта эволюція не осталась, конечно, незамѣченной и у насъ. Чернышевскій уже не вѣритъ, какъ вѣрилъ Петрашевскій и другіе пылкіе фурьеристы, что міръ можетъ совершенно преобразиться въ пять—шесть лѣтъ, лишь только будетъ воздвигнутъ первый фаланстеръ.

Полное осуществленіе принципа ассоціаціи трудящихся относится имъ на болѣе или менѣе отдаленное будущее; въ качествѣ же переходной мѣры онъ рекомендуетъ устройство производительныхъ товариществъ, хотя, впро-

чемъ, типъ послѣднихъ рисуется имъ различно. Такъ, съ одной стороны онъ говоритъ о промышленно-земледѣльческихъ товариществахъ, въ значительной мѣрѣ приближающихся къ прежнимъ коммунамъ, ибо они имѣютъ въ виду обслуживать всѣ важнѣйшія нужды своихъ членовъ, вплоть до продовольствія и жилища; въ другихъ же мѣстахъ его сочиненій выдвигаются производительныя ассоціаціи въ современномъ смыслѣ слова (т. е. объединяющія членовъ лишь одной профессіи)—таковы, напр., швейныя мастерскія съ общежитіями при нихъ или земледѣльческія товарищества для обработки своей или наемной земли. Что же касается самостоятельныхъ, потребительныхъ обществъ или кредитныхъ товариществъ, то о нихъ онъ не упоминаетъ нигдѣ. Но къ серединѣ шестидесятыхъ годовъ они получаютъ уже извѣстность и у насъ. Въ 1865 г. утверждены были уставы первыхъ двухъ потребительныхъ обществъ (въ Ригѣ и Ревелѣ) и основано первое ссудо-сберегательное товарищество въ селѣ Рождественскомъ, Костромской губ. За ними послѣдовали другія, и за пять лѣтъ, т. е. къ 1870 г. появились на мѣстѣ до 60 потребительныхъ обществъ и 15 ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Кто же былъ духовнымъ отцомъ этого начинающагося у насъ кооперативнаго движенія?

„Родиной нашихъ потребительныхъ обществъ—говоритъ М. Л. Хейсинъ—является Прибалтійскій край. Ни Робертъ Оуэнъ, ни Кингъ, а Шульце-Деличъ былъ учителемъ нашихъ пионеровъ въ области потребительской коопераціи. Есть свѣдѣнія, что самъ Шульце-Деличъ хотѣлъ пріѣхать въ Россію для организаціи перваго общества“*).

Въ столь общей формѣ едва ли можно согласиться съ этимъ утвержденіемъ. Еще раньше, чѣмъ былъ утвержденъ уставъ перваго общества въ Ригѣ, идея потребительской коопераціи получила свое практическое осуществленіе на Уралѣ—сначала на Кыновскомъ, а затѣмъ и на другихъ заводахъ. Къ этому нужно добавить, что въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ со времени утвержденія своего устава Рижское общество потребителей оставалось вообще совершенно неизвѣстнымъ нашему обществу и уже въ силу одного этого не могло сыграть какой-нибудь роли въ дѣлѣ насажденія потребительской коопераціи въ другихъ пунктахъ страны**). Но откуда же тогда эти послѣдніе получили импульсы для своей дѣятельности въ данномъ направленіи.

„Повидимому—говоритъ А. В. Меркуловъ—идея потребительской коопераціи зародилась у насъ вполне или

*) 50 лѣтъ потребительской коопераціи въ Россіи 1915 г. 5—6 стр.

**) Впервые о немъ упоминается въ „Первой памятной книжкѣ русскихъ потребительныхъ о-въ“ Н. Баллина, вышедшей въ 1870 г.

въ значительной мѣрѣ самостоятельно. Въ самомъ дѣлѣ, первое осуществленіе ея въ конкретной формѣ мы видимъ въ весьма отдаленной отъ центровъ мѣстности—въ Уральской глуши. Время ея возникновенія—1864 г.—предшествуетъ тѣмъ годамъ, когда началось повсемѣстное устройство потребительныхъ обществъ, и идея о нихъ получила значительное распространіе. Наконецъ, и форма, въ которой они осуществились, весьма далекая, къ сожаленію, отъ западныхъ образцовъ и вполне уже своеобразная въ первомъ періодѣ (цѣлыхъ шесть лѣтъ) существованія организациі, заставляетъ думать, что въ данномъ случаѣ идея потребительной кооперациі не принесена извнѣ, а родилась здѣсь, на мѣстѣ**).

Трудно думать однако, чтобы мѣстные рабочіе, только что получившіе свободу, самостоятельно додумались до мысли о потребительномъ обществѣ. Гораздо болѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что идея кооперациі, получившая въ это время широкую извѣстность среди интеллигенціи благодаря имени Чернышевскаго, при посредствѣ ея дошла до служащихъ и дала толчокъ къ возникновенію потребительской организациі. Какъ удостоверяетъ Н. П. Баллинь, одинъ изъ пионеровъ нашей кооперациі, „Знаменитая швейная романа „Что дѣлать?“... вызвала въ Россіи ко крайней мѣрѣ столько же подражаній, сколько вызвала подражаній Рочдельскимъ пионерамъ исторія ихъ, написанная Холюкомъ“***).

Еще болѣе пряма и очевидна связь и зависимость первыхъ шаговъ нашего кооперативнаго движенія отъ мысли и опыта Западной Европы—и именно того направленія, которое связано съ именемъ Шульце-Делича—въ области кредитной кооперациі.

„Мысль перенести это учрежденіе (кооперативный банкъ) въ нашъ далекій уголь Россіи—говоритъ въ своемъ очеркѣ двухъ-годичной дѣятельности Рождеств. ссуднаго т-ва—явилась покойному брату моему, С. Ф. Лугинину, во время одной изъ его поѣздокъ за-границу, послѣ того какъ онъ въ Германіи ознакомился съ устройствомъ этихъ банковъ. Вернувшись въ Россію, С. Ф. постарался обдумать тѣ условія, при которыхъ они могли бы дѣйствовать у насъ, и, уяснивъ ихъ себѣ, принялся за распространеніе новой мысли между крестьянами Рождественской волости“... „Въ 1863—1865 годахъ, во время поѣздки за-границу, я—говоритъ одинъ изъ первыхъ теоретиковъ въ этой области Н. Колюпановъ—по возможности старался изучить ассоціационное движеніе на Западѣ. Въ это время я преимущественно остановился на ссудныхъ товариществахъ, осно-

*) Союзъ потребителей № 17.—18 за 1915 г.

**) Вѣстникъ Кооперациі № 2 за 1910 г.

ванныхъ въ Германіи Шульце-Деличемъ, и помѣстилъ о нихъ двѣ статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (іюнь и іюль 1865 г.) подъ заглавіемъ: „Современное артельное движеніе въ Германіи“.

Въ одно время со мной тѣмъ же изученіемъ занимался мой глубоко уважаемый товарищъ по Ветлугѣ, покойный Святославъ Федоровичъ Лугининъ, который пошелъ далѣе и свое знаніе перенесъ въ дѣло: въ имѣніи своего отца, въ Ветлугскомъ уѣздѣ, онъ положилъ основаніе первому ссудному товариществу, по образцу Шульце-Делича. Товарищество это пошло какъ нельзя лучше, и не разъ, въ повременныхъ изданіяхъ, я указывалъ на уставъ этого товарищества, какъ готовую форму для учрежденія подобныхъ въ сельскомъ и городскомъ населеніи. По поводу передовой статьи газеты „Москва“, въ іюнѣ прошлаго года, въ ветлугскую управу поступили заявленія отъ многихъ управъ съ просьбой о высылкѣ устава Рождественскаго ссуднаго товарищества“^{*)}).

Въ 1869 г. вышло также обстоятельное сочиненіе А. В. Яковлева подъ заглавіемъ „Очеркъ народнаго кредита въ Западной Европѣ и въ Россіи“, посвященное популяризаціи идей Шульце-Делича.

Такимъ образомъ, какъ первые практики, такъ и первые пропагандисты и популяризаторы идеи народнаго кредита вполне опредѣленно ставили себя въ ряды послѣдователей Шульце-Делича. Однако, въ ихъ глазахъ насажденіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ является не только средствомъ избавленія мелкихъ производителей отъ эксплуатаціи кулаковъ и ростовщиковъ, но и ставится въ связь съ болѣе широкими социальными-экономическими преобразованіями.

„Очевидно—пишутъ В. Ф. Лугининъ и А. В. Яковлевъ въ составленной ими брошюрѣ, являющейся первымъ руководствомъ въ этой области^{**)}—что бѣдный крестьянинъ—общинникъ, безъ знанія и капитала, безъ той страстной связи съ землею, которая характеризуетъ французскаго или швейцарскаго мелкаго землевладѣльца, не способенъ на борьбу, что она возможна лишь при такихъ условіяхъ, при которыхъ общинное устройство соединяло бы въ себѣ всѣ выгоды личной поземельной собственности, ея умѣне располагать усовершенствованными способами обработки земли крупной поземельной собственности съ любовью къ своему дѣлу, къ своей землѣ мелкаго землевладѣльца. Тотъ идеалъ землевладѣнія, на которой мы указываемъ, есть земледѣльческая ассоціація. При подобномъ устрой-

^{*)} Практическое руководство къ учрежденію сельскихъ и ремесленныхъ банковъ по образцу нѣмецкихъ ссудныхъ товариществъ. 1870 г. VII стр.

^{**)} Сельскія ссудныя товарищества. 1870 г.

ствѣ земля общины принадлежитъ всѣмъ членамъ ея, не раздѣляется на личные участки и обрабатывается общими силами членовъ, съ употребленіемъ также средствъ, которые недоступны мелкому собственнику. Средства эти, добытыя совокупными усиліями и сбереженіями всѣхъ членовъ, накопляются мало по малу и даютъ возможность общинѣ не только бороться съ личной поземельной собственностью, но можетъ быть даже побѣдить ее.... Но далеко нашей теперешней общинѣ до подобнаго положенія, и намъ кажется, что всѣ тѣ, которые не считаютъ нынѣшняго экономического строя Европы идеаломъ, итти далѣе котораго намъ нечего и мечтать, всѣ тѣ, которые думаютъ, что нашъ бѣдный народъ вынесъ изъ своей скорбной исторіи одно великое начало, которое должно всѣми силами сохранить и развить, всѣ эти друзья народа должны совѣтами и личною помощью содѣйствовать постепенному развитію нашей общины въ земледѣльческую ассоціацію.... Намъ кажется, что подобное движеніе должно начаться рядомъ попытокъ, изъ которыхъ каждая возвысила бы благосостояніе крестьянъ, доказала бы имъ на опытѣ выгоду дѣйствія сообща (товарищества) и приучила бы къ толковому веденію подобныхъ дѣлъ. Устройство артельныхъ сыроваренъ, артелей для добыванія патоки и картофельныхъ продуктовъ, гдѣ они возможны, народныя ссудныя товарищества по примѣру германскихъ, вотъ нѣкоторыя изъ попытокъ, соединеніе которыхъ вмѣстѣ могло бы облегчить переходъ отъ теперешней общины въ земледѣльческую ассоціацію и борьбу ея съ личной поземельной собственностью. Изъ попытокъ этихъ ссудныя товарищества имѣютъ, безспорно, наиболѣе экономическое значеніе, могутъ наиболѣе имѣть вліянія на благосостояніе крестьянъ и въ началѣ требуютъ отъ нихъ лишь немного усилій. Ссудныя товарищества могутъ служить не только средствомъ для достиженія отдаленной цѣли, они имѣютъ не только одно воспитательное значеніе, но и удовлетворяютъ насущной потребности настоящей минуты, доставляя дешевый кредитъ крестьянамъ, кредитъ, безъ котораго экономическое развитіе ихъ немыслимо“ (71—73 стр.).

Точно также и Н. Колюпановъ, считая насажденіе у насъ сельскихъ банковъ вродѣ германскихъ ссудныхъ товариществъ ближайшей, самой насущной задачей въ нашемъ теперешнемъ положеніи, смотритъ на нихъ не какъ на средство укрѣпленія мелкихъ самостоятельныхъ производителей, къ чему собственно стремился Шульце-Деличъ, а какъ на орудіе развитія сельскихъ производительныхъ ассоціацій. Онъ сочувственно цитируетъ статью г. Гдб. въ журналѣ „Дѣло“ за сентябрь 1868 г., гдѣ говорится, что „въ лицѣ артельныхъ сыроваренъ, ассоціаціи стали у насъ, наконецъ, на совершенно вѣрную дорогу, обратив-

шись къ той средѣ, которая наиболѣе въ нихъ нуждается и представляетъ изъ себя наиболѣе удобную для нихъ почву. Россія есть государство крестьянское, какъ Англія есть государство чернорабочихъ; какъ въ Англіи усилія правительства и общества направлены на поддержаніе промышленности и улучшеніе быта рабочихъ, такъ въ Россіи конечная цѣль должна быть—поддержаніе сельской промышленности и улучшеніе быта сельскаго сословія. Надежды англійскаго рабочаго обращены къ возможности непосредственнаго участія въ промышленныхъ оборотахъ своей страны посредствомъ ассоціальныхъ фабрикъ, заводимыхъ рабочими; надежды русскаго крестьянина должны быть сосредоточены на улучшеніи своего крестьянскаго хозяйства, переходомъ отъ обязательной поземельной общины къ общественной рациональной обработкѣ земли и введенію промысловъ“...

„Въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ—говорить далѣе авторъ—гдѣ главную часть капитала для производства представляетъ земля и скотъ, крестьяне, имѣющіе уже въ своихъ рукахъ этотъ капиталъ при самомъ надѣлѣ, могутъ приступить къ учрежденію ассоціацій несравненно легче, нежели въ фабричной промышленности, гдѣ весь капиталъ—движимый, крестьянамъ весьма мало доступный. А потому переходъ обязательной поземельной общины въ свободную поземельную ассоціацію у насъ не представляетъ никакого затрудненія: для этого необходима только совершенная свобода отказа отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ отъ земли, что для всего крестьянскаго сословія наступитъ по истеченіи 19 лѣтняго срочно выкупнаго періода. Само собой разумѣется, что переходъ этотъ долженъ совершиться совершенно свободно, безъ всякой регламентации и давленія, сверху только тамъ, гдѣ сами крестьяне признаютъ его выгоднымъ. А они признаютъ его выгоднымъ вездѣ, гдѣ люди, подобные Н. В. Верещагину, не пожалѣютъ трудовъ и самоотверженія, чтобы на дѣлѣ, практическими результатами, убѣдить крестьянъ въ неизмѣримыхъ выгодахъ болѣе тщательной обработки земли сообща, безъ предѣловъ, вмѣстѣ съ образованіемъ общественнаго оборотнаго капитала и разведеніемъ скота, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Случаи для подобныхъ опытовъ могутъ быть легко найдены и теперь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне сидятъ на земляхъ, ими выкупленныхъ.

Если заблаговременно, прежде чѣмъ гнетъ капитала ляжетъ тяжелымъ препятствіемъ на пути, самостоятельность массъ будетъ закрѣплена обложеніемъ ея въ форму свободной ассоціаціи, то зловѣщій призракъ вражды сословія, ежеминутно грозящій на Западѣ, не омрачитъ спокойствія нашего отечества“.*)

*) Практическое руководство... 1870 г. 80 стр.

Подобныя соображенія выходятъ уже за предѣлы шульце-деличевскихъ идей и являются несомнѣнно отраженіемъ тѣхъ взглядовъ, которые развивались Чернышевскимъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Интересно отмѣтить также, что уже съ самыхъ первыхъ шаговъ они должны были внести нѣкоторыя измѣненія въ систему своего учителя.

Какъ извѣстно, краеугольнымъ камнемъ системы послѣдняго является накопленіе собственнаго капитала; товарищество должно строиться исключительно на принципѣ самопомощи. Никакихъ благодѣяній и никакой опеки! Поэтому Шульце настаиваетъ на томъ, что человѣкъ, желающій вступить въ товарищество, долженъ быть способенъ взять пай, и что даже начинать дѣло товарищество должно лишь съ деньгами своихъ членовъ.

Но въ условіяхъ русской деревни, нищей и только что освобожденной отъ крѣпостного права, невозможно было провести эту систему въ чистомъ видѣ.

„Самый серьезный вопросъ: гдѣ достать капиталъ?—говоритъ Колупановъ.—Безъ сомнѣнія, посторонніе капиталы не будутъ приливать у насъ къ сельскимъ банкамъ, какъ въ Германіи, особенно съ начала. И потому единственная надежда на земство“. Къ этому выводу приходитъ точно также В. Ф. Лугининъ и А. В. Яковлевъ въ своей брошюрѣ о сельскихъ ссудныхъ т-вахъ: „полагая, что ссудныя товарищества могутъ и должны быть вполне самостоятельными, что они должны быть основаны на самопомощи, мы думаемъ, однако, что въ началѣ особенно для успѣшности развитія ихъ необходима денежная поддержка со стороны земства и нравственное содѣйствіе образованныхъ людей“. Этимъ уже намѣчался путь къ созданію новаго типа организаціи народнаго кредита, именно—такъ назыв. кредитныхъ товариществъ, отличныхъ отъ ссудосберегательныхъ товариществъ Шульце-Делича.

Съ начала семидесятыхъ годовъ кооперативное движеніе пошло на убыль и сообразно съ этимъ приходится отмѣтить упадокъ въ области литературнаго творчества; исключеніе составляетъ лишь артельное дѣло, которому были посвящены работы А. А. Исаева „Промышленная товарищества“ (1879 г.) и Ѳ. А. Щербина „Очерки южно-русскихъ артелей“ (1880 г.).

Лишь четверть вѣка спустя, съ конца девяностыхъ годовъ, начинается у насъ новый подъемъ во всѣхъ отрасляхъ кооперации, которая дѣлаетъ огромные успѣхи въ количественномъ отношеніи, особенно послѣ движенія 1905—1906 г. г. вмѣстѣ съ тѣмъ и литература наша обогатилась цѣлымъ рядомъ новыхъ работъ, изъ коихъ, какъ наиболѣе важныя, отмѣтимъ слѣдующія. Въ области потребительской кооперации: И. Х. Озеровъ „Общества потребителей“ (1897 г.); В. Ѳ. Тотоміанецъ—потребительныя общества. Исторія, теорія

и практика (1908 г.); В. Н. Зельгеймъ—Организація и практика потребительныхъ обществъ въ Россіи (1913 г.); А. В. Меркуловъ—Историческій очеркъ потребительной кооперации въ Россіи (1915 г.) и М. Л. Хейсинъ—50 лѣтъ потребительской кооперации въ Россіи (1915 г.). По кредитной кооперации: В. А. Косинскій—Учрежденія для мелкаго кредита въ Германіи (1901 г.); А. Н. Анциферовъ—Кооперация въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи (1907 г.); его же—Очерки по Кооперации (1911 г.); А. И. Чупровъ—Мелкій кредитъ и кооперация (1909 г.); В. Я. Желѣзновъ—Теорія мелкаго (кооперативнаго) кредита (1913 г.).

По сельскохозяйственной кооперации: А. И. Чупровъ—Мелкое земледѣліе и его основныя нужды (1907 г.); В. Ѳ. Тотоміанецъ—Сельскохозяйственная кооперация (1908 г.); его же—Кооперация въ русской деревнѣ (1912 г.); А. А. Евдокимовъ—Кооперативный сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства въ Россіи (1911 г.); Н. В. Чайковскій—Союзъ Сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей (1914 г.).

Въ области артельного движенія: Криничане—Четверть вѣка Криницы (1911 г.); И. Вермитевъ—Колоніи будущаго. Опытъ планомерной организаци кооперативнаго труда (1900 г.); Н. Г. Брянскій—Московскія производительно-трудовыя артели (1915 г.).

По общимъ теоретическимъ вопросамъ: А. А. Николаевъ—Теорія и практика кооперативнаго движенія. I—II (1908—1909 г. г.); Н. П. Гиберъ—Система кооперации (1911 г.); С. Н. Прокоповичъ—Кооперативное движеніе въ Россіи. Его теорія и практика (1913 г.); В. Ф. Пекарскій—Нормальная экономика (1914 г.) и М. И. Туганъ-Барановскій—Соціальныя основы кооперации (1915 г.).

Съ 1909 г. при Петроградскомъ Отдѣленіи комитета о сельскихъ ссудосбер. и промышленныхъ товариществахъ сталъ издаваться подъ редакціей проф. Туганъ-Барановскаго журналъ „Вѣстникъ кооперации“, который много содѣйствовалъ научной разработкѣ вопросовъ кооперативной теоріи и исторіи.

Несмотря на то, что наша кооперативная литература очень разрослась, однако, до самаго послѣдняго времени она оставалась очень бѣдной сочиненіями общаго характера, которыя бы трактовали не отдѣльные вопросы или области ея, а всю область кооперации въ цѣломъ.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе крупнымъ произведеніемъ является вышеупомянутая книга проф. Туганъ-Барановскаго, которая ставитъ себѣ задачей дать общую теорію кооперативнаго движенія во всѣхъ его многосложныхъ проявленіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить общимъ курсомъ для ознакомленія съ кооперацией, представляетъ собой крупное событіе въ литературной жизни.

Первый отдѣлъ книги посвященъ общему ученію о кооперации. Въ отличіе отъ большинства авторовъ, ведущихъ исторію кооперативнаго движенія отъ очень отдаленнаго прошлаго, Туганъ-Барановскій начинаетъ ее съ XIX вѣка, съ социальныхъ опытовъ построенія новаго общества великими утопистами—Р. Оуэномъ, Ш. Фурье и ихъ послѣдователями. „Если капитализмъ—говоритъ онъ—былъ созданъ стихійнымъ развитіемъ хозяйства и явился непредназначеннымъ результатомъ взаимодѣйствія множества отдѣльныхъ человѣческихъ волъ, преслѣдующихъ свои частныя цѣли, то кооперация, напротивъ, возникла исторически совершенно иначе. Она была раньше продумана отдѣльными людьми, какъ средство преобразованія существующаго социально-экономическаго строя, и лишь въ непосредственной связи съ этимъ творческимъ замысломъ кооперация стала могучей социальной силой. Въ противоположность „естественному“ процессу развитія капитализма кооперация была создана „искусственно“. Она имѣла своихъ духовныхъ отцовъ и явилась въ результатъ вліянія на капиталистическое общество социалистическаго идеала. Таковъ историческій фактъ, благодаря которому пониманіе кооперации невозможно безъ знакомства съ социалистическимъ идеаломъ“.

Сообразно съ этимъ отводится довольно много мѣста исторіи коммунистическихъ поселеній и анализу причинъ ихъ неудачъ. Основной выводъ автора—тотъ, что небольшая социалистическая община вполне осуществима, какъ хозяйственная организція, даже въ предѣлахъ современной капиталистической системы. Но такъ какъ значительнаго повышенія производительности труда, сравнительно съ обычнымъ хозяйственнымъ предпріятіемъ, она не обѣщаетъ, то съ чисто хозяйственной стороны она не имѣетъ достаточно крупныхъ преимуществъ, сравнительно съ существующими обычными формами предпріятій и потому не обладаетъ силой вытѣснять эти послѣднія и, замѣщая ихъ, преобразовывать современный капиталистическій строй.

Но, возникнувъ въ тѣсной связи съ социалистическимъ движеніемъ, кооперация, однако, рѣзко отличается отъ послѣдняго—и именно тѣмъ, что она беретъ человѣка и социальную среду такими, какими они есть. Социалистическія общины являются инороднымъ тѣломъ въ системѣ капиталистическаго хозяйства, представляющимъ собою живое отрицаніе его основныхъ принциповъ. Напротивъ, кооперативъ вполне укладывается въ ткань современности; это—новый органъ, правда, иного строенія и иныхъ функций, тѣмъ другіе органы современной хозяйственной системы, но все же питающійся тѣми же соками, какъ и другія хозяйственныя образованія нашей эпохи. Коопера-

тивъ—не социалистическая община, а хозяйственное предприятие. Но чѣмъ же онъ отличается отъ предприятия капиталистическаго, являющагося нынѣ господствующимъ типомъ хозяйственныхъ образований?

Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу наиболѣе темныхъ и запутанныхъ въ кооперативной литературѣ.

Авторъ отвѣчаетъ на него такъ: „кооперативъ есть такое хозяйственное предприятие нѣсколькихъ добровольно соединившихся лицъ, которое имѣетъ своей цѣлью не получение наибольшаго барыша на затраченный капиталъ, но увеличеніе, благодаря общему веденію хозяйства, трудовыхъ доходовъ своихъ членовъ или уменьшеніе ихъ расходовъ на потребительныя нужды“. М. И. Туганъ-Барановскій опредѣленно подчеркиваетъ классовый характеръ движенія.

„Кооперативъ—говоритъ онъ—по самому существу есть организація трудящихся общественныхъ классовъ въ ихъ борьбѣ съ капиталистами. Поэтому ничего не можетъ быть фальшивѣе разсужденій многихъ проповѣдниковъ кооперации о неклассовомъ характерѣ кооперативнаго движенія. Кооперативы всегда были и остаются организаціями классовыми, организаціями трудящихся классовъ“.

Исходя изъ положенія, что кооперативное движеніе „имѣетъ такой же классовый характеръ, какъ и другія социальныя движенія нашего времени“, Туганъ-Барановскій различаетъ въ немъ далѣе три теченія: пролетарское, крестьянское и мелкобуржуазное, характеристикъ и анализу которыхъ посвящаются имъ слѣдующіе три отдѣла книги. Наконецъ, въ заключеніи трактуется вопросъ о классовой природѣ и политической позиціи кооперации. Здѣсь авторъ разсматриваетъ взаимоотношенія различныхъ вѣтвей кооперативнаго движенія, а также его отношенія къ политическимъ партіямъ. Въ каждой изъ этихъ вѣтвей кооперация имѣетъ „существенно иной характеръ и имѣетъ различныя тенденціи развитія. Отсюда ясна невозможность объединенія всего кооперативнаго движенія въ одну организацію и неустранимость внутреннихъ треній между кооперативами, представляющими кооперативы различной классовой природы“. Но это не значитъ, что между ними долженъ существовать неустранимый антагонизмъ,—не сливаясь другъ съ другомъ, пролетарская и крестьянская кооперация все же могутъ быть въ значительной мѣрѣ примирены другъ съ другомъ, ибо между ними при наличности извѣстныхъ различій интересовъ существуетъ и глубокая общность, создающая почву для ихъ взаимнаго снабженія...

Въ составъ пролетарской кооперации, родоначальникомъ которой авторъ считаетъ Р. Оуэна, входятъ потребительныя общества, жилищные кооперативы, трудовыя и

производительныя артели. Но производительныя товарищества, какъ показали опытъ, не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ и не получили распространения. Трудовыя артели болѣе жизнеспособны, но и онѣ играютъ сравнительно незначительную роль въ современномъ хозяйствѣ. Жилищныя товарищества уже гораздо важнѣе, но главнѣйшимъ пролетарскимъ кооперативомъ являются потребительныя общества.

Въ своемъ реальномъ историческомъ осуществленіи потребительская кооперація, опирающаяся на рочдельскіе принципы, стремится къ удовлетворенію насущныхъ мелкихъ нуждъ своихъ членовъ, но въ тоже время преслѣдуетъ и широкія цѣли огромнаго общественнаго значенія. За устраненіемъ розничнаго торговца, посредника между потребителемъ и оптовымъ торговцемъ, идетъ устраненіе послѣдняго—такова задача гигантскихъ обществъ оптовыхъ закупокъ. Но этимъ дѣло не кончается. Общества оптовыхъ закупокъ организуютъ затѣмъ самое производство необходимыхъ имъ продуктовъ и, такимъ образомъ, устраняютъ капиталиста и въ сферѣ производства. Такимъ образомъ, рочдельская кооперація работаетъ надъ осуществленіемъ грандіознаго плана общественнаго преобразования, стремящагося въ своемъ развитіи совершенно разорвать съ существующими хозяйственными формами и создать новую хозяйственную систему. Въ самомъ дѣлѣ, если предположить, что потребительная кооперація охватитъ все населеніе страны, то получится хозяйственный строй, близко совпадающій съ одной изъ формъ социализма—именно, съ такъ назыв. коллективизмомъ.

Что касается крестьянской коопераціи, родоначальникомъ которой является Райффейзенъ, то главную роль въ ней играютъ кредитныя товарищества и товарищества по сбыту сельскохозяйственныхъ продуктовъ или закупокъ необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ—сѣмянъ, орудій и т. п. Въ область же производства кооперація почти не проникаетъ или, если и проникаетъ, то лишь окольнымъ путемъ, со стороны. Поэтому, съ принципиальной стороны, сельскохозяйственная кооперація отнюдь не превращаетъ мелкаго крестьянскаго производства въ какую-либо иную форму. Объединенное кооперативными организациями, хозяйство крестьянина остается мелкимъ въ томъ смыслѣ, что основной ячейкой кооперативной ткани, какъ бы эта послѣдняя ни была развѣтвлена, прочна и сложна, все же остается отдѣльное крестьянское предпріятіе, во главѣ котораго стоитъ самостоятельный хозяинъ, на свой страхъ и рискъ ведущій это хозяйство. Самостоятельности крестьянскаго хозяйства кооперація не только не угрожаетъ, но, увеличивая успѣшность этого хозяйства и повышая его техническій уровень, дѣлаетъ крестьянское хозяйство бо-

лѣе устойчивымъ. Поэтому нужно самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуть идею, будто кооперація ведетъ къ концентраціи крестьянскаго хозяйства и такимъ образомъ подготавливаетъ почву къ социализму. Если предположить, что крестьянская кооперація достигла своего логическаго завершенія и охватила всѣ тѣ стороны крестьянскаго хозяйства, на которыя она въ большей или меньшей степени оказываетъ вліяніе и теперь, то получилось бы хозяйство, конечно глубоко отличное отъ изолированнаго хозяйства недавняго времени, до появленія кооперативныхъ организацій; но какъ бы глубоко ни было это вліяніе коопераціи на крестьянское хозяйство, все же послѣднее оставалось бы крестьянскимъ и отнюдь не стало бы социалистическимъ, ибо въ основѣ его попрежнему лежала бы частная собственность крестьянина на средства производства и продукты его труда.

Наконецъ, мелкобуржуазная кооперація, вдохновителемъ которой нужно считать Шульце-Делича, совмѣщаетъ въ себѣ и потребительныя общества, и народныя банки, и ремесленныя товарищества, но ни одна изъ этихъ отраслей не получила особенно мощнаго развитія. Сообразно своеобразному классовому характеру мелкой буржуазіи, это движеніе имѣетъ своеобразныя черты, отличающія его, какъ отъ пролетарской, такъ и отъ крестьянской коопераціи. Къ мелкой буржуазіи авторъ причисляетъ частью высшія категоріи служащихъ—мелкихъ чиновниковъ, представителей либеральныхъ профессій и т. д., частью мелкихъ предпринимателей, которые получаютъ доходъ изъ двойственнаго источника: изъ своего труда и изъ своего капитала. Поскольку мелкій предприниматель является представителемъ трудового элемента, онъ можетъ быть истиннымъ кооператоромъ; поскольку же онъ является капиталистомъ, эксплуатирующимъ чужой трудъ, постольку онъ чуждъ коопераціи. И потому кооперація въ средѣ мелкой буржуазіи есть не полная, но капиталистическая, перерожденная кооперація. Она не тяготеетъ ни къ коллективизму, ни къ какой-либо иной новой хозяйственной системѣ и легко превращается въ чисто-капиталистическіе товарищества и союзы, не имѣющіе ничего общаго съ коопераціей. Такъ, напр., многіе Шульцевскія ссудо-сберегательныя товарищества въ Германіи превратились въ обычные капиталистическіе банки, а чиновничьи потребительныя общества—какъ Лондоское общество служащихъ гражданскаго вѣдомства или гвардейское экономическое общество у насъ въ Россіи—ничѣмъ почти не отличаются отъ обыкновенныхъ акціонерныхъ компаній и т. д.

Пролетарская кооперація, выраженіемъ которой являются потребительныя общества, стремятся къ пониженію цѣнъ предметовъ потребленія—мяса, хлѣба, земли и т. п.,

производимых крестьянами. Наоборотъ, крестьянская кооперация представляя интересы деревенскихъ производителей, ставитъ себѣ цѣлью поднятіе той цѣны, которую крестьянинъ выручаетъ при продажѣ продуктовъ своего труда.

На почвѣ этихъ противоположныхъ стремленій можетъ возникнуть рѣзкій антогонизмъ между означенными двумя движеніями. Такъ, напр., во время волненій, вызванныхъ въ 1911 г. обостреніемъ дороговизны жизни въ разныхъ западно-европейскихъ странахъ, деревенскіе кооперативы подверглись ожесточеннымъ нападкамъ со стороны вождей городской потребительской кооперации; да и вообще отношенія между ними отнюдь не могутъ быть названы дружескими.

Крестьяне и фабричные рабочіе одинаково принадлежатъ къ трудящимся классамъ населенія, и это создаетъ почву для признанія извѣстной солидарности ихъ интересовъ. Паденіе благосостоянія деревни невыгодно отражается на заработной платѣ фабричныхъ рабочихъ, вызывая усиленный притокъ рабочихъ рукъ въ городъ, и сбивая здѣсь цѣну на трудъ. Съ другой стороны, паденіе заработной платы городскихъ рабочихъ невыгодно отражается на деревнѣ, сокращая городской спросъ на издѣлія крестьянскаго труда. Для согласованія же интересовъ производителя и потребителя есть надежное средство—борьба съ посредниками, которые наживаются на нихъ обоихъ. Но конечно это средство дѣйствительно только до извѣстнаго предѣла, и тогда остается прибѣгнуть уже къ принципу „справедливой цѣны“, соответствующей труду производства.

Такая трудовая цѣна должна быть признаваема основой для установленія прочнаго мира между крестьянской кооперацией производителей и городской кооперацией потребителей.

Правда, въ настоящее время такого сближенія между указанными движеніями на западѣ пока не наблюдается. Но для этого взаимнаго разъединенія существуютъ особыя причины, коренящіяся не въ хозяйственной, а въ политической области. Въ Россіи до настоящаго времени не наблюдается никакого антагонизма между крестьянской и пролетарской кооперацией и возможно, что это положеніе останется безъ перемѣны также въ будущемъ, ибо сохраненіе дружественныхъ отношеній между ними отнюдь не противорѣчитъ классовому характеру кооперации.

Ставя себѣ цѣлью познакомить читателя съ главнѣйшими теченіями европейской кооперативной мысли, я не останавливался подробно на выясненіи того, что въ нихъ было жизненнаго, какіе обнаружили пробѣлы, и что уста-

рѣло, ограничившись лишь краткими критическими замѣчаніями. Ибо наилучшимъ способомъ для разрѣшенія этой задачи является по моему мнѣнію не попутная критика той или иной системы, а систематическій анализъ основныхъ проблемъ кооперативной теоріи, считающейся со современной ихъ постановкой. Попытка такого анализа была сдѣлана мною въ книгѣ „Основы кооператизма“, вышедшей въ 1917 г., къ которой я и отсылаю читателя, интересующагося означенными вопросами.
